

ИЮЛЬ '87

Уроки революции и перестройка
Трудные дети. Как их воспитать?
Ясная Поляна. Быль и боль
Леонид Бежин. Новый рассказ
Братья Стругацкие. Повесть-сказка
Здоровье смолоду. Жизнь без курения

Цветы юности. Фотограф Бориса Раскина

СМЕНА

14

ISSN 0131-6821

Герой
Социалистического Труда

Георгий Сологуб:

ИХ НУЖНО ПРОСТО ЛЮБИТЬ

«Уважаемые Анна Максимовна и Георгий Павлович! Пишет вам бывший «трудный» ученик Игорь Порошин, ныне сержант Советской Армии. Не знаю, что случилось бы со мной в жизни, если бы не вы, дорогие мои учителя. Именно вы сделали из меня человека — верой, добротой своей, любовью...»

«Я понял, что никому не нужен в этой жизни. И никому до меня не было дела, кроме вас, Георгия Павлович. Но мне сейчас стыдно в глаза поглядеть вам с Анной Максимовной: хотел я «завязать», да не вышло. И все, покатился по наклонной... Скоро суд. И поделом дураку! Не столько тюрьмы боюсь, сколько вашего осуждения и презрения... Но знаю твердо: что бы ни случилось, как бы меня, непутевого, судьба ни

уделала, есть на свете два человека, которых люблю и почитаю, из уважения к которым должен встать на ноги и жить по чести и совести. Простите меня, если можете. Но сам я себя никогда не прощу...»

Эти письма Георгия Павлович покажет мне вечером, а пока я еще иду с почтальоном по неширокой очерской улице, застроенной деревянными домами, и слушаю его шуточные жалобы.

— У меня уже плечо болит Сологубам почту носить. Со всего Союза им пишут и пишут... Оно понятно: личность известная — Герой Труда! Но ведь и не всякому герою столько писем шлют. Значит, ценят и уважают нашего Георгия Павловича. И есть за что: необыкновенной души человек!.. Мы подошли к высокому деревян-

ному забору: направо серое кирпичное здание — административный корпус Очерской спецшколы. За этой стеной, ограждающей всю территорию спецшколы, учатся и живут 11—14-летние мальчишки, которые в своем столь юном возрасте уже успели перешагнуть черту закона.

В директорском кабинете сидел невысокий, худощавый мужчина с пронзительными и добрыми глазами. Скромный серый костюм, на груди — орденские планки. Георгий Павлович шагнул навстречу.

— Милости просим! С дороги устали? Есть предложение: я сейчас еду в райком партии, где пробуду до обеда, а потом мы с Анной Максимовной покажем вам нашу школу, познакомим с ребятами. А вы пока отдохните. Договорились?

Я уже знал, что Анна Максимовна, жена Сологуба, — его заместитель по воспитательной работе, а точнее сказать — ближайший помощник и сподвижник. Опытнейшие учителя, вот уже свыше двадцати лет они работают в Очерской спецшколе.

Мы сидим в кабинете Сологуба, читаем письма его питомцев. Все ящики столов Георгия Павловича и Анны Максимовны забиты письмами.

— Ну, как письма? А словечки, жаргон? — Сологуб стоит рядом, взволнованный. — Мне они пишут еще откровеннее, так сказать, по-мужски. Но дело не в словах. Ведь что получается? Мы тут по зернышку четыре года собираем, ищем в этих все повидавших человечках то, что еще осталось у них хорошего, ждем, надеемся, что из зернышек вырастет

Современной школе нужен не просто учитель, школе нужна Личность — масштабная, незаурядная, способная откликнуться на боль и искания юного человека.

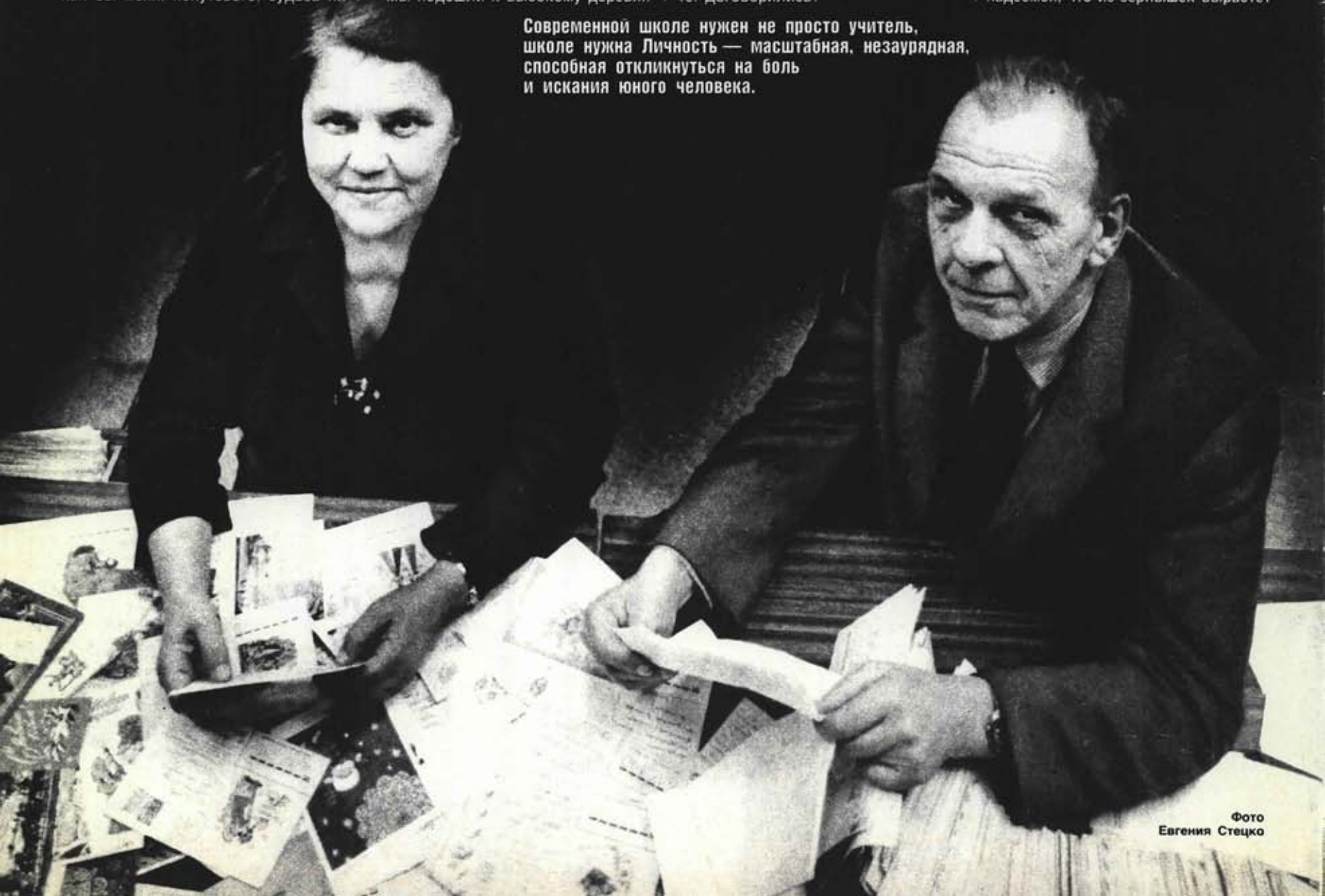

Фото
Евгения Стецко

здоровое деревце. И оно растет, пусть слабое, но здоровое. И вдруг чья-то подлая рука хватается за него, гнет к земле, ломает. «Ах, ты из школы Сологуба? Нет для тебя у нас работы!» И захлопываются перед парнишкой одна за другой все двери отделов кадров. «Ага, ты когда-то пил? А ну-ка попробуй снова!» И протягивают парню бесплатный стакан дешевого суррогата. За который завтра, оказывается, надо платить. А раз нет денег, значит, нужно воровать, грабить, избивать. Расплачиваться подлостью за подлость. И все! Конец нашему воспитанию. Здесь, в школе, ребята узнают другую жизнь — без унижений и оскорблений, воровства и пьянки, начинают ценить человеческую доброту, честным трудом заработанный, а не украденный рубль. И вдруг это все обрывается, потому что заканчивается школа. Вот тут бы и подать нашим парням крепкую руку: «Из бывших? Значит, умеешь честно жить и работать! Нам такие как раз и нужны!» Но нет такой дружеской верной руки — ни в школе, ни дома. Если у учителя не хватает душевности, сердечности, этого никакими сверхмодными программами, учебниками не заменишь. Дома зачастую у ребенка нет семьи, того главного стержня, вокруг которого формируется человек. Зато все мнят себя воспитателями. Прочитал сыну на ходу страничку в книге или сходил с ним в кино — так разговоров!.. А уж если по голове сына или дочь удосужился поглядеть, — такую руку хоть в музее выставляй! Хлеб, овощи растим, все по науке делаем — удобряем, поливаем. А детей, как сорные семена, по ветру разбрасываем — вырастут! Вот и растут эти дети-сорняки, никому не нужные, не обласканные...

Сологуб замолчал. Потом тихо сказал:

— Не такой вы представляли нашу встречу, да? Разговорился я тут, извините... Ну, что ж, пойдемте посмотрим, как мы тут живем.

Что же представляет собой Очерская спецшкола? Это большое, отлаженное «хозяйство», расположенное на площади в 26 гектаров. Рядом с административным зданием — двухэтажный жилой корпус. В нем, кроме спальных комнат, есть комнаты отдыха, бытовые помещения, большой и хорошо оборудованный спортзал, кинозал и просторная столовая. Метрах в пятидесяти — двухэтажный учебно-производственный корпус. На первом этаже — производственные цехи (наших заводчан бы туда, пусть посмотрят, какими чистыми и просторными могут быть заводские помещения!). На втором этаже — классы и кабинеты. Ни одна из комнат не закрыта на замок. Спрашиваю у невысокого крепкого паренька (совершил десятка три краж, угонял машины): «Почему в школе не крадешь? Ведь все открыто!» Обиделся, отвечает: «А зачем? Здесь никто не ворует. Как же я?... Стыдно...»

Кроме трех главных корпусов, котельная, стадион (футбольное поле и хоккейная коробка), парник и баня. Неподалеку — большое поле, сад, где ребята выращивают овощи, фрукты и ягоды.

Распорядок здесь не очень жесткий, но и не для неженки. Поднимаются мальчишки в 7.30. И все двести человек бегут в спортзал. После зарядки и умывания заправляют постели, строятся и идут на завтрак. Пока завтракают, группа дежурных воспитателей проверяет порядок в спальных комнатах (у каждого отряда, состоящего из 20—22 человек, отдельная комната). «Этот отряд получит четверку», — тихо говорит Сологуб, когда мы оказываемся в одной из спален. «Почему? Ведь здесь идеальный порядок!» — удивляюсь я. «А вон с той кровати покрывало неровно свешивается», — отвечает директор.

Вот так...

Идем в столовую. Ребята уже заканчивают завтрак — рисовая каша, стакан молока, белый хлеб с маслом. Поражает необычная тишина. Оказывается, во всем «виноват» раз и навсегда заведенный порядок — есть молча. Если нужна добавка или возник вопрос, подросток поднимает руку, и к нему немедленно подходит кто-то из дежурных (их два-три — в белоснежных халатах и колпаках), и тут же выдают добавку.

Дисциплина должна соблюдаться во всем, считает Сологуб. Баллы снижаются за грубые, произнесенные кем-то из членов отряда слова типа «дурак», «вреду» и им подобные. За нецензурную брань, драки отряд и вовсе исключается из числа соревнующихся.

Поразило очень мягкое поведение Сологуба на линейке-разводе. Он не диктовал свою «волю», не ругал никого, не пугал. Предоставив воспитателям самим определить, какой из отрядов за прошедшие сутки сработал лучше, он просто и коротко поздравил победителей, посочувствовал проигравшим, найдя и для тех и для других добрые слова... И я видел, как паренек, из-за которого отряд лишился классного места, утирал потихоньку слезы.

И вот я остаюсь один: Георгий Павлович собрал сотрудников и воспитателей на планерку. Захожу в одну из бытовых комнат — здесь ребята готовят домашние задания, переодеваются, уходя на работу. В комнате — четверо. Разговор получается не сразу. Один паренек из Добрянки (районный центр, километрах в ста от Перми), оба родителя живы и здоровы. Пили и пьют. За три года ни разу не побывали в школе. Воровать научили они же — отец покупал водку и посылал сына за закуской, не дав ни копейки. Вначале мальчишка крал продукты, потом дело дошло и до денег, вещей.

Другой — из Краснодарского края. Совершил десятки краж, несколько довольно крупных. Научился пить, курить, в 13 лет познал «любовь» женщины.

Третий тоже до спецшколы прошел «огонь, воду и медные трубы». Скинул. Исколесил Союз вдоль и поперек. Совершил несколько крупных групповых ограблений. Участвовал в покушении на убийство.

Самая «благополучная» биография оказалась у четвертого мальчишки. Родители допились до того, что в доме не осталось вещей, которые можно было бы продать, чтобы купить вина или водки. Парень голодал, жил на чердаках, кормился объедками в столовых и буфетах. Пробовал воровать, но получалось плохо. «Боялся, что поймут и изобьют. Однажды видел, как это делали...» Узнал случайно об Очерской спецшколе и сам сюда напросился.

Четверо... А таких мальчишек в школе Сологуба свезше двухсот!

— Они к нам приезжают, как ежики колючие, — рассказывает Георгий Павлович. — Надо три-четыре месяца, чтобы ребята немножко «оттаяли», привыкли... За это время знакомимся с ними, изучаем личные дела, привычки, наклонности. Кого только нам не присылают!.. Малолетних воров, грабителей, насильников и даже убийц... И, конечно, все они пьют, курят и самое страшное — к своим 12—14 годам насмотрелись и натерпелись такого, что ни во что не верят. Как-то просматривал дела шестидесяти трех новичков. Невероятно! Десятерым впервые налил рюмку отец в семилетнем возрасте, восьмерым в девять лет начали спаивать матери, шесть мальчишек впервые узнали вкус водки в пять лет! Семь человек не могли точно назвать имя настоящего отца. Многие не помнят, как зовут мать...

Как-то прибыла к нам группа новеньких. Подошел я к одному худенькому пацаненку и поглядел его по голове. А он вдруг заплакал.

Я спрашиваю: «Сынок, ты что, обиделся, не любишь нежности?» «Нет, — говорит, — меня просто никто еще никогда вот так не гладил... Били часто...». Вы представляете?! Тут и у меня даже слезы к горлу подкатили. Милый ты мой, думаю, да за что же тебя так жизнь обделила? Смотрю я на таких вот, и сердце разрывается: кому они нужны? Родителям, променявшим детей своих на водку и разгульную жизнь? Обычным школам, которые только и мечтают о том, чтобы избавиться от «трудных»? Кому?..

И тут Георгий Павлович рассказал мне о ЧП, приключившемся с учеником Платошкинской школы.

— В январе прошлого года восьмиклассник Виталий Наймушин, находясь в пьяном состоянии, бросился под колеса трактора. Смерть наступила мгновенно. Случай, конечно, из ряда вон. Стали разбираться. Оказалось, мать мальчишки — хроническая алкоголичка, умерла от запоя пять лет назад. Отец еще раньше бросил семью и завел новую. Суд после смерти матери определил опекуном тетку Виталия. А у той своих трое детей. И парень перебрался жить к бабушке. А она гнала самогон, делала брагу. И мальчишка пил и курил с девяти лет! Об этом все знали. И директор школы, и классный руководитель, и участковый инспектор, и шеф-депутат, и председатель комиссии по социалистической законности, даже заведующий районом. Мы насчитали больше десяти разных ответственных лиц и комиссий, спокойно наблюдавших, как мальчишка спивается и отбивается от рук...

— И что же дальше? — спросил я.

— Дальше? А дальше пришла беда. У опекуни-тетки пропал магнитофон. И все показали пальцем на Виталия — он, мол, украл. Две недели парень ходил, доказывал всем, что не воровал он, не крал магнитофона. Но ему не верили. Тогда он занял у бабушки денег, напился и на глазах у своих одноклассников спросил у своего друга Владимира Ардашева из параллельного класса (который, как позже выяснилось, и украл магнитофон): «Неужели и ты думаешь, что магнитофон украл я?» И тот, представьте себе, ответил утвердительно. Тогда Виталий, отложив Ардашева, бросился под колеса проходящего мимо трактора. Хоронили всей школой. Оркестр, цветы, траурные хорошие слова — все как положено, все по форме. Только ни слова о том, кто должен ответить за судьбу мальчишки. Ни заведующий районом, ни директор школы, ни полтора десятка правоохранительных и общественных «воспитателей» не обмолвились об этом. Не нашли мы этого ни в приказах, ни в постановлениях, ни в актах расследования. Никто даже не попытался дознаться, кто же напоил парня. Наплодили мы разных комиссий, постов, в основном бесполезных, и не видим за толпой этих «воспитателей», как наших мальчишек и девчонок давно уже воспитывают улица, подвалы, вино, водка, наркотики. Воспитывают жестоко, выкорчевывая из них все хорошее, человеческое. А мы все «торгуемся»: кто несет большую ответственность за воспитание наших детей — школа или семья? Отец или мать? Улица или милиция? А их не воспитывать надо. Их нужно просто любить!

Вот оно, главное, — «просто любить»! У Сологуба нет никакой особенной педагогической системы, нет наукообразных методик, которыми могут похвалиться учителя-чиновники. «Как же изучать систему Сологуба?» — порой спрашивают его любопытные коллеги. Георгий Павлович лишь разводит руками. И опять повторяет: «Их же надо просто любить!»

Да, да, в этом весь секрет. Любовь, наверное, самый лучший воспитатель. Незаменимый.

В работе, в живом деле мальчишки преобразуются. Никогда не видел так увлеченно работающих ребят. Заметили ведь, что появился посторонний, но хоть бы один приподнял голову, оторвался от своего станка! И так все два с половиной часа ежедневно, кроме воскресенья, ребята точат, сверлят, шлифуют на своих станочках-полуавтоматах.

У входа в цех висит карта, испещренная стрелками. Стрелки указывают страны, куда поставляется продукция, в производстве которой принимают участие воспитанники спецшколы, — Япония, Канада, Пакистан, Сирия, Финляндия — десятки развитых стран. Продукция — кранки к мотопилам «Урал», что выпускают у нас в Перми. Те, кто знаком с работой мотопил хотя бы понаслышке, знают, как сложен этот узел, собираемый из десятков точно подогнанных деталей. И ни одной рекламации.

Изготавливая качественную и нужную продукцию, ребята и неплохо зарабатывают. До 35 процентов заработанных ими денег перечисляется на индивидуальные счета (у каждого — свой). Так что, заканчивая школу, некоторые из них имеют до 200—300 рублей, которые могут под контролем школы потратить на приобретение выходной одежды, нужных вещей. Остальная часть средств переводится на счет школы. Но беда в том, что деньги эти по существующим правилам школа не может тратить по своему усмотрению! Рядом со школой стоит недостроенный многоквартирный дом для сотрудников (проблема жилья так же остра, как проблема кадров), облизполком не выделил средства для окончания строительства. В то же время 800 тысяч рублей, заработанных ребятами, лежат «забаррикадированные» древними инструкциями.

Кстати, соловубовские выпускники, заканчивая школу, не только получают квалификацию токаря, слесаря, столяра, но и приобретают все трудовые навыки, необходимые для работы на селе: умеют пахать, сеять, косить, ездить на автомашинах, обслуживать простейшую сельхозтехнику. Ребята готовят десятки тонн кормов (зерно, сено) для свиней, полностью обеспечивают спецшколу картошкой и овощами. Одно варенье и компотов из ягод заготавливают несколько тонн.

Дети Сологуба нашли в спецшколе то, что не имели дома, — заботу и внимание, честность и требовательность. Они нашли здесь настоящих педагогов, бескорыстных и добрых, на которых им далеко не всегда везло в обычных школах. И все-таки, как бы им тут ни было хорошо, Георгий Павлович и его помощники не могут заменить ребятам ни родителей, ни учителей. Как бы ни жили в спецшколе мальчишкам, все равно забор есть забор. А кто в этом виноват? Мы, взрослые. Это ведь наши дети. Значит, наша вина и боль. Значит, нам за них отвечать, если не перед собственной совестью, которой у кого-то может и не быть, то перед этими мальчишками.

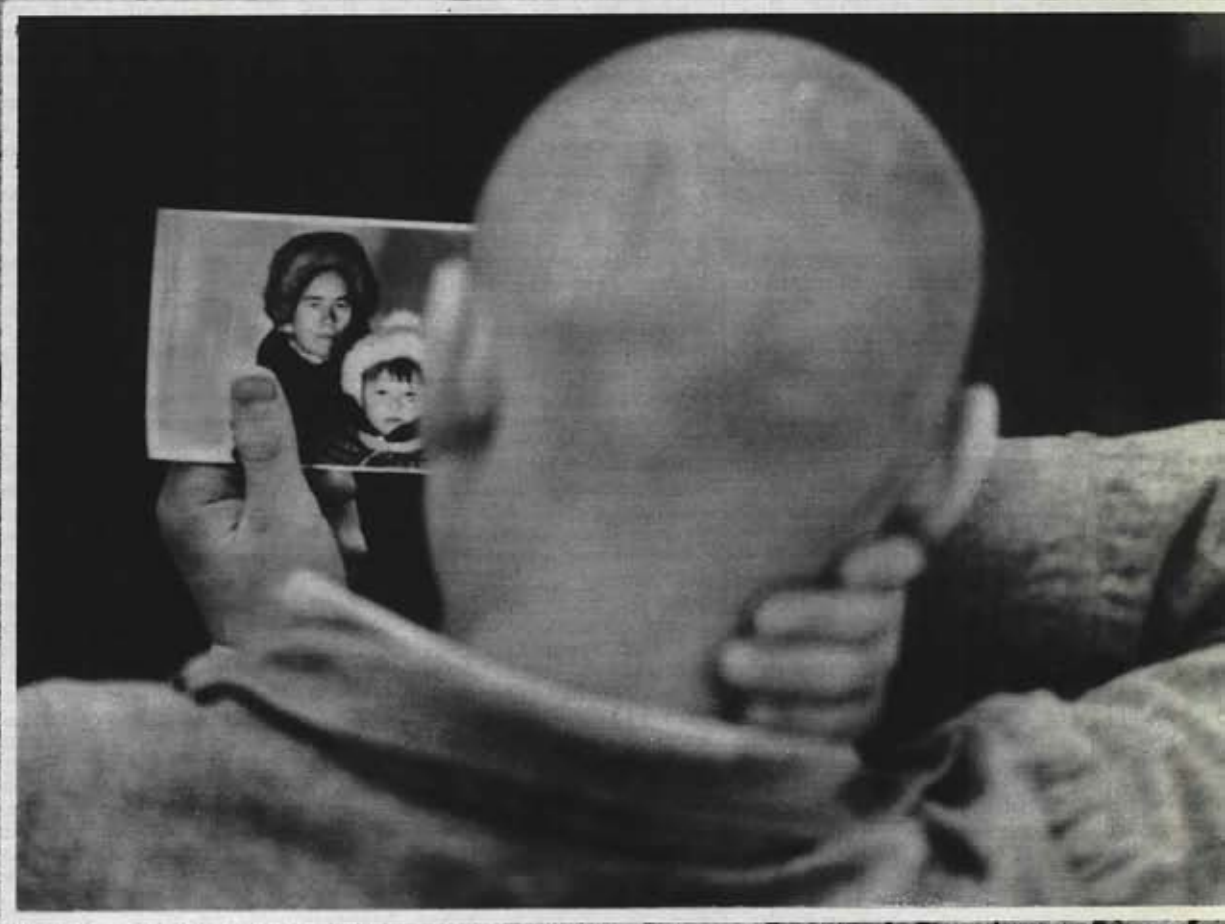
«Отец, не пиши мне больше писем! Ты для меня не отец, и я тебе никогда не подам руки...»

«Мама, я тебе не верю! Ни одному твоему слову не верю и не буду верить! Ты меня опять обманываешь!..»

Читаешь эти письма, и страшно становится. Больно и страшно.

Ох, как нелегко Сологубу с этими мальчишками!.. Такие характеры падают — любой педагог разведет руками. Но только не Георгий Павлович. Он не верит в неисправимых. Он верит в силу доброты, в силу любви. И стремится, чтобы в это поверили его пацаны, получающие здесь, в Очерской школе, путевку в жизнь.

Сергей ФЕДОРЧЕНКО

Георгий
СОЛОГУБ

Из книги «Каждая минута жизни»

«РВАНЕМ?»

— Вовка, рванем?
— Давай!

Через минуту два друга оказались за забором спецшколы. Через десять минут один из них уже стоял перед директором. Другого задержали часа через полтора. На улице под минус тридцать. Легкое пальто, на ногах сапоги с хлопчатобумажными носками и тоненькой портянкой. Бежать ни тому, ни другому некуда. Один — бывший воспитанник детдома, у другого — спившаяся мать, которой сын не нужен. Что же случилось? Какова причина очень серьезного нарушения в условиях спецшколы?

— Чего тебе не хватало? Скажи по совести.
Молчание.

— С кем-то из ребят поцапался?
— Нет.

— Может, кто-то из взрослых чем-то тебя обидел?

— Нет.

— Ну, знаешь, я тебя не понимаю. Сыт, одет, тепло, чистота, а ты бежишь на мороз. Ведь понимаешь, что до станции двадцать четыре километра, что ночью по морозу надо топтать около пяти часов. Да и кто тебя ждет, если ты даже доберешься до дому? Опять милиция, детприемник. И привезут сюда же. Так?

— Так.

В конце концов доходим и до истины. Оказывается, ларчик открывается так просто, что простота эта не укладывается в голове. Предварительного разговора о побеге с товарищем не было, просто на прогулке играли. Оказавшись за зданием, где их никто не видит, один сказал: «Рванем?» Другой ответил: «Давай!»

— Но ведь не поздно было остановиться! Как так сразу? Не думал и вдруг побежал!

— Да я же сказал: «Давай!» Как назад отступить? Ведь скажет, что я трусил!

Беседа с его другом полностью подтвердила слова Вовки. Он тоже не думал бежать, но Вовка согласился, и он побежал.

— И не мог ты одуматься? Ведь было время, когда перелезали через забор.

— А что я мог сказать, что это в шутку я ему предложил бежать? Ну, знаете! Он же скажет, что я трус.

Решение — и тут же исполнение. Этот эпизод опять-таки заставил задуматься. Искренность ребят не вызвала сомнений. Да и решения-то не было. Просто сказал, оглянулся, никто не видит — значит, можно сделать то, чего делать нельзя. Что это? Особенность психического склада? Но все ли нормально в таком случае с психикой, если человек делает то, что делать нельзя, только потому, что представляется возможность сделать это? Не особенность ли это отдельных людей — вначале действовать, а потом думать?

А возможно, и третье суждение будет правильным? «Струсил! Трус!» Для подростка это равносильно пощечине. Но ведь мы-то понимаем, что слово «трус» звучит в полную силу только тогда, когда произносится с полным основанием. В данном же случае отступление было возможным и слово «трус» не могло явиться серьезным обвинением в слабости. Может быть, этого и не почувствовал Вовка? Для него «трус» во всех случаях равнозначно несмыслаемому темному пятну на его репутации. О том, что будет дальше, каковы последствия поступка, не подумал ни тот, ни другой. Удивляет и эта особенность. Из двоих ни один не подумал о последствиях. Почему? Размышления, догадки. Правильны ли они? На этот вопрос, возможно, даст ответ специалист-психиатр. А может, это и нормальное явление? Ломай голову, думай и думай. Конечно, легче отмахнуться от такого анализа: мало ли что бывает! Но нет. В четырнадцать лет я бы не допустил такой глупости. Перебираю в уме своих сверстников: а кто бы из них мог поступить так же в 14 лет? Спрашиваю кое у кого из сотрудников школы, могли ли они совершить подобное в таком возрасте. И тоже получаю отрицательный ответ.

Возможно, с годами мы и забываем, на что были

Работа —
в радость.

А дома мама
с сестренкой
остались...

Спрятался.
От кого?..

Интересная наука —
география.

способны в детстве. А может быть, и что-то новое, с чем почему-то не сталкивался раньше или просто мимо чего прошел, не обратив внимания. Поступок без причины или следствие, не вытекающее из причины. В процессе работы с этим явлением пришлось сталкиваться довольно часто и мучительно искать ответа. И придется, наверное, говорить об этом в дальнейшем. А сейчас можно только поблагодарить Вовку и его друга. Они-то в первый год работы с трудными подростками заставили шевелить и шевелить мозгами, думать над тем, на что не обращал внимания.

УБИЙЦА

Бегло просматриваю личное дело только что доставленного из детприемника новичка. Передо мной тринадцатилетний убийца. Выдавшаяся одежда, ссутулившаяся фигурка, какой-то бегающий, ни на чем не останавливающийся взгляд. Документы в порядке, заключение психоневролога есть: «На приеме

психических заболеваний не выявлено». Сказано все, и не сказано ничего. Понять, однако, можно: «С меня не спросишь, на приеме все было нормально, а что есть в самом деле, я не ведаю». Мудрое заключение, что тут добавишь!

Будущий воспитанник ушел с дежурным. Внимательно вчитываюсь в материалы личного дела. Следовательно в протоколе допроса фиксирует все, пытаюсь разобраться, что явилось причиной тяжчайшего преступления. И перед глазами встает ужасная картина. Четверо несовершеннолетних, пользуясь отсутствием родителей, баловались охотничьим ружьем. Случайный выстрел. Несколько дробинок попало в мягкие ткани ног самого младшего. Тут же перевязали рану, так как, к счастью, она оказалась пустяковой, затерли следы крови на диване, ружье положили на место. Сделано все, чтобы взрослые не узнали о случившемся. Пострадавший остался в квартире, друзья уходят. Сидя на берегу реки на бревне, кто-то сказал, что все равно родители обо всем узнают. «Он вы-

даст, он не скажет, что сам поранился. Расскажет все, как было, и нам попадет». Вывод поразительный, никак не укладывающийся в голове: чтобы не выдал, надо убить и спрятать. Вызывают друга из дома. Приходит он на берег, объявляют решение. Он плачет, просит не убивать, клянется, что не выдаст. В кустах камнями и палками убивают первоклассника, выкапывают в песке ямку, забрасывают мусором и, накатив бревно, расходятся по домам.

Не знаю, как себя чувствовали другие участники после совершенного, но старший из них, тот самый, который был инициатором этого ужасного преступления и который несколько минут назад сидел передо мной, на вопрос следователя: «Тебе не было жалко, когда били?» — ответил: «Нет». А когда следователь спросил, что он сделал, когда пришел домой, услышал ответ: «Лег спать». — «И спал?» — «Спал». — «И во сне ничего не видел?» — «Нет». — «А когда проснулся, что сделал?» — «Я не проснулся. Меня разбудили работники милиции и забрали».

Если бы мне раньше кто-то рассказал о подобном случае, я, честно заявляю, не поверил бы услышанному. Думаю, что сомневающимся в достоверности этого эпизода немало. Объяснить его, наверное, смогут только врачи-психиатры.

Все ли в порядке в психике ребенка? Вот вопрос, который беспокоит всякий раз при приеме новичка. Опасения серьезные.

ТОЛЯ-ТУЛА И ПРОСТО ТОЛЯ

Много хлопот с воришками. Но тут все просто. Заранее знаешь жанр и номера их репертуара. Но никто не знает, что может преподнести высокий, нескладный и вечно недовольный чем-то Толя по прозвищу Тула. Ребята его боятся и сторонятся. И смеются: «Скажите Толе, что город Тула — самоварный город. Вот заведется! Сразу, с пол-оборота!»

Читает он много. О Туле, наверное, прочитал все, что ему попадало в руки. И помнит многое. Что и говорить, патриот своего города. Но по-

пробуй не согласишься с чем-нибудь, возрази! Моментажно доходит до бешенства: «Убью, зарежу!» С чем угодно бросится на обидчика. Рассказывали, что, поспорившись с ребятами из-за какого-то пустяка, сбежал из школы. Бежать некуда: круглый сирота. На чердаке дома, находящегося в полусотне метров от здания спецшколы, просидел в кирзовых сапогах и телогрейке трое суток. А был январь! Жильцы дома обнаружили его случайно с серьезными обморожениями рук и ног и доставили в спецшколу. Логично обосновать свой поступок не мог.

— А что они пристаю!

— Кто?

— Все. В следующий раз голову разобью кому-нибудь или повешусь.

Прошло шестнадцать лет. Не помню, что написал психоневролог в медицинской справке при направлении в спецшколу. Восстановить это уже невозможно. Так долго личные дела в школе не хранятся. Возможна и такая формулировка: «Патохарактериологическое развитие личности». Ведь иногда (в двух-трех слу-

чаях из ста) бывают и такие предостерегающие, но почти ничего не говорящие педагогу записи. Может, и обычное: «На учете у психоневролога не состоял». А ведь факт остается фактом: у подростка явные отклонения в психике, и одних педагогических мер недостаточно.

А вот другой Толя. Под вечер два сержанта милиции и работник детской комнаты доставили в школу двенадцатилетнего худенького парнишку.

— Ну, наконец-то добрались,— облегченно вздохнули они,— возьми-те это чадо.

«Чадо» тут же завопило:

— Ни минуты здесь жить не буду! Повешусь! Зарежусь! Взорву всю милицию! Город сожгу!

Сбежалось больше десятка человек, привлеченных воплями. Глаза закрыты, все тело дрожит, слышны угрозы одна страшнее другой. Принимала «чадо» заместитель по воспитательной работе А. М. Сологуб. Жизнь заставила ее перебрать массу справочников по психиатрии. (Квалифицированного психиатра

в школе нет. Не положено по штату.) Психиатр-самоучка решила, что необходимо парнишку выводить из состояния истерии. Вспомнила, что в таких случаях толпа любопытных только усиливает приступ.

Выйдите, пожалуйста, все!

Когда кабинет опустел, подошла к ребенку, положила руку на голову и тоном приказа потребовала: «Успокойся!» Вопли прекратились, парнишка постепенно стал приходить к себе. Стриженная голова какой-то приплюснутой формы покрыта множеством шрамов. Очевидно, роды проходили ненормально, серьезную же травму головы, как выяснилось позже, получил в трехлетнем возрасте. Затем последовала еще одна. Потом упал с лестницы. Повредил позвоночник и очень сильно ударился головой. Долго болел. В школе ругают за то, что плохо учится. Дома бьют пьяные родители. Читает с трудом, на уровне ученика второго класса. Таблицы умножения совсем не знает, но переведен в четвертый класс. Очевидно, потому, что в специальной школе ни второго, ни третьего класса нет, а сбывать «чадо» нужно. Мальчишка совершил целый ряд краж. Бесперывные побеги из дому вынуждали искать средства для пропитания. А затем пошли велосипеды, мотоциклы.

В специальной ли школе место тому и другому Толе? Кто решил, что режим специальной школы, рассчитанный на здорового ребенка,— лучшее средство для лечения больного?

ЮРА

Страшнее всего, когда в школу попадают такие, когда во внутреннем мире которых доберешься не сразу. Они для педагога — загадка.

Вот что пишет воспитатель, внимательно присматривавшийся к Юре в течение нескольких месяцев: «Поведение неровное. Подъемы и спады. То парень старается изо всех сил в учебе, прилежно работает в мастерских, то становится ко всему безразличным. Период какого-то внутреннего возбуждения, подъема сменяется депрессией. Угрюмый, замкнутый, способен устроить ссору из-за пустяка, ударить товарища. Постоянная возня, шум вокруг на него действуют раздражающе. Иногда резко, с надрывом кричит: «Да тише вы, чего орете!» Особенно настораживает то, что в моменты депрессии старается уединиться. В беседе признался, что сам не знает, что с ним происходит, иногда просто не хочется жить».

Часто ему снится, что его преследуют, стреляют в него, от страха просыпается. Утром болит голова. Днем иногда слышит женский голос, окликающий его по имени. «Оглянись — никого нет». Рассказывал, что дома шел как-то с ребятами вдоль оврага. И вдруг из-под обрыва вылезает какой-то мужик с топором. Бросился бежать. Когда объяснял ребятам, почему побежал, они смеялись.

В школе наблюдалось подобное явление. Шли строем. Вдруг Юра отпрянул в сторону. Ему показалось, что что-то летит на него. Отпрянул, чтобы не столкнуться.

Прошлое у парнишки таково. Курить начал в семь лет. Спиртное употреблял с одиннадцати, в возрасте двенадцати лет перенес желтуху и переломы обеих рук, полученные в драке. Отец-инвалид на глазах сына покончил жизнь самоубийством: отравился кислотой. Смерть отца перенес очень тяжело: долго находился в обморочном состоянии. Несколько раз терял сознание в результате травмы головы. Один раз сумел привести в чувство только в больнице. После неудачной попытки убить милиционера из огнестрельного оружия хотел повеситься. Может ли сказать педагог, чего ожидать от подростка в дальнейшем? А ведь

от него требуется гораздо большее: он несет моральную ответственность за дальнейшую жизнь будущего гражданина. Но он-то безоружен, так как не имеет даже элементарных знаний по патологии явлений детской психики.

ПАША

«Хоть убейте меня, а таблицу я все равно не выучу»,— заявляет рослый тринадцатилетний крепыш.

— Паша, у тебя спрашивали, сколько у курицы ножек?

— Ага, спрашивали. Я что, дурак, что ли. Ответил, что две.

Парень вырос в деревне, это-то он знает.

— А чем бревно отличается от дерева, ответил?

— Тоже знаю: дерево стоит, а бревно лежит.

Ясно, что был на медико-педагогической комиссии. Традиционные вопросы. На свою беду Паша этот экзамен выдержал, и две тетеньки решили, что он для вспомогательной школы, где за восемь лет подростки осваивают программу начальной школы, не подходит. Обязан Паша за десять лет окончить десять классов. Букв не знал, считал по пальцам до десяти, но в первом классе на второй год не оставляют. Во втором проучился два года, остался на третий. Изредка являлся в школу, в основном для того, чтобы свести счеты с тем, кого еще не успел поколотить на улице.

Семья большая. Старший брат сидит за хулиганство.

— Мужика одного отлупил,— не без гордости заявляет Паша.

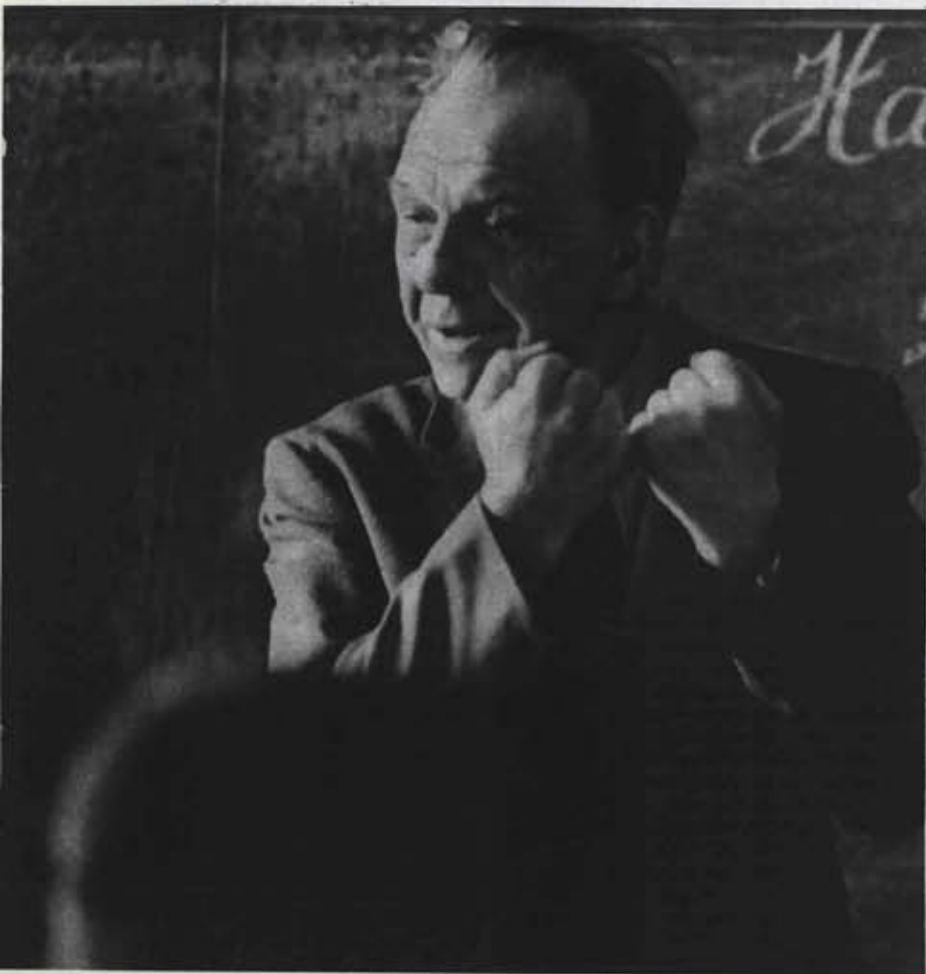
Сестра дома возится с маленьким ребенком. Не знает Паша, выходила ли она замуж или не выходила. Еще есть брат и сестра. Эти учатся. Родителям не до детей. Столько всяких праздников, выходных, да в совхозе еще регулярно выдают и аванс, и получку. Просто некогда людям протрезвиться. Болит еще голова с похмелья, а тут снова событие, и без выпивки просто не обойдешься. Когда уж детьми заниматься!

Неплохой Паша паренек. Работать любит. Похвали Пашу, вкалывает, как говорят ребята, «будь здоров». На уроке сидит и внимательно смотрит на учителя. Но глаза пустые. Не может понять, что к чему. Вот и на выполнении домашнего задания хватил голову руками, полускрыв глаза, сосредоточенно что-то перебирает в уме. «Грызут» его ребята за каждую двойку. Воспитатель спрашивает Пашу отдельно. Помогает ему и товарищ по парте. Что-то он еще помнит, когда учит, но на следующей день на уроке ответить не может.

Не виноват парень в том, что взрослые люди взвалили на его плечи непосильный груз, а затем начали убивать в нем все доброе, человеческое, обсуждая и прорабатывая на всех уровнях. Озлобился, ожесточился парень, потерял стыд и совесть. Научился и воровать, и курить, и выпивать, деньги отбирать у тех, кто слабее.

А ведь все бы сложилось по-другому, если бы он в кругу таких же ребят с ослабленным умственным развитием постепенно постигал азы наук лет до пятнадцати-шестнадцати. Не чувствовал бы он своей неполноценности. Пусть даже и не имел свидетельства об окончании восьми классов.

Физическую работу он любит. Пошел бы работать. Возможно, со временем и почувствовал бы необходимость пополнить свои знания и добровольно бы явился в вечернюю школу. Возможно. А если бы и не случилось этого, то общество было бы не в проигрыше. Вероятность, что он обязательно стал бы правонарушителем, значительно меньше, чем в той жизненной ситуации, которую для него создали взрослые люди. Если бы Паша был один!

Слова учителя заставляют задуматься.

Вперед — жизнь.

Перемена!

В год 70-летия Октября «Смена» открывает новую рубрику «Уроки революции: современное прочтение».

Наши дни — время революционных перемен в жизни советского общества. Наши дни — время, когда от всех нас требуются революционное сознание, революционные по силе, накалу чувства; время, когда особую ценность приобретают такие человеческие качества, как мужество, верность, самоотверженность, нравственная чистота, бескорыстие.

В наши дни, когда слова «Революция продолжается» абсолютно точно и прямо выражают содержание эпохи, мы должны уметь связывать воедино наше великое революционное наследие с практическими действиями по перестройке нашей жизни.

Материалы под новой рубрикой должны помогать молодым людям воспитывать в себе подлинно революционное мировоззрение, умение различать случайное и закономерное, прогрессивное и приспособленческое, способное мыслить, вырабатывать свою позицию и защищать ее.

Ведь всякая перестройка — это борьба, в которой нужно учиться побеждать, отстаивать то, что передано нам поколениями революционных борцов.

70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ

ЛЕОНИД ТЕЛЯТНИКОВ,

Герой
Советского Союза

Подполковник Леонид Петрович Телятников, бывший руководитель ВПЧ № 2 по охране Чернобыльской АЭС, приступил к новым обязанностям — заместителя начальника отдела Киевского областного управления пожарной охраны.

Храбрость, мужество, самоотверженность — как воспитать в себе эти качества? На каких примерах учиться? Как сохранить и передать эстафету революционного прошлого нашей страны молодому поколению, знающему о революции и войне только по книгам и фильмам? В чем истоки самоотверженности? Об этом мы говорили с Леонидом Телятниковым.

В жизни каждого человека наступает такое время, когда он начинает осмысливать прошлое, и не только свое собственное, но и прошлое своей страны, историю своего народа, оценивая свой личный вклад в общее дело. Нравственным толчком к таким размышлениям бывает необязательно наступление определенного возраста, а нередко какое-то серьезное событие. В моей жизни таким событием стала трагедия в Чернобыле. Да, наши ребята проявили там, как это принято говорить, массовый героизм. И вот я думаю об истоках этого героизма и самоотверженности. Ведь они не просто выполняли свой долг, как люди военные, это было велением их разума и души.

У этого мужества — мощные корни. Отцы прошли войну. Деды и прадеды этих парней совершили революцию. Какое у нас великое революционное прошлое! Какие люди делали революцию! Они прошли через все: через аресты, ссылки, унижения, отказались ради великой цели от всех радостей жизни. Поражение в 1905 году не сломало революционный дух. Ленин писал в своем «Письме к рабочим Красной Пресни» о тех событиях: «Незабвенный героизм московских рабочих дал образец борьбы всем трудящимся массам России». Вот это образец великой самоотверженности! Вот они — истоки массового героизма и самоотверженности наших ребят, вот оно, продолжение революции.

Можно ли сравнивать тот революционный героизм и самоотверженность с героизмом в наше время? Думаю, можно, ибо нынешние наши Поступки — это результат тех Поступков, это уроки революции, ставшие реальностью.

...Помню, в десятом классе писали мы сочинение на тему «Есть ли в нашей жизни место подвигу?». В подростковом возрасте все мы чувствуем себя немножко героями. Но вот проходит время — деревянные сабли заброшены на чердак, мы вступаем в пору молодости и — ах, где ты, наше прежнее донкихотство? Где смелость? Куда подевалось обостренное чувство справедливости? Почему-то у некоторых из нас оно притупляется, а то и вовсе исчезает. Бывший рыцарь из подъезда при

встрече с хамом опускает глаза ниже долу. Самый смелый парень в классе помалкивает на рабочем собрании, боясь возразить зарвавшемуся администратору. Бывший комсорг-правдоискатель, испугавшись трудностей, удирает с ударной стройки. Прежний драчун, «поумнев», не решается защитить девчат от шпаны...

А может быть, и действительно «поумнели»? Или, как говорят в таких случаях, «жизнь научила»?

Как-то в одной из школ мне показали сочинения десятиклассников на ту же традиционную тему о подвиге. И вот один парень написал примерно следующее: «Считаю, что за редким исключением героические поступки в мирной жизни совершают только из-за чьей-то непрофессиональности и расхлябанности. Взять всем известный подвиг Шаварша Карапетяна. Если бы водитель того троллейбуса, который сорвался с плотины водохранилища, был настоящим профессионалом, то и спасать армянскому спортсмену никого не пришлось бы. Конечно, во время стихийных бедствий — это совсем другое дело, но моему городу ни землетрясения, ни наводнения не угрожают...»

Выходит, и волноваться нечего, живи спокойно, мужество тебе не понадобится. Так?..

Часто захожу я в музейный зал Киевского управления пожарной охраны, останавливаюсь у портретов Героев Советского Союза лейтенантов Владимира Правика и Виктора Кибенка, кавалеров ордена Красного Знамени Николая Ващука и Василия Игнатенко, Николая Титенка и Владимира Тишуры. Наши парни собой, своими жизнями загородили всех нас. Мы живы, а их нет...

В Киеве сейчас живет и работает большинство чернобыльских пожарных. Разговариваю как-то с кавалером ордена Красной Звезды и медали «За боевые заслуги», бывшим начальником караула Чернобыльской ВПЧ-2 Валерой Дацько и замечаю, что он почему-то держит руку на груди. Спросил его об этом. «Да сердце, — отвечает, — болит. Не у меня одного — у многих ребят, хвативших дозу. Но ничего, работаем». И ведь у меня тоже болит...

Да, почти все чернобыльские пожарные после длительного лечения возвратились в строй. А ведь могли, наверное, найти себе службу поспокойнее. И никто бы их не осудил. Но они вернулись.

...Честно говоря, никогда не считал себя особенно смелым. Да и по своим физическим данным на героя совсем не похож. Мечтал в школе об институте физкультуры, имел второй разряд по боксу, а вот поступать в физкультурный не стал.

Мой отец всю жизнь проработал в кустанайской милиции. Он, видимо, понимал, что «железного опера» из меня не выйдет: нет, говорил, в тебе командирской жилки — это раз, а во-вторых, коли технику любишь, надо поближе к ней и определяться.

Отец был человеком прямым, всегда говорил правду — в глаза. Фронтвик, он был не из тех людей, кого можно «поставить на место», вынудить поступиться собственными принципами. Характер он имел очень жесткий, был требовательным, и не только к подчиненным, а прежде всего к самому себе.

Школу я окончил в шестнадцать лет и, чтобы получше сориентироваться

в жизни, оглядеться, пошел работать электриком на авторемонтный завод.

Через год я поступил в Свердловское пожарно-техническое училище МВД СССР. Техника, дисциплина — это то, что мне было надо. В общем, решил отцовский характер в себе воспитывать.

Пришло время, и мне стали доверять. Для этого надо было изрядно попотеть: выйти в отличники, победить в первенстве училища по боксу. Кому-то в жизни везет: все дается легко, а мне каждый раз приходилось кому-то что-то доказывать, чего-то добиваться. Но вот сейчас думаю, что это, наверное, и хорошо, потому что поблажки я себе не давал, не расслаблялся. Никогда нельзя себе давать поблажки. Ни в чем. Иначе цели не добьешься.

Я был гостем на XX съезде комсомола, где очень остро обсуждались проблемы, волнующие нашу молодежь. В том числе и вопросы военно-патриотического воспитания. Да, очень плохо работают в этом направлении наши военкоматы, комсомол и ДОСААФ. Практически к службе в армии ребят не готовят. Совершенно не используется опыт демобилизованных воинов, особенно воинов-интернационалистов. Вот у кого бы школьникам и допризывникам поучиться мужеству, самоотверженности!

Я убежден, что, пройдя армейскую службу, большинство ребят становятся активнее и смелее, они не будут закрывать глаза на наши недостатки, не станут пасовать перед несправедливостью. Посмотрите на «афганцев»: какая в них внутренняя сила и убежденность! Какое острое чувство ответственности!

У меня в части был только один воин-интернационалист, начальник караула Валерий Дацько. Этот парень был для всех примером в службе, в отношении к своим обязанностям. Кстати, они были друзьями с Володей Правиком.

Пришло мне недавно письмо от одного бывшего сотрудника милиции. Он пишет: «Сейчас постоянно задаю себе вопрос: а стоило ли лезть на рожон? Что после этого изменилось? Правонарушителей, хулиганов меньше стало? Нет. Зато я стал инвалидом и уже не могу полноценно жить и работать. Если бы меня сейчас спросили: «Повторил бы ты свой поступок в тот вечер, когда один полез разнимать озверевшее хулиганье?» — я бы ответил: «Нет». Хотя бы во имя своей семьи и двух детей, у которых сейчас на шее батька-инвалид. Кому теперь нужно мое самопожертвование? Здоровье-то все равно не вернешь...»

Я очень хорошо понимаю этого парня, очень ему сочувствую. Но мне кажется, что это письмо он написал в минуту слабости. По-моему, больше всего угнетает его то, что о нем забыли. И прежде всего товарищи-сослуживцы.

Комсомольцы и пионеры у нас обычно любят шефствовать над героями и орденосцами, людьми известными, живыми и здоровыми. Им-то помогут, создадут условия, отбоя не будет от приглашений на всевозможные вечера... Конечно, такое шефство доставляет только приятные хлопоты, тут не требуется милосердие, жертвенность. Но разве такие, как этот оперативник, меньше нуждаются во внимании и заботе?

САМООТВЕ

Знаю, что очень много забытых есть и среди воинов-интернационалистов, вернувшихся домой инвалидами, но без высоких наград. Как же так? Или мы горазды только с трибуны говорить о чести и долге? Разве забота об этих ребятах не наш долг? Ничто так не ранит душу, как человеческое невнимание, беспамятовство. Оно-то порой и заставляет сомневаться в совершенном поступке, задуматься: а велика ли его цена? А стоило ли?..

Конечно, стоило! Даже ценой здоровья. Даже ценой жизни! Потому что наша жизнь на таких людях, жертвующих собой, и держится. В минуту опасности они думают не о себе, а только об одном — как выполнить свой долг, как защитить или спасти людей. И еще: кто, если не я?

Что есть самоотверженность? Вслушайтесь в самое слово: САМО-ОТВЕРЖЕННОСТЬ. Отвергнуть себя, не думать о себе. И еще, мне кажется, есть в этом слове что-то от ВЕРЫ и ВЕРНОСТИ. Верности долгу своему, идее. Веры в то, что поступаешь правильно.

Можно ли воспитать в себе самоотверженность? Она ведь в наших генах, видимо, не заложена, — у героя вполне могут оказаться трусливыми и эгоистичными сыновья. А воспитать, думаю, можно.

Мне повезло: у меня перед глазами всегда был пример отца.

Отец никогда себя не жалел и меня учил: «На службе себя не жалей. Жалей подчиненных, себя — нет. Но для семьи голову береги, понял?» И тут же добавлял: «У командира есть лишь одно право — быть первым, первым во всем. Тогда и только тогда люди за тобой пойдут».

Сила личного примера — вот главный воспитатель самоотверженности.

Самоотверженность. Да, она у наших людей в крови! На Руси всегда почитались главным достоинством смелость, способность к самопожертвованию. Ради Отчизны. Ради идеи. Революция — это великий урок самоотверженности. На войне считалось первой заповедью: «Сам погибай, а товарища выручай». Гибли и выручали. А разве в Афганистане сейчас не так? Во взводе того же Валеры Дацько его товарищ заслонил грудью командира от пули... Сколько таких примеров!.. А у нас в Чернобыле? Мне приходилось слышать от случайных людей: дескать, ваши пожарные не знали радиоактивной обстановки, вот и лезли в пекло; мол, если бы они были в курсе, то наверняка бы никто не полез на крышу реакторного отделения и машинного зала. Ерунда! Они знали об опасности: все-таки служили не где-нибудь — на атомной станции — и все равно пошли тушить пожар.

С сожалением теперь думаю о том, что раньше недооценивал Володю Правика и ребят из его караула. Очень уж он был мягким

командиром. Я частенько ему за это выговаривал. А когда случилась авария, все пошло за ним без оглядки. И сейчас я понимаю, что людей, окружавших Володю, подкупали его доброта, человечность. Они просто не могли за ним не пойти. Правик им всегда доверял, и парни в трудную минуту его не подвели.

Вот она, настоящая самоотверженность. Высокие слова? Когда я говорю о своих парнях, похороненных на московском Митинском кладбище, никаких высоких слов не боюсь...

Вот мы говорим: оцениваем людей по поступку, а не по побуждению. Нет, это не совсем точно. Очень важно и побуждение. Если в душе живет желание помочь, что-то сделать для других, ради других, то от человека можно ждать настоящего поступка.

Честно признаться себе в слабости, это уже первый шаг к поступку. Но смелость смелости рознь. Безрассудные смельчаки не вызывают у меня уважения. Надо всегда знать, ВО ИМЯ ЧЕГО ты идешь на риск, РАДИ КАКОЙ ЦЕЛИ.

Нередко родители учат ребят: «Не связывайся! Не лезь на рожон, будь похитрее! Тебе что, больше всех надо?» А потом, когда дети подрастают, они с удивлением спрашивают себя: «Откуда в моем сыне столько равнодушия и черствости? Почему он нас не уважает?»

Ребят сызмальства надо учить честности и смелости, мужественности, умению постоять за себя. И пусть даже нос расквасят — не страшно. Страшно, когда мальчишка причащается «быть похитрее» и не говорить правды, за которую попадет. Отец с детства меня научил ненавидеть это обывательское «не высывайся!». Так же я стараюсь воспитывать и двух своих сыновей. Пусть дерутся за справедливость, пусть шишки набивают. Но только чтоб никогда не ввали, не кривили душой! Слишком много развелось лгунов среди нас, взрослых! Чего же тогда от детей наших требовать? Сначала самим нужно научиться быть честными. Помню, как коробили статьи в газетах сразу после аварии, много в них было

благополучия, не всю правду писали! Знать, что произошла трагедия, и читать приглаженные, «напудренные» репортажи — просто душу выворачивало!

Да, действительно, нередко подвиг бывает и спровоцирован чьей-то преступной халатностью и безответственностью. Однако цена подвига от этого не становится меньше: подвиг есть подвиг, герой есть герой. О них должны знать люди. Но должны знать полную правду о случившемся. Что произошло? Почему? По каким причинам? Кто виноват?

Очень многое высветил в нашей жизни этот взрыв на АЭС: высокое мужество и самоотверженность одних и преступную халатность, самоуспокоенность других; показал, кто истинный боец, а кто слабодушный трус и перестраховщик... Одни бросались в радиоактивный дым, оказывали помощь пострадавшим, а другие бездействовали, дожидаясь «целеуказаний из Москвы». Некоторые руководители, забыв о своем моральном долге, постарались «спецрейсами» отправить из Киева в крымские санатории членов своих семей. Я узнал об этом уже в больнице, и так мне горько, больно стало на душе,

стыдно, что я с этими людьми состою в одной партии. И так обидно было за наших ребят: к тому времени шестеро уже скончались...

Я считаю, что и в повседневной жизни от людей требуется самоотверженности и смелости не меньше, чем в экстремальных ситуациях. Чтобы отстаивать свое мнение, свою позицию, всегда нужно мужество. Не бояться называть вещи своими именами: бюрократа в лицо сказать, что он бюрократ, некомпетентному начальнику, что он не по праву занимает свое кресло.

Я не раз критиковал и спорил с бывшим директором электростанции Брюхановым.

Не раз случались нарушения техники безопасности: придешь в зал, а там оператор сидит на щите управления. Задаю ему взбучку. Но его коллеги, руководители куда же смотрели? Они чувствовали себя самоуверенно, успокоенно: дескать, автоматические системы у нас дублируют друг друга и надежно защищают людей. Все верили в системы, а они не защитили!

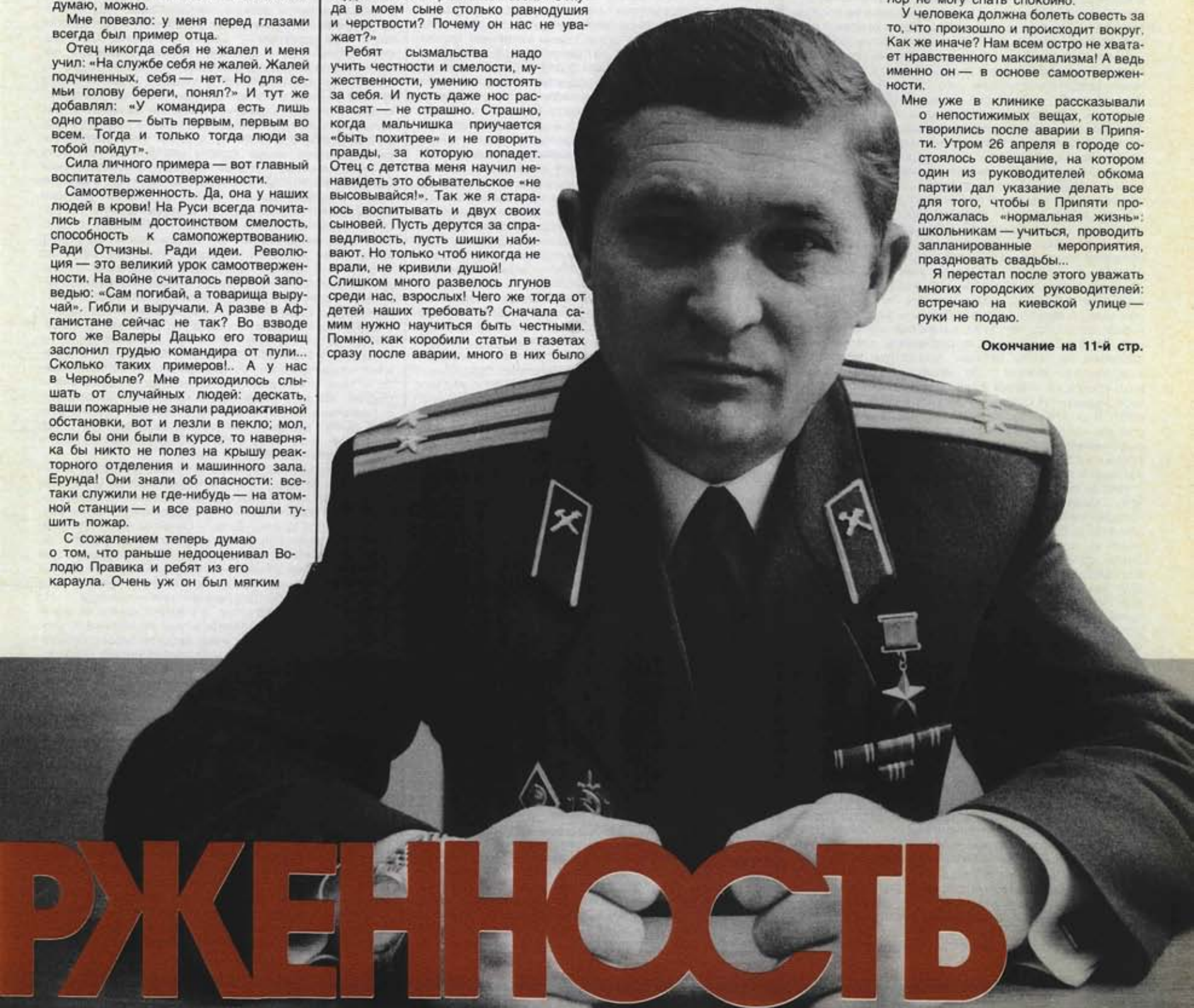
Кстати, после аварии и в отношении меня было предпринято расследование. Потом выяснилось, что никакой вины пожарных в происшедшем ЧП нет. Фактической нет, а моральной? До сих пор не могу спать спокойно.

У человека должна болеть совесть за то, что произошло и происходит вокруг. Как же иначе? Нам всем остро не хватает нравственного максимализма! А ведь именно он — в основе самоотверженности.

Мне уже в клинике рассказывали о непостижимых вещах, которые творились после аварии в Припяти. Утром 26 апреля в городе состоялось совещание, на котором один из руководителей обкома партии дал указание делать все для того, чтобы в Припяти продолжалась «нормальная жизнь»: школьникам — учиться, проводить запланированные мероприятия, праздновать свадьбы...

Я перестал после этого уважать многих городских руководителей: встречаю на киевской улице — руки не подаю.

Окончание на 11-й стр.

РЖЕНЫСТЬ

ТАК ЖЕ МАННО ДЕТ...

Леонид БЕЖИН

Но в мире нет людей бесслезней,
надменнее и прощнее нас.

Анна Ахматова

Вообразим Москву начала двадцатых, переулочек с глухими заборами и булыжной мостовой, вообразим комнатку с буржуйкой, выцветшими обоями и остатками мебели, большая часть которой уже пошла на растопку, вообразим надтреснутое зеркало в овальной раме, чуть наклонившееся на подзеркальник со следами рассыпанной пудры и обрывками вскрытых почтовых конвертов, и вот в отертой от пыли середине зеркала возникает лицо молодой женщины, одетой и причесанной по моде тех лет — длинная строгая юбка, белая блузка с перламутровой пуговочкой под самым горлом, высокие ботинки на застежках, гребешок в коротко стриженных волосах, но сохраняющей в облике нечто, неопровержимо свидетельствующее, что она — из бывших. Имя женщины — Сашенька, Саша, Александра Андреевна, как называли ее, четырнадцатилетнюю, дружью отца, некогда собиравшиеся у них дома. Иные — только по праздникам, на именины, на пасху, на рождество, когда жарко пылали печи, звенела посуда на кухне, по комнатам разносился запах пирогов и жареной индейки и дворнику Пахому выносили граненый стаканчик водки, соленый гриб на вилке и пригоршню конфет для его детей. Иные — запросто забегали среди недели, сбрасывали в прихожей шубу, целовали ручку матери и почтительно кланялись ей, Сашеньке, еще не успевшей снять гимназическое платье, очистить руки от мела и выгрузить из ранца учебники. Сашенька вежливо отвечала на поклон и немного краснела, если внимание взрослых задерживалось на ней дольше обычного. А именно так и случилось — задерживалось, и еще говорилась при этом, какой она стала красивой. Тут уж Сашенька не выдерживала и исподлобья смотрела на мать, готовая проглотить неуклюжие комплименты вместе с их автором. Мать смеялась и отпускала ее: «Почти лучше Шуберта. Завтра у тебя урок музыки». И Сашенька убежала к себе, сердясь на гостя и в отместку выдумывая ему определение (так же, как в гимназии привыкла давать определения подлежащему или сказуемому): «Петр Петрович — это худой и желтый человек, похожий на горчичник и отличающийся противным тонким голосом».

Иногда ее определения бывали настолько меткими, что, услышав их, мать не могла сдержать улыбки, хотя из педагогических соображений сейчас же делала строгое лицо и брала обещание с дочери никогда больше этого не повторять. «А зачем же он на меня смотрит!» — сердилась Сашенька. «Смотрит, потому что ты взрослеешь на его глазах. Петр Петрович — давний друг нашего дома. Он знал тебя еще совсем крошечной». «Хорошо, не буду», — бурчала Сашенька, и мать примирительно обнимала ее за плечи, а сама все же успевала украдкой шепнуть отцу: «...похожий на горчичник». Отец пожимал плечами, как бы давая понять, что он не против подобных сравнений, раз они нравятся матери, хотя он и не находил в них особого остроумия. Так, детские выдумки... После этого он уводил Петра Петровича в свой кабинет, где они шурали газетами, говорили о царе, о Думе, о революции, а Сашенька играла на рояле экспромты Шуберта и в паузах прислушивалась к голосам, долетавшим из-за высокой двери. Рояля этого давно уже нет, но кабинет отца цел и поныне, разделенный надвое фанерной перегородкой, за которой уютятся какие-то люди, плачут дети, чадят примусы и скребются мыши. Другую половину кабинета, где когда-то стоял дубовый письменный стол с готическими рельефами, занимают Сашенька с матерью и болезненно молчаливым братом, контуженным на германском фронте. Брат целыми днями сидит на койке и смотрит в окно. Мать, сильно постаревшая, сама стирает белье, стоит в очереди за керосином и возит на санках дрова. Ее единственная надежда — Сашенька, которой удалось получить место и которая днем печатает на огромном черном «Ундервуде», бегаёт по этажам, разносит ка-

кие-то бумаги, а вечером ее шатает от усталости, она стягивает ботинки, ненадолго останавливается у зеркала, чтобы выдернуть седой волос, ложится на железную кровать и сразу засыпает, даже не поев картошки и не выпив морковного чая с сахарином.

Мы же перенесемся теперь на другой конец света и вообразим большой азиатский город с домами колониальной застройки, буддийскими многоярусными пагодами и католическими соборами, вообразим залах подгнивших деревянных свай, поддерживающих причалы для лодок, апельсиновую кожуру, раскачивающуюся в мутной воде, согнутые спины китайских грузчиков, гуськом сбегаящих по трапу, облепленные тиной и прибрежными водорослями борта морских кораблей, расхаживающих по узким улочкам английских моряков, и вот за занавеской дешевого русского рестораника, куда вздумалось заглянуть морякам, их встречает молодая хозяйка, одетая в цветастый сарафан, нарумяненная, с венком уложенных на голове кос, и, приветливо улыбувшись, обращается к морякам по-английски, заученно перечисляя названия — русский борщ, сибирские пельмени, балык, расстегаи, смирновская водка — одним словом, все, что подавали в самой России, этой загадочной стране, где водятся медведи и совершаются революции. Моряки довольны таким приемом: после китайских, индийских и малайских рестораничков почему бы не пообедать и в русском! Тем более — у такой хозяйки, степенной, обходительной и строгой... пообедать, а там, кто знает — может быть, вовсе и не строгой, а такой же доступной, как весь этот восточный Вавилон. И моряки садятся на лавки, набивают крепким табаком трубки, заказывают и балык, и расстегаи, и водку, пробуют, хвалят, благодарят. И особенно благодарит один — самый молодой и застенчивый, похожий на конторского клерка, читающего по ночам Шекспира и мечтающего покорить мир. Оказывается, он бывал в России и хорошо помнит южный портовый город на Черном море. «Одессу», — подсказывает хозяйка странно дрогнувшим голосом и под предлогом того, что ей нужно отдать распоряжения повару, исчезает за перегородкой, запирается в комнате и долго шепчет молитвы перед иконкой богородицы, висющей в углу, над бронзовой статуей улыбающегося Будды.

Имя хозяйки — Вера, Вера Игнатьевна, хотя здесь ее называют совсем иначе — госпожа Ван. Она замужем за высоким худым китайцем в круглых очках, который пьет зеленый чай, ест деревянными палочками и сжигает жертвенные деньги перед табличками с именами умерших родителей. Настоящие деньги — прибыль, которую приносит им ресторан, он держит в банке, куда ездит по понедельникам и сдает в полукруглое окошечко истрепанные банкноты. Для него русская жена и русский ресторан — находка! Китайских и малайских рестораничков вокруг множество, а вот русский — один, и выручка в нем — самая большая. От понедельника к понедельнику касса наполняется деньгами, поэтому господин Ван готов поверить, будто в клетку к нему залетела волшебная заморская птица, обещающая счастье и процветание десяти его последующим поколениям. Он очень бережно обращается с птицей. Кормит ее отборным зерном, меняет ей воду, а главное, следит, чтоб случайно не открылась дверца клетки. Открывается дверца, птица выпорхнет — и прощай его счастье. Этого допустить нельзя, и господин Ван следит. Следит, улыбаясь жене за завтраком; следит, гуляя с ней по саду. Следит в окно, следит в дверь, следит в щелку бамбукового занавеса. Следит и замечает даже то, как в комнату госпожи Ван заходит английский моряк, смущенно кланяется, садится, и они долго разговаривают при тусклом свете лампы. Госпожа вспоминает свою Одессу, высокие заборы дач, яблони перед домом, качели на толстом скрипучем канате — все это было там, в России, и было до тех пор, пока турецкий пароход не увез

ее из Одессы в Константинополь, откуда она попала в Париж, затем в Лондон, затем — в Азию.

Мы же вернемся снова в Россию, но уже не в Москву и не в Одессу, а в среднерусский город Орел, и пусть воображение нарисует нам непроглядную осеннюю ночь, насыпь железной дороги, несущийся по рельсам поезд, застилающий дымом степь, товарный вагон, мотающийся из стороны в сторону, охапку отсыревшего сена на досках, и вот на этом сене сидит девушка в провинциальной шляпке, закрывающей вуалью глаза, и держит в руках узелок, бидончик и докторский баул. Имя девушки — Софья Петровна, Сонечка, Соня, хотя отец — эстонец, плохо говоривший по-русски, произносил его как Сона и при этом гладил по голове, просил открыть рот и показать зубы. Отец был зубным врачом, и эти мимолетные осмотры домашних вошли у него в привычку: если он замечал у них маленькую порчу, то сейчас же уводил в кабинет и ставил аккуратную пломбочку. У Сони таких пломбочек было особенно много, потому что она больше всех любила шоколад, который подавали в кондитерской Шредера, расположенной на соседней улице, в нижнем этаже большого дома с каменным оштукатуренным низом и деревянным верхом. В кондитерскую забегали с подругами после гимназии — забегали, словно залетали, запархивали, как запархивают под стреху крыши стаи ласточек. Выбирали укромное местечко в углу, под лепной гирляндой, украшавшей стены, дружно рассаживались, самая смелая подзывала официанта и просила принести шоколад, взбитые сливки, пирожное с цукатами... Остальные вполголоса переговаривались и ждали, изредка поглядывая на дверь, откуда могла случайно появиться классная дама, не слишком поощрявшая посещения своими воспитанницами кондитерских и ресторанов. И Сонечка тоже ждала и тоже поглядывала: она никогда не была самой смелой, но зато была самой красивой, черноглазой, с завитками волос на висках, и официант, принимавший заказ, все-таки смотрел на нее, как будто все пирожные и взбитые сливки кондитерской Шредера предназначались лишь ей одной.

После кондитерской ей стая вновь взлетала и выпархивала на улицу, и они останавливались у витрины модного магазина, разглядывая шляпки и туфельки, затем еще немного гуляли по городскому парку и разбредались по домам. Дома у Сонечки пахло медикаментами, перед кабинетом отца сидел очередной пациент с перевязанной щекой, и его страдальческий вид казался ей обещанием будущей кары за неумеренную любовь к пирожным. Сонечка давала себе пылкую клятву: «С завтрашнего дня — никогда...» Но завтрашний день наступал, а в жизни ничего не менялось, и только прибавлялись новые пломбочки во рту, и в гостиной каждые полчаса звонили часы с позолоченными стрелками, и солнце прочерчивало наискось бархатные портьеры, висевшие на окнах ее комнаты. Вечерами отец доставал из футляра виолончель, слегка настраивал ее по слуху и играл медленные вальсы. Раз-два-три, раз-два-три — звучало в ушах у Сонечки, которая переворачивала отцу ноты и иногда подыгрывала ему на верхних клавишах пианино — подыгрывала нарочно невпопад, с ехидным намеком на собачий вальс, на чижик-пыжик, и отец сердился, хмурился, грозил, когда и это не помогало, умолял не мешать ему. Сонечка брякала крышкой пианино, закрывалась на ключ в комнате и читала Мопассана, спрятанного под учебник геометрии, а из-за стены доносилось и доносилось: раз-два-три, раз-два-три. И теперь точно так же доносится из-за перегородки стук вагонных колес, только нет ни виолончели в футляре, ни бархатных портьер, и Мопассана давно выменяли на муку, и сама она едет в товарном вагоне хлопотать за отца: среди его пациентов оказался кто-то, посланный к кому-то на какую-то связь, поэтому отец арестован, и ему грозят неприятности.

Рисунок Елены Ульяновой

Сонечка едет в Москву, где еще ни разу не была и никого не знает, едет в надежде на счастливый случай и неотразимую красоту своих черных глаз, скрытых вуалькой, и в бидончике у нее клюква, под которой спрятан последний золотой медальон, в узелке — краюха хлеба, а в бауле — любимое платье, туфельки и нитяные чулки. Было еще и золотое кольцо, но его пришлось отдать за то, чтобы посадили в вагон. До Москвы она как-нибудь доберется, надо только сидеть, как мышь, а что в Москве? К кому идти доказывать, что отец арестован по ошибке, что его кабинет — не явочная квартира и сам он — никакой не заговорщик, а потомственный врач, всю жизнь лечивший людей! Кого умолять о помощи, в чьи двери стучаться! И вот железные бури двадцатых сталкивают Сонечку с Сашей, и происходит это в том самом переулке с глухими заборами: Сонечка бежит, спасаясь от беспризорников, а Саша останавливает ее, заталкивает в подъезд и запирает на крюк дверь. «Тихо. Пригните голову», — шепчет она, заставляя Соню нагнуться и затихнуть на то время, пока беспризорники осаждают дверь. Сонечка подчиняется, сразу почувствовав в Саше защитника и покровителя, сразу доверившись ей, как доверялась когда-то более смелым подругам по гимназии, и благодаря судьбу за эту встречу. Беспризорники вскоре уходят, и Сонечка улыбается Саше, и в этой улыбке — благодарность за спасение и радость узнавания в Саше человека, уже словно знакомого и близкого, которого давно ждешь и с которым не можешь расстаться. Саша тоже ей улыбается, они называют друг друга по имени и ловят себя на том, что и имена им словно бы уже знакомы, что они произносили их по многу раз и теперь лишь вспомнили об этом, удивившись совпадению того — неназванного — имени с тем, которое теперь назвали. «Сонечка...» «Саша...»

«Саша...» «Сонечка...» Так они как бы вторично знакомятся, чтобы затем вместе пройти через бури тридцатых и бури сороковых, все испытать и пережить, ни разу не возроптав на судьбу и не пожелав себе другой жизни. Выйдя из подъезда на улицу, Сонечка замечает, что осталась без бидончика с клюквой (и последним золотым медальоном), докторского баула и узелка: все, что было в руках, отняли беспризорники. И, конечно же, Саша приводит ее домой, кормит картошкой, поит морковным чаем, отогревает у «буржуйки», и с тех пор Сонечка живет у нее, вместе с матерью Саши стирает белье, возит дрова и ухаживает за ее молчаливым братом. Саша помогает Сонечке хлопотать за отца, находит нужные двери, и вскоре отца освобождают, и он вновь принимает больных в своем кабинете. Что делать Сонечке? Возвращаться в Орел и жить рядом с отцом, опекать его, заботиться и медленно стареть, лишь издали слыша о том, что происходит в Москве, и, словно названия заморских стран, повторяя: Неглинка, Сретенка, Кузнецкий мост? Или же рискнуть и остаться, снять комнату, устроиться на работу, коротко подстричь волосы, порабфаковски повязать косынку и стать такой же, как Саша, занятой, устающей, спешащей по срочным делам, вечно опаздывающей и вечно успевающей. И Сонечка остается, снимает комнату, устраивается и вскоре посылает отцу письмо, начинающееся строчками: «Извини, что пишу так коротко. Страшно некогда».

И эта спешка, и эта жизнь становятся для Сони такими же своими, как и для Сашеньки. Из другой — несвоей — жизни появляется в их переулке Вера, которая однажды переодетая вышла из дома, семеницей походкой китаянки проскользнула мимо привратника, свернула в боковую улицу и — быстрее, быстрее — побежала к такси. Дверцу ей открыл тот

самый англичанин, похожий на конторского клерка, и они помчались прямо к порту, поднялись на трап, оглянулись, нет ли погони, и вскоре их пароход, дав тяжелый гудок, отчалил от пристани. Худой и высокий китаец в круглых очках, вернувшись из банка (это был понедельник), нашел записку на лаковом столике, в которой госпожа Ван писала о своей тоске, о мучительном одиночестве и просила прощения. Прочитав записку, китаец долго разглядывал ее на свет, словно денежную банкноту, затем смял в кулаке, вызвал сторожа, которому было поручено следить за госпожой, и позвонил в полицию. Сторож весь дрожал, кланялся и молил о пощаде. В полиции записали имя госпожи и обещали начать поиски. Господин Ван оттолкнул ногой сторожа и стал молиться Будде. Молиться о том, чтобы его гнев настиг выпорхнувшую из клетки птицу. Настиг и вернул назад. Но птица была уже далеко, посреди океана, меж небом и водой. К тому же Будда не умел гневаться, и его бронзовый лик, мерцавший в полутьме домашнего алтаря, лишь озаряла загадочная улыбка.

После нескольких недель плавания пароход причалил в Лондоне. Вера прожила там осень и зиму, дыша промозглой сыростью какого-то чердака, единственным слуховым окном выходящего на крышу, зажигая длинные спички, ударявшие в нос едким запахом серы, и глядя, как огонь съедает тонкую палочку. Точно так же время съедало ее чердачную жизнь, поэтому однажды она оставила своему англичанину записку, в которой встречались те же два слова — тоска и одиночество, — и бежала. После долгих скитаний оказалась снова в Константинополе, затем — в Одессе, затем — в Москве. Бродила весь день по улицам, перед Кремлем почему-то расплакалась, рассердилась на самое себя, незаметно вытерла слезы и нахохлилась, как заморская птица. Птица из клетки,

вернувшись на волю. Улыбнулась сравнению, которое так любил господин Ван, и забыла о нем навсегда. И о нем, и об англичанине — словно ничего этого и не было, а были лишь кремлевские стены, Александровский сад с протоптанными в снегу дорожками и вороньими гнездами на деревьях. Были всегда — как сейчас и сейчас — как всегда. Эти понятия так смешались для Веры, что она даже не удивилась, когда ей дали комнату в бывшем доходном доме, мрачном, как Бастилия, и в комнатке нашлась кое-какая мебель — стол на расшатанных ножках, просторный буфет с зеркальными дверцами, отгороженная ширмой кровать и книжный шкаф. Не было только стульев, но стулья подарили соседи, строгая Саша и красивая Соня, чьи окна выходили в тот же засаженный сиренью двор с железными воротами, что и окна Веры. Сама Вера, привыкшая по-китайски сидеть на полу, могла бы обойтись и без стульев, но Саша и Сонечка не привыкли и без стульев обойтись не могли. Поэтому сначала они приносили с собой табуретки, а затем в складчину купили три венских стула, для себя и для Веры. Этот третий стул пережил потом свою хозяйку, и судьба распорядилась им так, что он достался в наследство Сонечке и, накрытый брезентовым верхом грузовика, перекочевал на окраину Москвы, в новую квартиру, а переулок с глухими заборами вскоре исчез — исчезли булыжные мостовые, дворы с сиренью и голубятнями, железные ворота на кирпичных столбах, и лишь громада доходного дома, похожего на Бастилию, осталась стоять на прежнем месте.

Но это случилось уже в семидесятые, а пока строгая Саша, красивая Соня и решительная Вера по-прежнему уютятся в своих комнатках, жарят мерзлую картошку, топят дровами печь, стирают в корыте белье, и хотя они по происхождению из тех самых Мещерских, Шуваловых, Тутолминых, в них нет ни тени сожаления о прошлом, и, вечерами собираясь вместе, они говорят о великом очищении всей России: в трех щелоках варены, чище мы чистого. Слово сбросили какую-то тяжесть, избавились от старого долга. И именно они, которые из тех самых. Поняли, приняли, признали, и вот Саша и Сонечка идут за санями с обледеневшими поленями, а Вера тащит за веревку спереди, и каждая думает о своем. «Интересно, что будет лет через двадцать?» — спрашивает Сонечка, когда они втаскивают полено в сарай, ставя на козлы и начинают пилить. «Будет необыкновенно счастливая жизнь. Как во сне», — отвечает Саша. Им обоим не дано знать, что через двадцать лет разразится еще одна буря — она застанет их в Ленинграде, они переживут блокаду, голод, бомбежки, потеряют на фронте мужей и ничего не будут знать о своих детях. Но это еще впереди, а пока они возят на санях поленя, вместе ходят на службу, встречаются в длинных коридорах Наркомпроса и Наркомфина, вместе возвращаются домой. Вечерами их провожают до дому двое военных (обоим по двадцать пять, оба учатся в академии, обоим зовут Володы), за которых они вскоре выйдут замуж. У Саши первой родится мальчик, и тогда соседней переселяет на другую квартиру, перегородку сломают и весь кабинет отдадут ей. У Сони родится девочка, очень похожая на нее, такая же черноглазая, смешливая, обожающая сладости, — назовут ее Ольгой. И только Вера еще долго не выйдет замуж, то ли помня о давней истории с англичанином и господином Ваном, то ли считая семью формой закрепощенного быта и не желая становиться домохозяйкой в век эмансипации и революционных бурь.

У решительной Веры — свой путь. Служба в Наркомпросе и Наркомфине ее не привлекает, и сначала она занимается иглоукалыванием, которому обучил ее старенький лекарь-китаец, затем устраивается тапером в синематограф, а затем оказывается на сцене маленького театра, революционного, новаторского, смелого, и ее замужние подруги с восторженным благоговением следят из партера, как она изображает уставшего от жизни Онегина (по мысли режиссера, его должна играть женщина) или волевою героиню Чернышевского, одетую в мужской костюм. В партере рядом с Сашей сидит ее молчаливый брат, кутается в шинель, странно улыбаясь новаторским находкам режиссера и, не отрываясь, смотрит на Веру, в которую давно и безнадежно влюблен. Об этом догадываются и Соня, и Саша, и сама решительная Вера, которая относится к своему поклоннику с жалостью и состраданием, и если бы можно, с радостью заменила бы ему сестру или мать, но сестра у него уже была — Саша, и мать была тоже, поэтому с заменой ничего не получалось, и Вере приходилось оставаться самой собой, а сама она не знала, нужна ли ей в жизни любовь, столь успешно изображаемая на сцене, и нужен ли ей рядом тот, кого она привыкла видеть среди зрителей. К тому же брат Саши не только вызывал в ней жалость, но удивлял и даже пугал: каждый раз на том же месте партера, каждый раз одинаково смотрит и молчит, и как ни пытаются Саша и Сонечка внушить, что напрасно, что не надо так себя мучить, он словно нарочно мучит и мучит, и себя, и ее, и готов мучить

всех, лишь бы не расставаться с ней и не терять надежды. Упрямец, молчун, застенчивый сумасшедший — так она называет его в мыслях и сама же отвечает себе: но ведь многое повидал... был на фронте... и уже не молод. Ее мысли, помимо ее воли, стремятся к нему. «Сумасшедший...» — говорит она мягче, с невольной улыбкой и сейчас же обрывает себя. — Нет, только не это... никогда... нет...»

Но однажды случается, что ее охватывает ночная тоска, она долго не может заснуть, встает с кровати, босая идет по полу, раздвигает шторы и видит на морозном, лиловом от лунного света снегу одинокую черную фигуру. Видит и — умоляющим жестом — зовет к себе. Так их бросает друг к другу, и вся их дальнейшая жизнь превращается в мучительную и счастливую пытку: они и любят и не любят, и расстаются и встречаются, и гибнут и оживают снова. Он жаждет всюду быть с ней, ради нее бросает работу инженера, устраивается в театр, где она играет, изобретает там подъемники для сцены, занимается пиротехникой и шумовыми эффектами и всюду ездит с ней. Готовит ей завтраки, помогает гримироваться и не отпускает от себя ни на шаг, словно ее судьба — быть вечно привязанной к тем, кто ее любит. Иногда она не выдерживает, поднимает бунт, говорит, что так невозможно, что в театре над ними смеются, и — прогоняет его. Но ночью — та же тоска и то же желание увидеть за занавеской одинокую черную фигуру. Так продолжается бесконечно, и строгая Саша даже завидует брату: он живет ради своей любви, вечно в дороге, вечно на колесах, а она? Один и тот же «Ундервуд» с расшатанной кареткой, одни и те же приемные, лестницы, коридоры, и Саша мечтает уехать куда-нибудь далеко, непременно очень далеко, на великую стройку. Как раз в это время ее муж получил новое назначение, и бывшая княгиня Мещерская отправилась на границу с Финляндией, в маленькую воинскую часть, затерянную в глухих хвойных лесах. Ее старую мать, в сознании которой давно сместились границы прошлого и настоящего, пришлось оставить в Москве, поручив ее Сонечке и Второму Володе. И вот они прощаются, сидя за овальным столом, накрытым вышитой скатертью, слушая хриплый патефон и наливая вино в граненые рюмки, — два Володи в военной форме, мечтательная Саша и красивая Сонечка, решительная Вера и ее молчаливый поклонник, старая мать Саши и дети, ее и Сонечки. За детей сейчас произнесут тост (сначала — за Родину, затем — за армию, затем — за детей) и отправят их спать, а взрослые еще долго не разойдутся, будут танцевать под патефон, вспоминать прошлое и загадывать, что их ждет в будущем.

А ждут их всех дороги, и судьбы у них — разные. Второй Володя прослужит еще несколько лет в Москве, проявит себя на учениях, получит звездочку, затем — другую, и кажется, вот-вот шагнет еще выше, к генеральским погонам, но тут в его судьбу вмешается злой рок, и у него возникнут неприятности по службе, связанные с тем, что мать его жены носила фамилию Шувалова и в соответствующей графе анкеты писала: из дворян. Защищая жену, Второй Володя будет ссылаться на ее безупречную работу в Наркомпросе, участие в организации первых рабфаков и прочие заслуги, но ему не удастся отвести роковой удар, и однажды перед ним поставят условие: либо он отказывается от жены, разрывая с ней все отношения, либо его дальнейшая карьера рухнет. В тот момент, когда Второй Володя это услышит, он позавидует Первому Володе, который вовремя успел уехать, забраться в глушь, но такая же участь будет уготована и ему самому: вскоре он получит назначение под Брест, в пограничный округ, и отправится туда один, без Сонечки, которая останется в Москве ухаживать за матерью Саши, а затем окажется в Ленинграде, у родственников, где ее и застанет война. Дочку она сумеет эвакуировать, а сама будет голодать, мерзнуть, дежурить на крыше и тушить зажигалки, рыть окопы и сдавать кровь на донорских пунктах. Исхудает, станет как спичка, в черных глазах появится горячий блеск, а получив известие о гибели мужа (Второй Володя погибнет в первые дни войны), постареет на десять лет. От отчаяния и голодной смерти спасет ее Саша, которая поднимет ее на улице, отведет в дом и только тогда узнает в ней Сонечку, свою близкую подругу. Так они снова встретятся, княгиня Мещерская и княгиня Шувалова, встретятся в осажденном Ленинграде, хотя могли бы — по примеру многих людей своего круга — оказаться за далекими морями, в другой стране и жить совсем другой жизнью, по-прежнему называя Ленинград Петербургом, покупая у молочницы свежие сливки и накрывая белой салфеткой хрустящие рогаляки к чаю. Могли бы, но — не захотели, выбрав для себя эту родину и эту жизнь.

Княгиня Мещерская тоже дежурила на крышах, тушила зажигалки, варила суп из хвои и сосновой коры, отпаивала им Сонечку, топила печь томами Гете и, слушая военные сводки, повторяла как заклинание: Ленинград, Ленинград, Ленинград. «В город они не войдут. Я чувствую», — сказала она однажды, словно

уловив предвещие подземного гула, нарастающего в глубине, или свист вселенского ветра, оповещающего мир о том, что там, в космосе, тоже происходит великая битва добра и зла и ее исход уже близок. И действительно, не вошли, не сумели, откатились назад, хотя, казалось бы, были уже близко, на подступах, у городской черты, и Саша даже видела их издали, когда запасалась хвоей: в шинелях, в касках, с автоматами, — не люди, а злобные твари, чудовища, оборотни из ада. От ужаса она чуть не закричала, пригнувшись, вдавилась в землю. Подумала: он, Володя, видит их каждый день, и не издали, а близко, лицом к лицу. Подумала неожиданно для самой себя, а на сердце словно бы навалился камень. Вернувшись домой, она долго молчала, стоя перед высоким и узким, похожим на щель окном. Затем сказала Сонечке: «Володю убьют. Я чувствую». Сонечка испуганно вскрикнула, качнула головой: «Не говори так! Не смей!» Но слова уже были сказаны, поэтому весть о смерти мужа Саша приняла как подтверждение этих слов и затем всю жизнь казнила себя, обвиняла, терзала упреками. Не должна была допускать эту мысль и произносить эти слова. Не должна, не должна, а раз допустила, значит, смирилась, бросила, предала. Так сбылись два ее невольных пророчества, и только позднее, оставшись наедине со старым венским стулом, некогда подаренным решительной Вере (или, как прозвали ее уже после войны, Вере Решительной), она поняла, что второе пророчество было платой за первое и что победа в земных битвах покупается ценою смерти и крови.

Первый Володя погиб от пули финского снайпера, попавшей ему прямо в сердце и разорвавшей в ключья фотографию жены и сына, которая хранилась у него в нагрудном кармане вместе с единственным письмом, полученным от них. В письме, отправленном летом, Саша писала, что они благополучно добрались до Ленинграда, устроились, находились в безопасности и только волнуются за него и за Сонечку, о которой им ничего не известно. Эти строчки были последними, написанными рукою прежней, восторженной и мечтательной Саши, и, разорванные в ключья, они исчезли вместе с ней. Прежней Саши не стало, и вместо нее появилась сухая и надменная женщина, которая курила самокрутки, пила водку из жестяной кружки и никогда не плакала. Один из сверстников и друзей детства Саши, бывавший у них в доме и танцевавший с ней, одетой в первое балное платье, новогодний вальс, случайно встретил ее на Невском и был поражен тем, что княгиня Мещерская превратилась в простую и грубую солдатку, носившую телогрейку и кирзовые сапоги. Он растерялся, долго не мог произнести ни слова и только разглядывал Сашу и Сонечку, шедшую с ней рядом (это было уже в конце войны), и поправлял пилотку на седой голове. «Не узнаешь? Старухой стала?» — угрожающе спросила Саша, вплотную придвигаясь к нему, но вдруг улыбнулась, отвела его в сторону, и они целый час говорили, прислонясь к пустой витрине Елисеевского магазина, с которой еще не сняли затемнение. Сонечка стояла рядом, слушала, смотрела то на него, то на нее, вспоминала Орел, часы с позолоченными стрелками, словно отсчитывавшие какое-то особое — золотое — время ее детства, вспоминала старую виолончель отца, по лаковой деке которой пробегали солнечные зайчики, когда горничная открывала в гостиной окна, и ей никак не удавалось соединить себя нынешнюю с собою прежней. Сонечка тоже неузнаваемо изменилась, погрубела, стала надменнее и проща одновременно, носила телогрейку и сапоги — такие же, как у Саши, и по-мужски прикуривала на улице, останавливая встречных военных.

И только Вера осталась прежней, словно война ничего не смогла добавить к тому, что она пережила в прошлом. Не изменилась, не постарела, а, наоборот, странно помолодела, как молодеют люди, переставшие замечать боль и теряющие чувство страха. Вот и она потеряла это чувство вместе с другими чувствами, когда-то наполнявшими ее жизнь, и теперь стала спокойной и мудрой во всезнании того, что жизнь и смерть — всегда рядом. Для Веры они тоже не раз оказывались рядом, когда с концертной бригадой колесила по фронтам. Ее вытаскивали из ледяной воды, она горела в вагоне поезда, на нее юзом сползал грузовик с убитым шофером в кабине, и в это мгновение смерть была на расстоянии вытянутых рук, которыми она в отчаянном усилии удерживала кузов. Молчаливый поклонник Веры тем временем лежал в сыром окопе, прижимаясь щекою к прикладу противотанкового ружья, и все ее беды словно бы отдавались ему в грудь, когда он нажимал гашетку. Брат Саши воевал на Украине, видел сожженные дотла деревни, поднимал детские башмачки на пепелищах и от этого становился еще молчаливее, еще задумчивее и тише, но когда надвигались танки, хладнокровно подпускал их на расстояние выстрела, терпеливо прицеливался и бил без промаха. Вера ему не писала. «Свидимся, так свидимся. Писем писать не люблю. Не жди», — сказала перед разлукой. Они условились: если останутся

живы, то встретятся в их переулке — просто придут, поднимутся по лестнице, постучат в дверь. И вот они снова собралась за тем же овальным столом, Вера Решительная и ее давний поклонник, Саша и Сонечка, вернувшиеся к этому времени в Москву, а рядом на стуле — черноглазая Оленька, очень похожая на мать и словно бы заменившая ее такую, какой она была во времена довоенной молодости. Тот же стол, та же вышитая льняная скатерть, тот же патефон с заигранными пластинками, и только не было среди них Первого Володи и Второго Володи, и мать Саши уже умерла, и сама Саша не находила себе места, потому что ничего не знала о судьбе сына, отправленного самолетом из осажденного Ленинграда.

Полгода прошло в тревоге и напряженном ожидании, пока наконец не раскрылась дверь и не возникла на пороге долговязая фигура нескладного подростка, чем-то неуловимо повторявшая Первого Володю. Саша вздрогнула, поблдев, взялась за сердце, затем усилием воли заставила себя успокоиться и вкрадчивым шепотом произнесла: «Вот и хорошо. Здравствуй. Садись, я тебя накормлю». Нескладного подростка звали Игорем, всю войну он провел в Ульяновске, хотя должен был лететь за Урал, но что-то изменилось, произошла какая-то путаница, из-за которой он так и не пересек Уральский хребта, а оказался на Волге. Саша же упрямо писала по прежнему адресу, и ее письма словно проваливались в бездну. Игорь их не получал и ответить не мог. Да и времени на письма у него не хватало: в Ульяновск был эвакуирован мощный завод, и Игорю тоже приходилось работать в цехе, сколачивать ящики для снарядов и даже стоять у станка. Дважды он убежал на фронт, но его ловили и возвращали. Дважды обжигал порохом руки, пытаясь изобрести бронированный снаряд новой конструкции и с его помощью уничтожить всех фашистов. К тому времени, когда идея нового снаряда полностью сложилась в его голове, война уже закончилась. Игорь стал крупным конструктором, возглавил большую лабораторию, получил несколько высоких наград. Ему дали квартиру в высотном доме, выходящую окнами на Москву-реку, но Александра Евгеньевна отказалась туда переезжать: высотный дом казался ей истуканом, затянута в серый каменный мундир. Она лишь навещала сына по воскресеньям, наводила порядок в кабинете, открывала форточку и смахивала пыль с готического письменного стола — точь-в-точь такого же, какой стоял у ее отца. Когда руки ощущали знакомую шероховатость зеленого сукна, границы между прошлым и настоящим причудливо смежались, ей слышались потусторонние голоса тех, кто когда-то называл ее, четырнадцатилетнюю, по имени-отчеству, пальцы начинали дрожать, она водила тряпкой по одному месту, а Игорь Владимирович, глядя на нее, вздыхал и думал, что мать за последние годы сильно постарела.

Однажды она простудилась и не смогла навещать его, как обычно. Сидя в кровати и прислонясь худой спиной к подушкам, Александра Евгеньевна мучилась не столько из-за температуры и воспаленного горла, сколько из-за того, что некому будет совершить ритуальную уборку, открыть форточку и смахнуть пыль. Она не выдержала, открыла форточку и, прикрывая шерстяным платком горло, позвала Соню, чье окно выходило в тот же двор. Софья Петровна не оказалась дома, и вместо нее прибежала черноглазая Оленька, или, точнее, Ольга Владимировна, как называли ее студенты, которым она читала сопромат и детали машин. Александра Евгеньевна попросила, и Ольга Владимировна взяла такси послевоенной марки «Победа» и с доверку набитой авоськой примчалась в Котельники, поднялась на двадцатый этаж дома-истукана и, как учила ее Александра Евгеньевна, постучала три раза в дверь. Ей открыл сам Игорь Владимирович, лицо у него было встревоженное, а увидев вместо матери другого человека, он встревожился еще больше. «Что с ней?! Заболела?! — спросил он, даже забыв поздороваться с гостем, и лишь через минуту исправил свою оплошность. — Пожалуйста, проходите...» Впервые очутившись в квартире изобретателя, с которым они когда-то вместе лазили по заборам, Ольга Владимировна с любопытством оглядывалась по сторонам, но не замечала ничего, кроме признаков запустения и одиночества. В углу комнаты пылилась нераспакованная мебель, на балконе гнездились голуби, на диване кто-то спал, укрывшись кожаным пальто. Ольга Владимировна успокоила Игоря Владимировича, сказав, что с его матерью ничего страшного — просто простудила горло, а затем принялась за уборку, проделав все так, как научила Александра Евгеньевна. Игорь Владимирович даже удивился точной последовательности всех операций, экономности движений и быстроте ориентировки, доказывавших, что в его госте сохранилась нерастратенная жажда домашней деятельности.

За чаем они разговорились, стали вспоминать дворовое детство и то, как сидели за овальным столом, болтая ногами и теребя бахрому скатерти, и то, как

лазили по заборам за белой сиренью, курили на чердаке доходного дома и забирались по пожарной лестнице на крышу смотреть салют. Получалось так, что в воспоминаниях Ольги Владимировны главное место занимал он, Игорь Владимирович, а в воспоминаниях Игоря Владимировича — она, Ольга Владимировна. Их странно волновало то, что у них совпадали отчества — Владимирович и Владимировна и были близкие специальности (Ольга Владимировна выбрала технику, чтобы не отстать от Игоря Владимировича), и каждый втайне задавал себе вопрос, почему же тогда они не влюбились друг в друга. Вопрос этот продолжал их преследовать всю жизнь — даже после того, как они поженились и у них родились дети-одногодки, мальчик и девочка, и Ольга Владимировна необыкновенно расцвела за те месяцы, что кормила их грудью, и Игорь Владимирович пылко в нее влюбился, и она тоже влюбилась в него, и все у них было словно бы впервые, словно бы заново. Но именно это ощущение новизны их взаимных чувств минутами вызывало в Игоре Владимировиче и Ольге Владимировне недоверие к самим себе, и в глубине души им было стыдно, что они не влюбились друг в друга раньше, в свое время. Может быть, в самом воздухе, которым они дышали, не хватало любви или их матери, отцы и деды любили слишком много, а вот им не досталось, не выпало это счастье, и поэтому дети Ольги Владимировны и Игоря Владимировича испытывали к ним странную настороженность, когда дело касалось сердечных тайн, и за советами в любовных вопросах бежали к старушкам Александре Евгеньевне, Софье Петровне и Вере Игнатьевне.

Тот переулочек их непреодолимо манил, и иногда они приводили с собой ватагу университетских друзей, перед которыми им хотелось похвастаться уникальными предками, последними из рода Мещерских, Шуваловых и Туттолминых, и их уникальным жильем с остатками старинной роскоши («Вообще-то они живут по-спартански, но кое-что сохранилось!»), всякими там медальонами, резными шкатулками, зеркалами в овальных рамках и, конечно же, книгами, множеством книг, и на русском, и на французском, и на английском, и на немецком, — старушки читали почти на всех европейских языках, а Вера Игнатьевна еще и по-китайски. Университетская ватага благоговейно стихала перед рядами книг, и, когда хозяйки усаживали гостей за стол, угощали чаем, пирогом и вареньем, самые любопытные и нетерпеливые спрашивали, видели ли они Блока, встречались ли с Маяковским, помнят ли Северянина и Бальмонта. К их восторгу, оказывалось, что видели, встречались, помнят и могут часами рассказывать и о Блоке, и о Маяковском, и о многих других, чьи имена почти забыты, и у них такой русский язык, какого уже нигде не услышишь, и вовсе они не из бывших, а из будущих и из сегодняшних, и никакие не аристократы, а — русские интеллигенты. Иначе и не назовешь их, прошедших через великое очищение, через бури революции, через гибель и муки и выбравших тот единственный путь, который и был путем всей России.

Представим еще раз лица Александры Евгеньевны, Софьи Петровны и Веры Игнатьевны и дорисуем в воображении последние страницы их судеб. Вера Игнатьевна после войны вернется в театр, станет признанной, заслуженной, увенчанной лаврами, и, хотя Онегина ей больше сыграть не придется, у нее будут другие роли, более спокойные и академические, и критики назовут ее, бывшую революционерку на сцене, хранительницей традиций. Однажды она полетит на гастроли в большой азиатский город и встретит там своего брошенного мужа, который будет непонимающе и удивленно смотреть на нее из партера, пугово хлопая вместе со всеми и изредка брать бинокль из рук молчаливого соседа, давнего поклонника Веры Игнатьевны. Затем они второе отправятся в большой ресторан, перестроенный из их маленького рестораничка, и отпразднуют эту встречу, закажут вина, закусок, попросят поставить на стол цветы и будут долго вспоминать прошлое, и Вера Игнатьевна будет переводить своему поклоннику то, что скажет непонимающе-удивленным китаец. Тем временем далеко в Москве, в переулке с глухими заборами, Александра Евгеньевна, верная привычке самостоятельности за собой ухаживать, склонится над стиральной доской и вдруг почувствует, как мыло выскальзывает из рук, голова кружится и глаза застилает темнотой. Ее отправят в больницу, и Вера Игнатьевна, вынужденная прервать гастроли, едва успеет на похороны подруги. После этого и она протянет всего лишь год, и на стене Дома актера появится траурное извещение с ее фотографией, на которой она будет запечатлена смеющейся, тридцатилетней, только что отыгравшей премьеру. Софья Петровна с трудом переживет эти две потери, станет рассвняной, отрешенной, забывчивой, и вскоре грузовик с брезентовым верхом увезет ее на новую квартиру, она будет подниматься в лифте на двадцатый этаж и видеть мир с высоты птичьего полета.

САМОТВЕРЖЕННОСТЬ

ЛЕОНИД ТЕЛЯТНИКОВ
Герой Советского Союза

Окончание.
Начало на 6-й стр.

Обижаются? дескать, зазнался. Не зазнался, просто не уважаю тех, кто свой чиновный интерес поставил выше заботы о здоровье людей. Молчунов и перестраховщиков презираю.

Да, были у нас и беглецы. Но не среди пожарных и их семей. Даже те парни, которые имели возможность на следующий день отправить жен с детьми на собственном транспорте, ею не воспользовались. Это тоже о многом говорит, согласитесь. Все, кого не забрали в больницу, стали дожидаться и помогать проведению организованной эвакуации. Среди беглецов были и те, кого я лично считал честными и порядочными людьми. Они оправдывались «боязнью за свою семью». Кто-то из них потом вернулся «добирать дозу», кто-то повинулся... Но простить этих людей лично я все равно не могу, не имею права. Здесь уж мы просто обязаны быть максималистами.

Казалось бы, военным и пожарным по долгу службы требуется быть самоотверженными. А гражданским людям? Абсолютное большинство припятцев своим поведением накануне эвакуации ответили на этот вопрос. И я, военный, горжусь ими. Особенно молодыми парнями и девушками, комсомольцами.

Караул Правика первое время находился на машинном зале. Там потушили и отделение оставили на дежурстве, потому что объект еще был в опасности. А городская часть, прибывшая чуть позже, была направлена на реакторное отделение. И вот Володя побежал на помощь караулу Кибенка. Сам, по своей инициативе. Из нашей части погиб только Правик. Остальные пять человек во главе с лейтенантом Кибенком были из шестой городской части...

Многим из нас остро не хватает принципиальности, бескомпромиссности. И комсомольским вожакам в том числе, которые продолжают вытанцовывать польку-бабочку перед администрацией.

У меня в части был комсоргом Виктор Мельников. Вот это парень! Даже с начальника «стружку снимал». Кто-то, а он умел постоять за права своих комсомольцев. Попробуй я кого-то «ущемлю» — жизни не будешь рад. «Товарищ командир, объясните комитету ваши действия. Почему работать мешаете?»

Я был доволен комитетом, а они мной — нет. Так и должно быть, я считаю. Чем комсомол с администрацией больше воюет, спорит, тем дела лучше идут. Комсомольская работа — это прежде всего конкретные поступки. Право что-то требовать надо делами заслужить.

Как я понимаю самоотверженность в семейной жизни? По-моему, ее очень просто распознать, только здесь она называется альтруизмом. Это значит больше, чем о себе, думать о близких людях — родителях, жене, детях. Я так понимаю.

С детства моим любимым героем был Феликс Дзержинский. Железный Феликс, непреклонный в своих убеждениях, беспощадный к врагам, строгий и требовательный с подчиненными. А какое же доброе, нежное сердце билось в его груди, с каким трепетом, теплотой он относился к своей жене, своей семье! Какие бесконечно нежные письма писал им! Как старался выкроить время для своих близких, не забывал о них никогда в круговороте дел и забот. Вот пример истинной самоотверженности в семейной жизни!..

Нам с женой пришлось много пережить, трудностей хватало. Но мы их старались одолевать вместе.

Тут мне недавно мой старший говорит: «Пап, как трудно, оказывается, быть сыном Героя! Отношение к тебе особое, за каждым шагом наблюдают. Вроде как пример ты должен показывать. Что ты посоветуешь?» А что тут посоветуешь?

«Думай, — говорю, — решай сам, как быть. Ты же мужчина!»

Раннее утро. На аэродроме Забрат тихо. Ветер покачивает винты ярко-оранжевых вертолетов. Как стреноженные в ночном кони, стоят они на поле. Вскоре авиамеханики расчехлят их, разогреют двигатели, и машины взмоют ввысь над белыми бурунами Каспия, разнося людей по буровым.

Сегодня смена вахты на морских буровых установках. У диспетчерской оживленно. Выясняется, что у меня много попутчиков. Еще до взлета завязывается разговор.

— Ребята, кем вы себя ощущаете больше — моряками или нефтяниками?

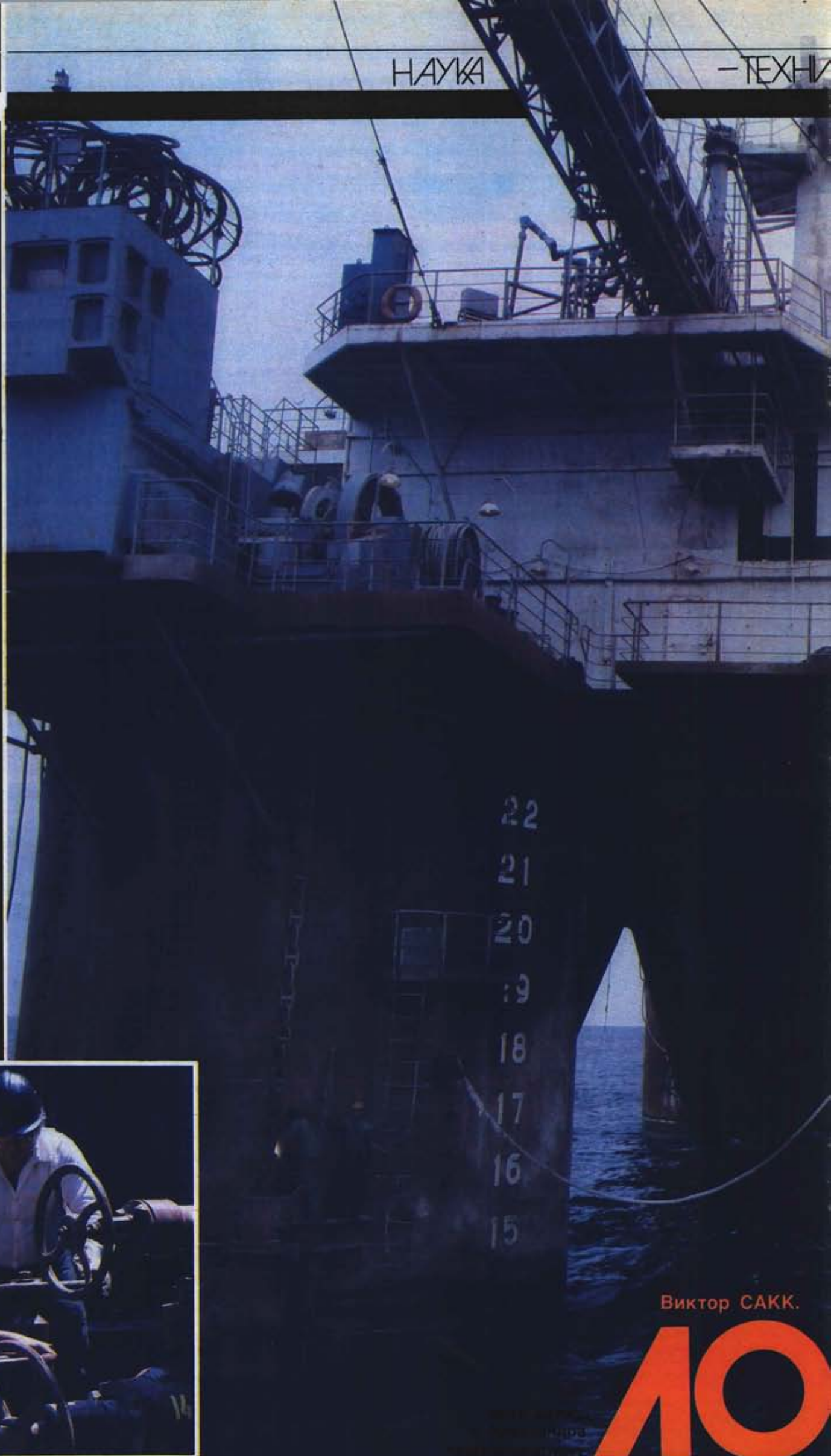
— А мы и сами не знаем. У нас и земля, и море нефтью пахнут. Слетаете на буровую — сами поймете, кто мы такие...

Рассказывает Назим Абуталыбов, заместитель начальника «Шельфа-3»:

— По-настоящему ощущаешь размеры сооружения, когда Ми-8 касается колесами его посадочной площадки. Полупогружающаяся установка морского бурения «Шельф-3» — самая мощная и самая молодая из отечественных на Каспии. 19 тысяч тонн водоизмещения, сравнить можно с океанским лайнером. Проектная глубина бурения до 6000 метров при глубине моря до 200 метров. И все это сооружение держится на шести колоннах, диаметром 18 метров каждая, и на двух громадных понтонах, как на двух китах. Восемь якорных цепей длиной более километра и весом 110 тонн каждая удерживают установку на «точке». Сами понимаете, каковы требования к качеству такой цепочки. Что такое заводской брак, мы уже испытали на себе.

17 мая прошлого года при сильном ветре, когда вертикальная качка установки достигла 3—4 метров, произошел разрыв одного из замков цепи. Пришлось остановить бурение, отсоединить превентор, то есть донное буровое оборудование. Четверо суток непрерывной работы всей вахты потребовалось, чтобы ликвидировать аварию. В те часы я по-настоящему ощутил груз возложенной на меня, двадцатисемилетнего инженера, ответственности. Конечно, умом и до этого понимал, установка — это жизнь пятидесяти четырех человек, 70 миллионов государственных рублей. А тут в одно мгновение физически ощутил, что мне доверено...

Вахта на рукотворном острове.

Виктор САКК.

ЛО

Плавучая буровая — это новейшее оборудование.

Рассказывает бурильщик Евгений Власов:

— Буровая оснащена уникальным оборудованием. И все оно работает вот на это «сердце». — Евгений показал на монотонно крутящийся ротор. — Идет бурение — значит, работает сердце установки, и тогда все оправдано: работа десятков людей по 12 часов и миллионы, вложенные в эти «железки». Остановилось бурение — все становится бессмысленным. Один день простоя обходится государству в 20 тысяч рублей. А часто мы на грани остановки из-за плохо налаженной службы обеспечения. Каждый день по радио просим: надо, надо, надо... цемент, воду, трубы, туробур. Не везут. Нет у нас своей базы обеспечения. Пока судно «Нефтегаз-8» обойдет другие установки, пока до нас дойдет — половина вахты проходит. Из-за нехватки тонны цемента можно угробить скважину стоимостью в 9 миллионов рублей. Глубоководное буровое оборудование не может работать без специальной импортной гидрожидкости, а ее у нас всего две бочки. Наша, отечественная, не подходит. Что делать? Гробить оборудование? У нас душа болит, а почему она не болит у тех, кто покупал это оборудование? В комплекте совершенно нет инструмента, никакого. Нам бы сюда этих товарищей. Мы бы «попросили» их отвернуть хоть одну гайку... Установка рассчитана на двадцать лет работы. А имеющийся буровой комплект — на две скважины, максимум на два года. Что же потом?...

...В конце вахты на общем собрании разговор о работе и проблемах, которые ее тормозят, продолжился. Ребята со свойственным бакинцам темпераментом горячо говорили о наболевшем, о том, что больше нельзя мириться с плохим снабжением. Чувствовалось, что буровики болеют за свое дело и не хотят больше терпеть бесхозяйственность...

В ожидании вертолета я зашел в радиорубку.

Назим Абуталыбов передавал сводку: «Баку-6... «Баку-6... Я «Шельф-3», Шельф-3... Как слышите? Все в порядке, бурение продолжаем. Идем с опережением графика, 200 метров, 200 метров...»

Моя вахта подошла к концу. Уже в вертолете вспомнил слова Жени Власова: «Наш «Шельф» прокладывает дорогу нефти, а мы, выходит, ее лоцманы...»

ЦИТАТЫ НЕФТИ

Под таким заголовком в № 7 было опубликовано несколько читательских писем-исповедей об одиночестве. Они вызвали оживленный интерес у людей самых разных возрастов. Только за месяц редакция получила несколько сотен откликов, большинство из которых адресованы авторам опубликованных писем: кто-то дает советы, кто-то предлагает свою дружбу. Есть и просто размышления об одиночестве, желание поделиться собственным, порой нелегким, выстраданным опытом. Публикуем очередную подборку читательских писем.

✉ ОПЯТЬ ОХИ И ВЗДОХИ!..

«...Ой, кому я, бедный да одинокий, нужен! Ах, дорогая редакция, плохо мне и сиротливо живется на этом свете!» Прочитал я подобные откровения и тоже затосковал. Только не от одиночества, а от удивления: сколько же нытиков расплодилось среди моих ровесников и сверстников! Так и хочется им сказать: дорогие друзья и подруги! Оглянитесь вокруг. Какая сейчас интересная и сложная жизнь. Какие замечательные люди живут и трудятся рядом — борются, любят, ищут свое место в строю создающих и активных, добрых и бескомпромиссных! Может быть, хватит плакаться, а? Настоящее счастье приходит к тем, кто умеет жить для других, работать на всю катушку и целиком отдавать себя людям. Его нужно искать, за него надо бороться, а не писать в журнал слезные письма и требовать сострадания к своему надуманному одиночеству. Лично я таких людей не уважаю!

Григорий РУДАКОВ,
Новый Уренгой

✉ ВЕРНИТЕ МНЕ СЧАСТЬЕ!

Дорогая редакция! Обращаюсь за советом, как сохранить молодую семью. Мне 22 года, жене Светлане 19 лет, а нашей дочурке только что исполнилось девять месяцев.

Все беды начались с того радостного дня, когда у нас родилась Наташенька. Моя теща решила, что жене и дочке лучше пожить первое время «рядом с мамочкой», а меня она в расчет, разумеется, не взяла. Эта женщина меня вообще ненавидела и считала недостойным мужем для Светы. И она своего добила — после того, как я попал в автокатастрофу, теща заставила жену подать на развод; дескать, тебе нужен другой муж, найдем «почище и пообразованнее». И Светлана все сделала по указке мамочки. Скоро должен состояться процесс, на котором будет решена судьба нашей семьи. Я очень люблю свою жену и дочь, но ведь у меня тоже есть гордость, и на поклон я к ним не пойду. Лучше уж остаться одиноким, чем унижаться. Не понимаю я современных женщин. Почему они перестали дорожить своей семьей, святыми узами брака? Может, и вправду надеются найти «почище и пообразованнее»? Ну-ну, пусть ищут! Только потом пусть не пишут в журнал и не плачут о своем одиночестве, в котором зачастую они сами виноваты!

Александр О.,
Пенза

✉ УЖ ЛУЧШЕ БЫТЬ ОДНОЙ...

Мне 16 лет. Когда я поняла, что совершенно одинока, то стала успокаивать себя известным выражением Омара Хайяма: «Уж лучше будь один, чем вместе с кем попало...» Действительно, уж лучше быть одной, чем изменять себе и своим убеждениям, чем подчиниться и жить по законам «фирменных ярлыков» и балдежных «тусовок».

Конечно, трудно быть одинокой в шестнадцать лет. Но я верю, что рано или поздно человек, который умеет верить и ждать, найдет себе настоящих друзей. Главное — не приспособливаться к тому, против чего восстает душа.

Виктория СЕРЖАНТОВА,
Донецкая область

✉ Я ТОЖЕ БЫЛА ОДИНОКА...

Когда я читала письма в седьмом номере «Смены», то невольно вспомнила себя, какой была прежде. Это длилось до тех пор, пока я не задумалась всерьез: а почему я внешне интересная и неглупая, чувствую себя одинокой? Кто в том виноват? Я стала следить за собой, за своим поведением и поступками. И вскоре поняла, что у меня очень скверный характер — резкий, эгоистичный. Он-то и отталкивал от меня не только парней, но и подруг. Тогда я решила научиться держать себя в руках, никогда не показывать другим своего дурного настроения. Мне грубят, а я улыбаюсь. Стала внимательнее относиться к своим одноклассникам. И ведь ко мне стали внимательнее!

ПОЧЕМУ Я О

И еще я поняла: не нужно «разбрасываться» по компаниям, которые ничего не дают ни уму, ни сердцу. Перестала под кого-то подстраиваться. Что в итоге? Потеряла любимого человека, который не захотел мириться с моей самостоятельностью. Больно было. А потом я поняла, что мне нужен тот мужчина, который будет принимать меня такой, какая я есть.

К сожалению, единственный пока не встретился, но у меня теперь много друзей и подруг. Не надо затворяться в себе, ребята! Распахните свои сердца навстречу жизни и людям.

Наташа НЕГАТОВА,
Иркутск

✉ МНЕ СКУЧНО С НИМИ!

Грустно мне становится, когда я смотрю на своих ровесниц. Дело тут не в стрижках и модных одежках, которые, признаюсь, тоже мне не по душе. Это разве «прекрасный пол»? Прически под «драных кошек», разноцветные штаны, развязные жесты, лица за обильным макияжем не увидишь... Жуть! В глазах — пустота, в ушах — микрофончики от «плеера».

Почему молодые люди стали плакаться от одиночества? Да от пустоты душевной, от неумения занять себя интересным делом и жить по-настоящему духовной жизнью! Одиночество заставляет думать, а многим это не нравится. Куда как лучше жить не думая, врубив каких-нибудь «модернтоккинг»!

А уж москвичам и жителям крупных городов вообще стыдно говорить про одиночество. Одинок тебе? Иди в театр, на выставку или в концертный зал. Зажги лампу и возьми в руки хорошую книгу, почитай, подумай «о времени и о себе».

Нет, не люблю я современных девушек! Скучно с ними! Уж лучше одиночество с книгой, чем никчемное времяпрепровождение с юной особой, которая начинает позевывать, когда ей читают стихи или говорят о серьезном искусстве.

Сергей НОВИКОВ,
Москва

✉ ...А ДУША УМИРАЕТ!

Надоело мне молчать, все таить в себе, хочу хоть с кем-то поделиться.

Я вышла замуж в девятнадцать лет, потому что любила этого человека всем сердцем. А он на этом «играл» и жил, как ему нравилось. Я родила дочь и сына, думая, что он наконец возьмется за ум. Но где уж там! Муж по-прежнему пил и гулял... И вдруг я поняла, что живу с чужим человеком, совсем чужим, хотя он и отец моих детей. Понадобилась большая смелость, чтобы в моем-то положении взять детей и уехать в другой город, попытаться начать жизнь заново.

И вдруг ко мне пришло счастье! Я встретила человека, который полюбил меня и моих детей. Я ему родила сынишку, и жизнь казалась такой замечательной! Но тут обрушилась страшная беда — мой муж погиб. Не знаю, откуда я взяла силы, чтобы пережить (конечно же, ради детей) потерю любимого! Спасибо родным и друзьям, что не оставили меня наедине с горем.

Что знают эти мальчики и девочки, написавшие в «Смену» про одиночество! Они еще в жизни ничего не видели, а уже «караул» кричат. А что же мне тогда говорить, молодой женщине с тремя детьми на руках? Крест на себе поставить? Но ведь надо жить во имя детей! Да и самой еще любви хочется!.. А вокруг говорят: «Никому ты не нужна со своей пацановой!» После этих слов такое чувство, будто душа умирает... Но нельзя быть злым даже от страшного одиночества, все равно нужно любить людей и верить в лучшее. Как же иначе жить?

Надежда ЛЫЖИНА,
Коми АССР

✉ ИСКАТЬ ПРИЧИНУ В СЕБЕ

Сразу оговорюсь, что я не считаю себя одиноким человеком, даже наоборот, у меня очень много друзей и знакомых. Просто хочется подсказать людям, страдающим от одиночества, что причину надо искать не

в окружающем равнодушии, а в самом себе. И начать следует с самой суровой самооценки, чтобы критично оценить свое «я».

Знаете, какое у меня предчувствие? Чем дальше, тем больше будет одиноких людей. Объясню. Я рос в многодетной семье и привык к бытовым неурядицам и скромному образу жизни. А нынешние парни и девушки с «бытом» мало сталкиваются: в основном все они обеспечены, сыты, одеты и обуты вполне прилично. Нас, ныне 35-летних, отсутствие импортных штанов в свое время в панику не кидало. А сейчас? Подростки, молодые люди как бы подразделяются на «бедняков» и «фирменных». Плачут девочки, страдают мальчики... Друг оценивает друга по наклейке на штанах, а не по человеческим качествам. Девочка-модница не хочет дружить с сыном или дочерью одинокой матери, которая не может позволить купить своему чаду «фирму». Вот вам первый «раскол», первое и самое болезненное ощущение своего одиночества.

Дальше — плуце. Я это говорю к тому, что парней и девушек нужно воспитывать альтруистами, людьми, уважающими прежде всего душевные качества — доброту, отзывчивость, нежность... Если все будут обладать ими, то куда меньше станет одиноких людей. Можете назвать меня идеалистом. Даже буду рад.

Г. БУХТЫРОВ,
Иркутск

✉ ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ

С прискорбием сообщая: я, студент второго курса, бывший армейский сержант, оказался слишком «порядочным человеком». Вот почему моя жизнь превратилась в сплошные страдания. Объясню подробнее. На первом курсе я стал встречаться с девушкой. Любви особой не было ни у меня, ни у нее. Обычные отношения, которые могут возникнуть у взрослых 22-летних мужчины и женщины. И вдруг она мне заявила, что ждет ребенка и нам нужно зарегистрировать свои отношения. Я считаю, что такой важный вопрос должны решать два человека — он и она, — однако все было решено без меня. Ко мне домой пришли ее родители, «нажали» на мою мать, женщину очень честную и цепетильную. Словом, нас женили. С первых же дней жизнь превратилась в сплошной кошмар, а после рождения ребенка стала и вовсе невыносимой. Жена со мной никогда не считалась и не считается. Вынудила меня перевестись на заочное отделение и пойти работать, дабы кормить семью и удовлетворять ее всевозрастающие потребности. Я для нее — «хам», «гегемон несчастный», «пентюх» и т. п. Даже мужчиной перестал себя чувствовать. Отношения ужасные.

Дома я чувствую себя страшно одиноким. Другой растерял, учебу забросил. А ради чего? Неужели ради такой «счастливой» жизни? Впрочем, сам виноват. Кому была нужна моя «порядочность»!

Вы скажете, разводись. Но опять же мне это мешает сделать моя идиотская порядочность и любовь к дочурке. Ради нее я все готов стерпеть. Вот только не знаю, насколько хватит у меня терпения. Но знаю твердо другое: нет ничего страшнее одиночества вдвоем.

Олег,
Свердловск

✉ МОЖНО ЛИ ПОЛЮБИТЬ... ЭВМ?

Я много думаю о человеческих отношениях — о любви, дружбе, душевном одиночестве. Однажды мне пришла в голову такая мысль: можно ли полюбить вычислительную машину? Решил: а почему бы и нет? Мне с ЭВМ куда интереснее, чем с иными людьми. Составляя программы для компьютера, я чувствую себя творцом. Я могу создать себе собеседника, говорящего на «моем языке» и «приятного во всех отношениях». А с людьми очень трудно общаться, а со многими из них просто скучно: банальные слова, расхожие мыслишки... Я считаю, что человек, увлеченный своей работой, не может быть одиноким. Тот, кто любит свое дело и относится к нему творчески, не будет много внимания уделять тряпкам, не станет искать девушку в «красивой упаковке». Давайте по-больше работать, поменьше вздыхать, и, я уверен, это избавит от одиночества.

Александр СЕРГЕЕВ,
Новосибирск

Под редакцией
гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Победителями 28-й шахматной олимпиады стали: инженеры Г. Адамьян (с. Лусарат Армянской ССР), В. Гриндей (Черновцы), В. Жиров (Горький), В. Золотницкий (Смоленск), Э. Рыбак (г. Зеленоград), Ф. Сбитнев (Москва), А. Солнцев (Николаев), Т. Утепов (Чимкентская обл.), С. Шеремет (Киев), инженер-строитель В. Васильев (Свердловск), горные инженеры В. Глухов (г. Гусиноозерск Бурятской АССР), Н. Шкрый (Вологда), резбошлифовщик Е. Григоров (г. Обнинск), ветеран Великой Отечественной войны И. Кваша (Ново-черкасск), вертолетчик С. Коняев (Томская обл.), лаборант В. Куропаткин (Курск), механизатор С. Мищенко (пос. Карагалы Кустанайской обл.), электромонтер Л. Нестеров (пос. Африканда Мурманской обл.), врачи Ю. Одварко (Запорожье), А. Спири (г. Красноуфимск), пенсионер В. Павлов (г. Текели Талды-Курганской обл.), слесари И. Панаев (Пермь), М. Разуванов (Красноярск), студенты Р. Парменов (Новосибирск), К. Яшин (Пенза), рабочий А. Рудинский (Ленинград), научный сотрудник А. Хандурин (Харьков), электромонтажник Г. Хурция (Ереван), военнослужащий О. Шариков (Москва), инженер-экономист В. Шкробот (Винница). Всем победителям будут вручены дипломы «Смены» и книжные призы.

РЕШЕНИЯ ЗАДАНИЙ 28-й ШАХМАТНОЙ ОЛИМПИАДЫ

В 28-й шахматной олимпиаде «Смены» приняли участие более пяти тысяч любителей шахмат нашей страны и братских социалистических стран. Как всегда, вместе с ответами на задания участники олимпиады присылали нам свои отзывы, в том числе и критические замечания, различные пожелания на будущее. Мы благодарим всех за интересные предложения и полезные советы и постараемся их учесть в своей работе.

Анализ читательских писем показывает, как заметно повысилось мастерство наших шахматных решателей. Так, более ста пятидесяти сильнейших решателей 28-й олимпиады успешно справились со всеми заданиями. Еще столько же участников допустили в своих ответах лишь по одной ошибке. Более семисот участников смогли впервые выполнить разрядные нормативы либо повысить свои разряды по шахматам. Просим всех, кому требуется справка о выполнении разряда, написать в редакцию (в письме следует указать имеющийся разряд по шахматам и год его выполнения).

Учитывая высокий уровень ответов и большое число участников олимпиады, показавших максимальный результат, жюри приняло решение для выявления 30 победителей вновь прибегнуть к помощи жеребьевки.

I тур

1. В. Чепижный, 1986. Мат в 2 хода. 1. Сg8! (1 балл)
2. В. Чепижный, 1986. Мат в 3 хода. 1. Ce5! fe 2. Фf6, 1...f5 2. Сg7, 1...Kpg6 2. Фf6+ (3 балла)

II тур

1. О. Делер, 1927. Мат в 3 хода. 1. Лh4! Кf7 2. Крc7 (2 балла)
2. С. Ленер, 1864. Мат в 3 хода. 1. Лс2! Крb8 2. Кр:b6, 1...b5 2. Крc7! (2 балла)
3. Т. Даусон, 1915. Мат в 3 хода. 1. Крc7 Кd5+ 2. Лd5, 1...Кс8 2. Лb5 (2 балла)

III тур

1. А. Корриас, 1902. Мат в 3 хода. 1. Крd3 a2 2. Фс2+ 1...Кра2 2. Фс1 (2 балла)
2. Я. Дртина, 1887. Мат в 3 хода. 1. Фg2! c2 2. Фg7, 1...Сb2 2. Фс6+ 1...Кра3 2. Фс2 (2 балла)
3. М. Хавель, 1904. Мат в 3 хода. 1. Кре6 Кd4+ 2. Ф:d4, 1...Кf4+ 2. Фf4, 1...Крf8 2. Крf6, 1...Крd8 2. Крd6 (2 балла)

IV тур

1. Х. Хултберг, 1928. Мат в 4 хода. 1. Сf8! Кb2 2. Крc2 (2 балла)
2. В. Шлекман, 1957. Мат в 5 ходов. 1. Са5! g4 2. Cd2 g3 3. Сh6! g2 4. Сg7+ (2 балла)
3. О. Блаты, 1886. Мат в 5 ходов. 1. Cd6! Лe8 2. Сс5 Лd8 3. Сe7 Лd6 4. С:d6, 2...Ле4 3. Са3 Лb4 4. С:b4 (4 балла)

V тур

1. Учебный пример. Мат в 3 хода. 1. Кg5 Сg4+ 2. Крe1 (1 балл)
2. М. Милиниери, 1954. Мат в 7 ходов. 1. Крc1 a3 2. Кс2+ Кра2 3. Кd4 Кра1 4. Крc2 Кра2 5. Ке2! Кра1 6. Кс1 (2 балла)
3. В. Чепижный, 1986. Ничья. 1. Крh5 Сf8 2. Крg6 Кf8 3. Крf7 Сh6 4. Крg6 Кg4 5. Кd3+ Крd4 6. Кf2! 3...Кd7 4. Кс4+ Крd4 5. Кb6 (3 балла)

VI тур

1. Э. Погорянец, 1970. Мат в 5 ходов. 1. a7 Крh2 2. a8Л! Крh3 3. Ла4 f5 4. Лf4 (2 балла)
2. В. Шлекман, 1976. Мат в 4 хода. 1. Крb3 Кf4 2. d8Л! Кd3 3. Л:d3, 1...Крb1 2. d8Ф Крc1 3. Фd3 (2 балла)
3. Ф. Прокоп, 1925. Выигрыш. Белая пешка должна стоять на b5, а не на b6. 1. b6. Всем участникам засчитывается 3 балла.

VII тур

1. В. Кейм, 1971. Мат в 3 хода. 1. Лс3! Крg1 2. Лс2 Крh1 3. О—О—Ох, 1...Крh2 2. Крf1 (2 балла)
2. Ф. Линдрен, 1919. Мат в 4 хода. 1. Крf4! Крd7 2. Кре5 Кр:c8 3. Крd6; 1...Крd6 2. Лb7 Кре6 3. Лd8, 2...Крd5 3. Лb6; 1...Крf6 2. Лb7 Кре6 3. Лd8, 2...Крg6 3. Лh8 (2 балла)
3. Г. Ринк, 1921. Выигрыш. 1. Лd6+ Крf7 2. Лa7+ Кре8 3. Лh6 Лс3+ 4. Кре2 Лb2+ 5. Крd1 Лd3+ 6. Крc1 Лf2 7. Лh6+Лf8 8. Ла8+, 1. Ла6+? Крf7 2. Лd7+ Кре8 3. Лh7 Лс4! (4 балла)

VIII тур

1. Я. Кнопфель, 1941. 1. Се1! Крh2 2. Крf2 d4 3. Cd2 (3 балла)
2. Г. Ринк, 1924. Ничья. 1. Сg6 Лd4+ 2. Кре7 Лd2 3. Крf6 Лd7 4. Сf7 Кf5 5. Се6 (3 балла)
3. Г. Ринк, 1948. Ничья. 1. Cd5 Лg6+ 2. Кра5 Лс3 3. Крb4 (3. Сb4? Лс7 4. Сf3+ Крg5 5. Cd2+ Крf5) 3...Лg6 3 4. Сf2 (4.

- Cd6? Лgд3 5. Сf7+ Крg5 6. Се7+ Крf5 7. Сс4 Лg3 8. Cd6 Лf3 9. Cd5 Лfд3 10. Сg8 Лh3! 4...Лh3 5. Се6 Лh3 6. Cd5 Лfд3 7. Сс4 Лh3 8. Се6 (4 балла)

IX тур

1. К. Тракслер, 1918. Мат в 4 хода. 1. Кd4 Сс4 2. Кdф3 Сb5 3. Кf7+, 1...Сс6 2. Кde6 Сс8 3. Кd8 (2 балла)
2. В. Якимчик, 1957. Ничья. 1. Ке4 Крh4 2. Кhg5 Кd1+ 3. Крf4 h1Ф 4. Кf3+ Крh3 5. Кg3 Фg2 6. Кg5+ Крh2 7. Кf3+ (3 балла)
3. Г. Ринк, 1947. Ничья. 1. Кре6! Лh8 2. Кf6+ Крf8 3. Кd+ Крg8 4. Кf6+ Крf8 5. Кd7+, 1...Лb8 2. Кd6+ Крd8 3. Кf7+ Крс8 4. Кd6+ Крd8 5. Кf7+ (3 балла)

X тур

1. В. Шлекман, 1957. Мат в 4 хода. 1. Кb4! e5 2. Кс2 Кс6 3. Ка3, 1...d3 2. Кd5 Кс6 3. Кb6 (2 балла)
2. Ю. Гунст, 1922. Выигрыш. 1. Сb7! Крc7 2. Са6! Кр:b8 3. Крd6 Кра8 4. Крc7 d5 5. Сb7x (2 балла)
3. Р. Хейсканен, 1951. Ничья. 1. Кс3 h2 2. Ке4 h1Ф 3. Се3+ Крh5 (3...Крh7 4. Кg5+ Крh6 5. Ке3+) 4. Кg3+ Крh4 5. К:h1 e1Ф 6. Сf2+ Фf2 7. Кf2 g3 8. Кd3 g2 9. Ке1 g1Ф 10. Кf3+ (3 балла)

XI тур

1. А. Бурмейстер, 1891. Мат в 3 хода. 1. Сg6! a2 2. Сh5, 1...Кре2 2. Cd3+, 1...Крd1 2. Лf1+ (1 балл)
2. В. Шлекман, 1948. Мат в 5 ходов. 1. Лg4 Сf1 2. Лg3 Сg2 3. Ле3 Се4 4. Ле4 (2 балла)
3. Ю. Гунст, 1927. Выигрыш. 1. Лg2 Сс1 2. Лg1 Сf4 3. Сd6+ Кр:d6 4. Кре4 Сh2 5. Лg2 Се5 6. Лg6+ (3 балла)

XII тур

1. В. Шлекман, 1957. Мат в 4 хода. 1. Ла4! Крh2 2. Ла3 Сс3 3. Лс3, 1...Се5 2. Лh4+ Сh2 3. Кh3 (2 балла)
2. Г. Ринк, 1937. Выигрыш. 1. Крd3 Лс5 (1...Ле4 2. Ке3+) 2. Крd4 Ла5 3. Лh5+ Крg6 (g4) 4. Кf4 (f6)+ 5. Лf1 (2 балла)
3. Л. Куббель, 1907. Ничья. 1. Кс3+ Крc2 2. Кd1 Кр:d1 3. Крh8 Крe1 4. Лg2 f1Ф 5. Лg1 Ф:g1 — пат (3 балла)

XIII тур

1. А. и К. Сарычевы, 1930. Выигрыш. 1. Ке5 Крg7 2. Cd8 Крf8 3. Крf2 Кре8 4. Са5 Кре7 5. Кре3 Крd6 6. Крd4 Кс7 7. Сb4x (2 балла)
2. А. Гербстман, 1928. Ничья. 1. Сh3! Лb3 2. Сf1 Лf3 3. Сс4! (3. Са6? Cd5+! 4. Крh7 Лh3+ 5. Крg6 Лg3+ и б. Л:g1) 3...Лg3+ 4. Крh8 Лg1 5. Cd3+ С:d3 — пат (3 балла)
3. Г. Ринк, 1924. Выигрыш. 1. Крg3+ Крg8 2. Ле1 Сb5 3. Кf6+ Крg7 (3...Крf7 4. Ке4 Сс4 5. Кd6+) 4. Кh5+ Крh6 5. Ле3 Кр:h5 6. Ле5+, 1. Крg2+? Крg8 2. Ле1 Сb5 3. Кf6+ Крf7! 4. Ке4 Сf4! (3 балла)

XIV тур

1. Г. Матисон, 1927. Ничья. 1. Крd2 Кс1 (1...Сf4+ 2. Крe2 Кс3+ 3. Крd3 Кd5 4. Кре4) 2. Лb5+ Кра2 3. Ла5+ Крb3 (3...Крb2 4. Ла4! Сс7 5. Лb4+ Кра3 6. Ле4) 4. Лf5! Cd6 5. Лf3+ Крb2 6. Лf2! Сb4+ 7. Кре3 Сс5+ 8. Крd2 С:f2 — пат (3 балла)
2. Е. Добреску, 1965. Ничья. 1. Лс4! (1. Кс3? Фf1+ 2. Кb1 Фа6+ 3. Крb2 Фb6+ 1. Лb5+? Кра7 2. Ла5+ Крb6) 1...Крb6 2. Лb4+ Кра5 3. Ла4+ Крb5 4. Крb2! Фе2+ 5. Крb3 Фd1+ 6. Крb2 Фе2+ 7. Крb3 (3 балла)
3. Л. Прокеш, 1942. Выигрыш. 1. Cd8 Сс8 (1...Се6 2. Лf6 Кd4 3. Крc3 Кb5+ 4. Крd3) 2. Лс7 Сb7 3. Лс5 Сс4 4. Ле5 Cd3 (4...Кd6 5. Ле6, 4...Кg3 5. Сh4) 5. Крc3 Сb1 6. Ле1 Са2 7. Ла1 (3 балла)

ЛИШНИЙ ШАНС

Я не понимаю, зачем уважаемому журналу нужно спекулировать на столь острой теме, как одиночество? Для одних одиночество — это боль, тоска сердечная, для других — повод для насмешек.

Толку от этих дискуссий очень мало. Лучше, если бы эти журнальные страницы отдали под брачные объявления, пусть даже платные: и у нас, одиноких, появится лишний шанс, и для издания прямая финансовая выгода.

Светлана ИВАНОВА,
Могилев

НЕУЖЕЛИ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ?..

Сегодня я всю ночь проревела как дура. Дело в том, что вчера я поссорилась со своими друзьями. У нас была очень хорошая компания, все мы увлекались современной музыкой, особенно «металлом». Я считала, что у меня есть настоящие друзья и подруги. Оказалось, это совсем не так. Они от меня отказались. И знаете, почему? Потому что я не захотела иметь «серьезные отношения» с парнем, который верховодил в нашей группе. Даже девочки обозвали меня «дурой и маменькиной дочкой». Они говорят, что в семнадцать лет пора уже быть «взрослой». Но разве «взрослость» проявляется только в том, чтобы иметь «серьезные отношения»? Ведь для «этого» надо любить человека. Как же иначе? А они считают, что «это» должно быть в порядке вещей.

Сейчас я совсем одна. Ко мне никто не заходит и даже не звонит. Неужели дружба дается «любой ценой»? Тогда мне она не нужна. Лучше быть одинокой, чем перестать себя уважать. А может, я не права? Может, большинство парней и девушек думают по-другому?

Лиля,
Ленинград

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Одиночество рождает непонимание. Иной раз и дома чувствуешь себя очень одиноко. Почему родители так быстро забывают то время и то состояние души, когда они сами были молодыми? Вместо откровенного разговора — поучения, вместо доверительного отношения — сетования на «распушенность» молодежи. У меня такое впечатление, что они сами никогда не горели, не бунтовали против демагогов и ханжей.

Марина,
Москва

Мне 30 лет, работаю шофером. Профессию свою очень люблю и, можно сказать, на ней «зациклился». Но одиноким себя не чувствую. И знаете почему? Я оптимист и очень доброжелательно отношусь ко всем людям, каждого стараюсь понять и увидеть в нем лучшие качества. По-моему, одинокие — это те, кто слишком занят своими заботами и «болячками», кто равнодушен к окружающим людям.

Александр ИЗЮМОВ,
Новгород

Сейчас у меня очень много друзей, и в этом «виновата» моя общественная работа. Меня выбрали комсоргом по принципу «только бы не меня». Но я постаралась добросовестно выполнять все обязанности и даже что-то перевернула в своей группе. Ребята стали с интересом относиться к комсомольской работе. Жить стало интереснее. Когда много дел и забот, то и грустить некогда.

Марина НИКОНОВА,
Ярославль

Дискуссия продолжается.
Ждем ваших писем!

ОЖИДАНИЕ ЧУДА

Валерий ФОКИН

■
 Не говори мне про любовь,
 К чему о том — себе дорожке.
 Без лишних чувств и лишних слов,
 Зато без лишней боли тоже.
 Спокойнее и легче жить,
 Не мучаясь и не ревнуя.
 Вот только бы суметь забыть
 Тебя далекую — дневную.
 Как ты смотрела сквозь стекло.
 «Не торопи — я жду заката».
 И улыбалась так светло
 И почему-то виновато.
 Но подступала ночь темно,
 И время близилось прощаться,
 Просила ты:

«Открой окно!
 Хочу сиренью наддышаться».
 Мы расставались второпях,
 Когда уже светлели дали,
 И муть горчила на губах
 Слова, которых не сказали.

Гулрухсор САФИЕВА

Оставшемся навечно

Имя мое вспоминаешь едва ли,
 О мой свободный, тобою одним
 Мир мой наполнен,
 Цветами печали
 Память восходит под кровом моим.

Я о любви
 Песней смеха и плача
 Оповестила тебя среди дня.
 Плач мой не слыша,
 Ушел ты, означа
 Искрами смеха свой путь от меня.

Нет, не ушел,
 Я не верю уходу —
 Солнечной сердце полно теплотой.
 Встреч и разлук мне хватало за годы.
 Ты же навечно остался со мной.

Восьмое небо

Возмездие,
 Расплата,
 Наказанье —
 Такой ли я, любовь, тебя ждала?
 Когда студеной сгущалась мгла,
 Ты как поддержка мне нужна была,
 Восьмое небо моего страданья,
 Как иступленно я тебя звала!
 Услышана была мольба простая,
 И ты, любовь, сошла вослед за ней,
 Среди запертых и отпертых дверей
 Нашла ты дверь обители моей —
 И в мир огромный
 За тобой пошла я,
 Как будто бы
 За песнею своей.
 Но стрелами упреков безнадежно
 С тобою были мы поражены.
 Ты из небытия
 Пришла безгрешной,
 Но тьму грехов
 В тебе открыл неважда,
 Спасу ли — повторяю безутешно —
 Тебя я от бескровной той войны?
 Что делать мне с заблудшим
 счастьем этим?

Ты от меня бежишь —
 Я ото всех на свете,
 Возмездие,
 Расплата,
 Наказанье —

Такою я, любовь, тебя ждала?
 Восьмое небо моего страданья,
 Как иступленно я тебя звала!

Перевела с таджикского
 Татьяна КУЗОВЛЕВА.

Вадим ОРЛОВСКИЙ

■
 Ты снишься мне. Я по тебе скучаю.
 Где ты живешь?! Сегодня у метро
 в я этому вопросу подключено
 пенсионера в справочном бюро.
 Красивая! Ты замужем давно...
 Ты под другой фамилией найдешься...
 Ты с мужем никогда не разведешься... —
 Я по тебе скучаю все равно!
 Пусть все, что было, будет вдалеке! —
 Я возвращаться к прошлому не буду.
 Лишь припаду к протянутой руке —
 и в дом к тебе дорогу позабуду.
 Я думал, что влюблен в тебя слегка...
 А вышло, что души в тебе не чаю!
 Ты снишься мне. Я по тебе скучаю!
 К моим губам протянута рука.

Борис ЛАПУЗИН

■
 Кончалась ночь. И новый день мой близкий
 с твоим вчерашним днем телефонистки
 соединяли, боль мою терпя,—
 люблю тебя.

Земля плыла. Во мгле причин и следствий
 искали путь спасти ее от бедствий
 и физики, и лирики, корпя,—
 люблю тебя.

В стране кипело, грохотало дело,
 но из конца в конец над ним летело,
 перекрывая грохот и дробя,—
 люблю тебя!

Люблю тебя — два первородных слова,
 благополучий всех первооснова.
 Кричал я в трубку, крик свой торопя:
 — Люблю тебя!

В оглохшей трубке не было ответа.
 Прорезывало даль крыло рассвета,
 и поднимался новый день, трубя,—
 люблю тебя.

А на подъеме дня (подумать страшно)
 срывалось обреченно в день вчерашний,
 выпрашивая, мучаясь, скорбя,—
 люблю тебя.

■
 Как цвела тогда ромашка и сирень!
 Как был солнышком обласкан каждый день!
 Как любилося, как кружилась голова!
 И бесилась наговорная молва.

И острили, будто страшные ножи,
 языки свои завистники ханжи.

Как легко тогда умел я напевать,
 что на сплетни и наветы напевать.

Как надеялся: счастливее будет час —
 все задуманное сбудется у нас.

Да когда же прервалась живая связь —
 наша трещинка-размоляка началась?

Эта трещинка (и в пути не видна),
 постепенно стала пропастью она.

И судьба уже помчала вкривь да вкося,
 ...не стерпелось, не сплюбилось, не сбылось.

Анатолий ТУЧИН

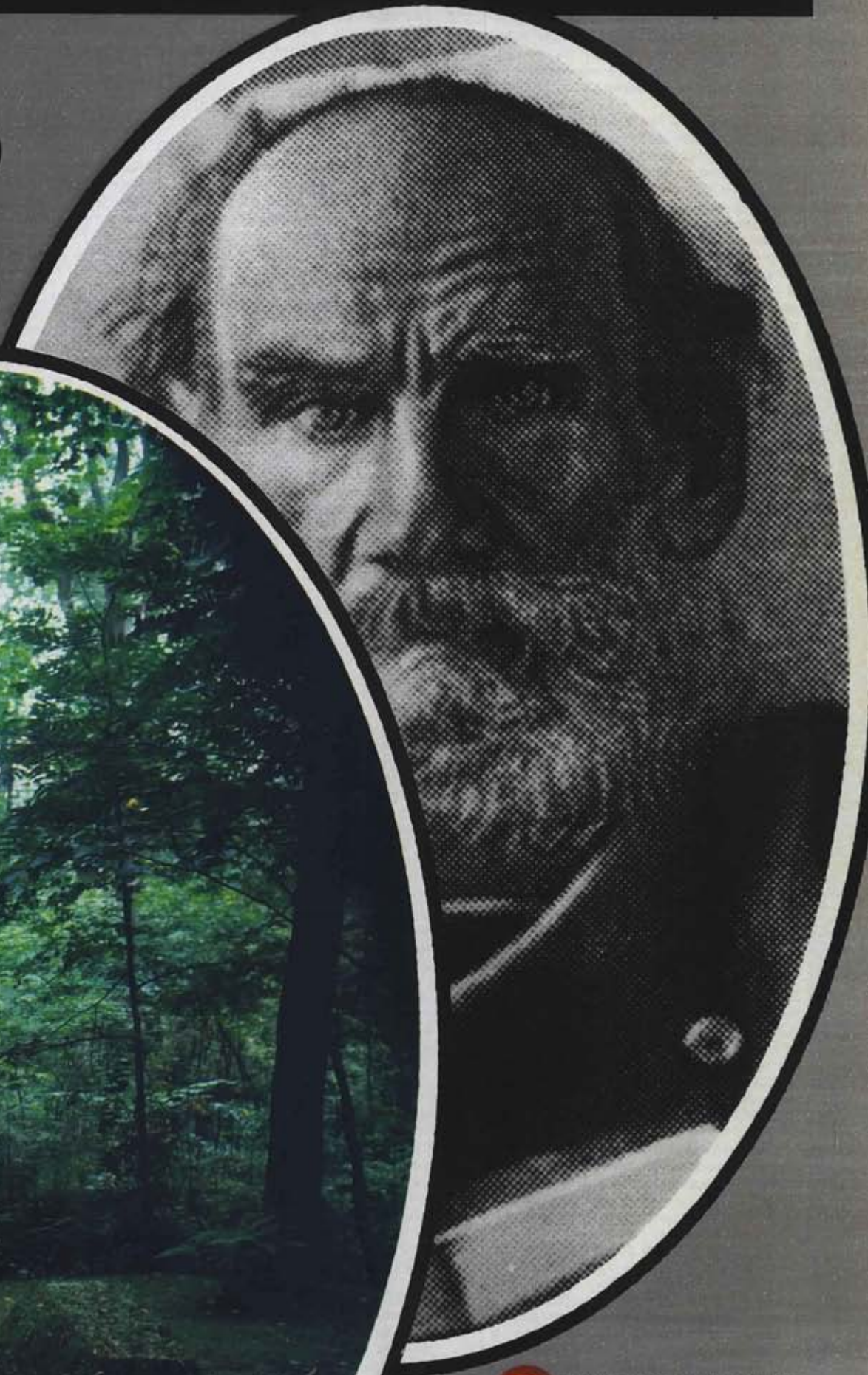
Ожидание

Я живу ожиданием чуда,
 и до старости —
 бес в ребро,
 и до смерти
 любить я буду
 вороной прически крыло
 Сузрак ночи,
 последний аптеоус,
 каблучки по асфальту стучат,
 и пробиться сквозь дерзость
 и робость
 не сможет испуганный взгляд.
 Лунный свет заструится на плечи,
 на ресницах он будет морщить,
 и уйдут в
 озвонкованный встречей
 серый сумрак
 с надеждой вничью.
 Пусть не будет улыбок,
 признаний,
 безнадежность пусть будет елка
 в час мачной
 сияния сверкающих деталей
 буду верить я в чудо морды.

И БЫЛЬ БОЛЬ

Алексей НИКОЛАЕВ.

Фото Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Случается это с каждым из нас. Наступает пора, когда синяя ниточка Волги, по которой под строгим взглядом учителя водил ты указкой, зубрил названия городов и притоков, перетекает однажды со школьной карты в твою собственную жизнь, обретая не географическую, а нравственную категорию.

И в ту же пору, и тоже, должно быть, с каждым из нас, случается другая неизбежность. Со мною — когда тонкие дегтизовские тетрадки с крупными по верху рисованных обложек буквами «Л. Н. Толстой» отошли к другим, кто прибывал в мир мне на смену, а в юную мою жизнь вошли, чтобы навсегда в ней

поселиться, корректно-жесткий князь Андрей и добрый, мягкий на ощупь, трогательный в беззащитной своей наивности Пьер, и плохой-хороший Долохов, и капитан Тушин, с пылающей трубкой, и дядюшка, чистое дело — марш, коротавший дни в отъезде поле, а влюбленность в Наташу была уже частью собственной моей жизни, — тогда впервые приехал я в Ясную Поляну.

С тех пор для меня, как и для каждого рожденного в России, этот кусочек в четыре сотни десятин лесной, овражной, луговой русской земли, кусочек, который и точкой-то не на всякой карте обозначен и за ясностью понятия на иные языки не переводится, тоже — однажды и навсегда — становится мерою нашей духовности.

Но почему так решительно говорю я о «каждом из нас»? Ведь человек, рожденный в Сибири или на днепровских берегах, среди густых ельников Архангельского края или в ковыльных донских степях, может и не почувствовать эту природу своей, единственной, ему сродной. Пусть так. Но ведь для каждого эта земля соединилась с именем, которое звучит в мире так же мощно и ясно, как Россия. Вот почему уверен я, что без Ясной Поляны у каждого из нас не может быть полного ощущения Родины, как не может быть его без Волги, без Москвы, без Толстого...

И все-таки слишком просто было бы сказать, что понятия «Толстой» и «Ясная Поляна» неразделимы. Не потому, что, по слову его, «все здесь пахнет хорошими семейными воспоминаниями». И не оттого вовсе, что другого примера такой неразделимости ни история, ни литература наши не знают. Не в том даже дело, что и сегодня можем пройти мы росным утром по искрящимся травам Калинова луга, где в тот самый, теперь уже незабвенный день косил вровень с мужиками Константин Дмитриевич Левин, а перед тем и Лев Николаевич Толстой за тою же работой, тоже в темневшей от пота рубахе, крепился и тоже не давал сшибки. Говорить ли о том, что здесь, в Ясной Поляне, и сегодня стоит постаревший, правда, на целый век с четвертью тот самый дуб, где гроза застигла Киту с сыном, а чуть раньше такую же грозу переждала тут Софья Андреевна с первенцем своим Сережей и «испуг Левина был испуг Льва Николаевича»?.. И надеюсь, не обвинит меня читатель в преувеличении чувств, если скажу я, что всякий раз — который уже! — испытываю что-то глубоко личное, когда вижу в кабинете под тускнеющим золотом брокгаузских корешков «кожаный истертый диван, обитый медными гвоздиками», на котором родился Лев Николаевич и все Толстые и который с толстовскою силой описан в «Детстве», «Войне и мире»...

От волнующих этих воспоминаний, от тугих таких переплетений жизни и литературы никуда нам в Ясной Поляне не уйти. Все так, и все же не в беспорядочных этих и любых экскурсоводом указуемых «проборах», «отражениях», не в том даже, что вся долгая жизнь — от колыбели до могилы — протечет здесь, заключена неразделимая связь Толстого и Ясной Поляны. О другом нужно здесь говорить: Ясная Поляна создавала и Толстого, того, каким и вошел он в сознание мира.

Величайший романист, автор оплавающих совесть статей, переворачивающих привычные представления трактатов, беспримерных в беспощадной своей искренности дневников, религиозный бунтарь, страстотерпец, мученик за всех гонимых и страждущих, — ведь это здесь, в Ясной Поляне, увидит и поймет он то, что составит часть неделемого мира Толстого:

«Вчера шел в Бабурино и... встретил 80-летнего Ахима пашущим, Яремичеву бабу, у которой во дворе, нет шубы и один кафтан, потом Марью, у которой муж замерз и некому рожь свозить... А мы Бетховена разбираем».

«Сидим на дворе, обедаем 10 кушаний, мороженое, лакеи, серебро, и про-

ходят нищие, и люди добрые продолжают есть мороженое спокойно. Удивительно!!!»

«Все больше и больше, почти физически, страдаю от неравенства; богатство, излишество нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В этом тайный трагизм моей жизни».

И наконец это: «Отъезд мой огорчит тебя, сожалею об этом, но пойми и поверь, что я не мог поступить иначе».

Иначе Толстой поступить не мог — из книг, писем, дневников его мы знаем это. Знаем и то, что свое ощущение Ясной Поляны, вобравшей в себя весь мир, отчеканит он в формуле, которая навсегда уже определит кусочек этой русской земли в его, а потом и в нашем сознании:

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Добавить здесь нечего. Повторим сказанное: без Ясной Поляны теперь уже ни для кого из нас не может быть полного ощущения Родины... Говорить же сегодня приходится о другом. О том, что болит, и болит нестерпимо. Но симптомы болезни, первые, так сказать, звоночки звучать начали не сегодня.

Не уверен, стоит ли останавливать внимание на «Петях», «Валях», «Людах», которые «были здесь», что при помощи перочинного ножа и зафиксировано на бересте «любимой скамейки» Толстого? Не знаю также, нужно ли говорить о любителях шашлычка на свежем воздухе, которые на юрких «Запорожцах» проникают в усадьбу со стороны речки, иногда и не понимая, где они находятся? Не хочется помянуть и о бойких лыжниках, трассы которых, четко отмеченные, кстати сказать, даже красными флажками, каждую зиму проходят возле самой могилы Толстого... Нет, говорить об этом, конечно, надо, но длить грустный перечень не будем мы потому, что все эти беды или болезни, так вернее, Ясной Поляны числить нужно примерно в ранге насморка. Чем же иначе объяснить, что «лечение» и «профилактику» областные власти доверяют самим работникам музея. Впрочем, имея в виду дела более важные, это можно было бы и понять. Уясним, однако, в чем же эти «более важные» в понимании областного начальства заключаются.

Долгим, очень долгим оказался бы список людей уважаемых, специалистов по Толстому и музейному делу, писателей, художников и уж, конечно, самого частого там гостя — нашего брата журналиста, которым в разные годы в ответственных областных кабинетах слышать приходилось примерно такие ответы: «Ясная Поляна? Важный, чрезвычайно важный объект. Согласовываем». В другой раз: «Вы правы, не простой, прямо скажем, больной вопрос. Будем решать». И наконец, совсем уж доверительно: «Конечно, конечно, проблема не терпит отлагательств. Но скажу по секрету, это между нами, тет-а-тет, так сказать: принято решение — назначаем нового директора!»

И что же? Действительно назначают. Иными словами, перебираются с одного объекта на другой. А «объект» этот — Ясная Поляна.

В один из таких «исторических» для Ясной Поляны моментов, преодолев неловкость, спросил я старейшего музейного работника, сотрудника с сорокалетним яснополянским стажем, автора уникальнейших трудов по родословной Толстых, добавлю к слову, внука того племянника Фета и такого знатока Ясной Поляны, каким из здравствующих ныне может быть только он, — вот почему ему и задал я этот занимавший меня тогда вопрос:

— Николай Павлович! Если вас не затруднит и если это, конечно, удобно, не откажите в любезности припомнить: за бытность вашу в Ясной Поляне новый директор — который по счету?

— Точно вам не скажу, но если мне не изменяет память, двадцать первый... А, впрочем, какая разница: директора приходят и уходят, а Ясная Поляна остается.

Из деликатности, думаю мне, не сказал мой собеседник о видимых и нынче последствиях едва ли не каждого очередного директорства. Но тем не менее пользуясь случаем принести извинения Николаю Павловичу Пузину за несколько, быть может, неуместную огласку короткого нашего диалога. Впрочем, именно эти «видимые и нынче» последствия заставили меня теперь задать себе вопрос, отнюдь не праздный: возможно ли разгрузить областное управление культуры от этой работы? Иными же словами: каким должен быть директор... не «объекта», конечно, а Ясной Поляны?

Не нужно, мне кажется, объяснять читателю, что человек, озабоченный «проблемой шифера и гвоздей» и даже с успехом эту проблему решающий, вполне найдет себе достойную работу в другом месте. А на этом нужен талант иного рода — талант уникальной профессии директора мемориального музея. Причем именно этого музея. Из чего следует, что он готов — и не пугайтесь такого выражения — жизнь положить за Ясную Поляну.

Не могу сказать, где искать такового для первейшего нашего мемориального музея, но известно, что на своих местах таковые есть: Гейченко — в Михайловском, Авдеев — в Мелихове, Поленов — в Поленове. Не могу, к сожалению, продолжить этого списка, потому, как сказано уже, — профессия уникальная. К названным именам нам предстоит еще обратиться, а пока займемся Ясной Поляной; вернее, тем, что в ней происходит.

Итак, сменен очередной директор. Но нет у меня уверенности, что к моменту выхода в свет этого номера за полированным столом кабинета «дома Волконского» сидеть будет именно тот человек, с которым в этом самом кабинете я недавно совсем разговаривал... Впрочем, будем справедливы, и если уж говорить честно, то заметить нужно, что и способный на этом месте человек — при нынешнем положении вещей — оказывается, как правило, тем самым Макаром, на которого все шишки валяются. Это, так сказать, для ответственности. А для начальства просто (извините, что опять по поговорке) — козлом отпущения. Думаете, перегнул? Нисколько. Вот вам картинка с природы и из времен едва минувших.

В один прекрасный день с Посольской дороги лихо сворачивает и под «кирпич» на виду у козыряющих милиционеров въезжает в ворота усадьбы, а там по толстовскому «прешпекту», как будто специально для этой цели заасфальтированному, мчит мимо оторопевших посетителей, обок с яблоневым садом берет вправо и подкатывает к крыльцу «дома Волконского», в котором и помещается кабинет очередного директора, черная «Волга». Очередной оповещен звонком из Тулы — ждет. По пустякам начальство Ясную не навещает.

А дело и впрямь не пустяковое: есть сигнал, что высокий иностранный гость, большой, говорят, поклонник Толстого, выразил желание посетить Ясную Поляну. Произойдет это волнующее событие на днях. Для областного начальства событие оказывается действительно волнующим: а если пойдет дождь, а гость захочет из «дома Волконского» пройти во флигель Кузьминских, а идти придется по этой вот Жимолостной аллее, а дорожку-то и развевет?! Слякотно, незастенчиво и вообще беспорядок. Есть мнение — Жимолостную аллею забетонировать... Техникой и людьми поможем. Да, кстати, теперь рано темнеет, а на усадьбе у вас какое-то дополнительное освещение, ну прямо как при Толстом. В общем, мы тут с товарищами посоветовались, есть мнение — поставить фонари. Да какие там деревянные! Бетонные, конечно. А вот здесь вы правы: бетон действи-

тельно выглядит не очень. Покрасим. Алюминиевой краской — серебро хорошо смотрится. Понимаем, понимаем, товарищи, что при Толстом этого быть не могло, что мемориальное дело тонкое. Все понимаем, а что делать — время обязывает!..

Что, смахивает на фельетон? Согласен. Но моей вины тут ни на словечко. Добавлю только, что черная «Волга» тем же путем укатывает в Тулу, а очередной хватается за голову.

Он-то знает, что глупость это несусветная, ну, а попробуй не выполни, нет, не приказа, не предложения даже, а всего лишь совета, — выговором ему не отделаться. А сотрудники? Они в слезы: им-то ясно, что калечить усадьбу бетоном, алюминиевыми фонарями не то что глупость — варварство! Слыхано ли это!

Слыхано, слыхано: бетон уложен, столбы стоят на предназначенном начальством месте...

Но и эта беда еще не беда: столбы можно будет свезти в более подходящее место, бетон с Жимолостной аллеи снять заодно с асфальтом «прешпекта», которым по совету начальства увековечил его предыдущий очередной. Все можно будет сделать. Опытные музейщики хоть и плакали, а в иные времена верили. Правда, пора им тогда еще не приспела...

А пока по-прежнему были «мнения», согласовывались и принимались решения, за номерами такими-то шли приказы, в «доме Волконского» на полированном столе очередного звенели номерами незафиксированные звонки из Тулы и по-прежнему же очередной сменял предшествующего... И ни один не оказался в силах оборонить вверенную ему Ясную Поляну от другой беды. Исподволь, медленно, но напористо надвигалась она на Ясную — год от года окружали ее плотным, сжимающимся кольцом цивилизации...

Вот стрельнула в небо водонапорная башня; как минарет, возвышается она сегодня над Ясной в трех шагах от усадьбы. Строиться начал и разрастаться непомерно так называемый поселок сотрудников. «Так называемый» потому, что сотрудников музея, там поселившихся, какая-то... надцатая часть. И потому еще, что состоит этот самый поселок из нелепых, нелепо поставленных, убогих, сараями и гаражами обросших, но отнюдь не одноэтажных строений. Так что вид из Ясной Поляны открывается, прямо скажем... Ну да что тут скажешь! А что сказать, если у самых ворот усадьбы, у знаменитых на весь мир белых башенок, ставших едва ли не эмблемой Ясной Поляны, в фантазмагорических комбинациях громоздятся павильоны, закусокные, киоски, магазины; не помню, сколько и что еще дальше, но на самом видном месте — ватерклозет, беленый известью...

Созданием которого по счету директорства было все это, так сказать, «зодчество малых форм», я не знаю, но, думаю, не одного — слишком уж коллективная видна тут фантазия. Не скажу точно и при котором очередном, но к очередной Олимпиаде или спартакиаде, в предвидении напыльва гостей вышло решение реставрировать Ясную Поляну по всем правилам современной реставрационной науки. Как проходила работа, говорить не будем — дело прошлое. Но вот несколько фактов из отчета-обследования, ныне доступного, все же приведем и, как в документах положено, под номерами:

1. Деревянные постройки (кучерская изба, житня, рига, белая кухня, птичник) воссозданы без фундаментов, с недостаточными свесами кровли, что приводит к протечкам в стенах и загниванию отдельных бревен срубов.

2. Не выполнено антисептирование деревянных конструкций, что привело к заражению построек жучком-древоточцем.

3. Основные здания не имеют отстоков; растительность и наслоения создают сток к зданиям, что вызывает проникновение влаги в нижние части стен.

4. Отопительная система не обеспечивает нормального температурно-влажностного режима в зданиях — домах Л. Н. Толстого, Кузьминских, Волконского (температура зимой внутри помещений не выше +13°C, что угрожает сохранности книжных и вещевых фондов)...

Не будем продолжать список — он длинен. Но самое, пожалуй, любопытное, что эта реставрация была лучшей из всех, которые проводились в Ясной Поляне прежде.

Неплохо, не правда ли?..

И все же это только «цветочки» в сравнении с тем, что могло произойти, когда времена гигантомании приближались и к яснополянским пределам.

В те самые шестидесятые годы замелькали в областной прессе заголовки, один из которых своей решительностью превзошел все ему подобные: «Быть Тульскому морю!». Ни больше ни меньше! Жалею только, что вдобавок к восклицательному и вопросительному нет в русской азбуке знака скорбного. Очень он здесь нужен, хотя речь шла о том, что ихтиологи подсчитали, сколько и какой рыбы получат туляки из своего «рукотворного». А между прочим говорилось в ней и о том, что дном этого «морья» будет... Калинов луг. Да, да! Тот самый Калинов луг, который — скажу, не ошибусь — и в Австралии-то чтут...

Но вздохнем облегченно — «грандиозный проект» завершился всего лишь утверждением. К слову, «попыток покушения» на Ясную Поляну было в долгой ее истории значительно больше, чем покушений свершившихся. Но это, как говорится, другая статья кодекса... И все же о главной беде, о страшной грозе над Ясной Поляной ни одним словом мы еще не обмолвились.

Гроза над Ясной разразилась, когда брошен был всем нам памятный клич: «Химия — ключ к изобилию!» Как ударил, как шарханул увесистый тот «ключ» по нашей природе, теперь знают все; с Байкала, с Ладоги мартиролог этот принято только начинать. Вписана в него и Ясная Поляна.

Усадьба Толстого стоит на горе. В полтора верстах от нее другая. Между ними ложбина, точно природой самой и господствующей розой ветров предназначенная к тому, чтобы свежий воздух с той, другой горы вечно овеивал Ясную. Не сочту за нескромность процитировать строчку из собственной опубликованной в «Смене» статьи: «Самой природой своей Ясная Поляна обречена на бессмертие». Нет, не знал тогда автор, что в полтора верстах от нее, на той самой горе, возводятся Щекинский химкомбинат, получивший имя «Азот». Иначе пришлось бы написать просто: обречена.

Но о том, что благодаря чудовищному этому соседству произошло в Ясной, я расскажу, прибегнув к помощи коротких цитат из статьи, опубликованной в начале года в «Известиях».

«...листья, которые мы собираем, не зеленые, не желтые или алые, а черные, покрытые густым маслянистым налетом, сохраняющим отпечатки пальцев». «Ветви лип усыхают, а лист на березах стал размером с копеечку. Этот сосенкам всего три года, а хвоя уже пожелтела и осыпается». «Рухнули, словно что-то оборвалось внутри, гиганты-сосны, помнившие петровские времена». «Обожженные мартовскими выбросами яблони наконец расцвели, но что это? Они стоят, как искусственные, и пчелы на них не садятся...» «3,5 га елочек, посаженных по решению правительства на средства «Азота», ошпарены газами, посадили снова — опять сожжены... Погибли хвойные насаждения, начался распад лиственных, а ведь они были первого класса бонитета. Идешь по лесу, тишина. Вдруг треск — дуб упал...»

Я привел лишь несколько выборок и не уверен, что самых страшных, хотя и они могли бы составить достаточное обвинительное заключение. Но если обвиняемый имеет право на защиту, добавлю факт, как мне кажется, преобладающий: по очистным сооруже-

ниям Щекинский комбинат один из самых благополучных в отрасли!.. Так что если бы на той горе вместо «Азота» оказался Новомосковский или, скажем, Алексинский химкомбинат, то из Красной книги Ясную Поляну можно было бы уже переселить в небытие.

Пусть, однако, это «частное определение» считают щекинцы для себя комплиментом, но мы-то знаем, что под ведомственным мундиром всегда есть своя рубашка, которую снять с себя своими же руками не всякий решится. И вот в свое оправдание щекинцы предъявляют претензии науке: это, мол, ее вина, что химкомбинат и Ясная Поляна не могут мирно сосуществовать. Думаю, это не довод, поскольку нельзя не считаться с тем, что и современная наука не может разрешить конфликт, который заключен в поговорке о волках и овцах, — когда первые будут сыты, а вторые при этом целы.

Не потому ли без особых споров «Азот» платит штрафы за нанесенный Ясной Поляне ущерб? И оставаясь фактически на «скамье подсудимых», «Азот» предлагает попросту... взять Ясную Поляну на свой баланс?! Не знаю, как вы, а я думаю, что это граничит почти с цинизмом...

Прервем, однако, разговор о главном недруге Ясной Поляны для не лирического отступления.

Внимательный читатель бурной нынче и нелюбимой нашей прессы должен был заметить, что в последнее время мы все чаще обращаемся к исконному русскому вопросу «Кто виноват?». Отвечать на него нужно. Но куда важнее не обойти и другой, за ним следующий и столь же, впрочем, исконный наш вопрос: «Что делать?» Ибо первый (при всей своей значительности) предполагает констатацию, второй — действие. Что ни говори, а следствия и суд предшествуют тому, что предстоит нам совершить. И уж простите резковатую, быть может, метафору, но предстоит-то нам не много не мало, как расклеивать густо заваренную в былые времена кашу. Пришло время разбирать ложки. Но здесь я не собираюсь отделиться метафорой.

Уже сегодня раздаются голоса авторитетных ученых, голоса, добавлю, полные обнадеживающего оптимизма, потому что речь идет о том, что не за горами время, когда не будем мы строить плотины на равнинных реках (начнем даже кое-где демонтировать неразумно в прежние годы построенные), а «рукотворные моря», оставшись горьким воспоминанием, обретут природную свою данность — увеличивать стране плодородные и некогда погубленные земли. Не берусь судить, в сколь обозримом будущем произойдет эта поистине революционная акция, но не нужно быть пророком, дабы уразуметь, что экономика наша и техническая возможности, освободившись от вынужденных оборонных тягот, осияют и эту грандиозную работу. Мечты? Туманные дали? Ну нет! Работа уже началась. Пресловутый проект поворота северных рек, успевший вообразить в себя государственные миллиарды, от государства же получил решительное «нет». На Байкале окончательно прикрыто то, во что миллиарды в прежние годы были угроханы. На очереди Ладога...

А Щекино?

Говорю читателю то, что знает он, должно быть, и сам: уже закрыты цеха, загрязнявшие воздух и травившие флору Ясной Поляны. Более того, принято решение перепрофилировать комбинат на производство продукции, безвредное для окружающей среды. Но подумайте предлагаю вот о чем.

Фактически закрывая мощнейшее в стране предприятие, дававшее, кроме всего прочего, сельскохозяйственные удобрения, об острой нужде в которых говорить, понятно, не приходится, прикиньте-ка теперь, на какой финансовый ущерб, на какую, наконец, экономическую и просто немислимую в прежние годы жертву идет государство ради спасения Ясной Поляны!..

Ну вот, казалось бы, самое время

поставить точку. Да не тут-то было!.. Ясная Поляна продолжает задыхаться. Теперь уже не от зловонных выбросов огнедышащего соседа — от своих собственных проблем.

...Это мог быть счастливейший в жизни случай — своими руками прикоснуться к книгам, принадлежавшим Толстому, с собственноручными его пометами! И такой случай выпал мне в Ясной Поляне в один из недавних дней. Да только горьким, тягостно памятным оказался для меня день, когда держал я в руках бесценные эти книги, ощущая пальцами пронизывающую сырость страниц, чувствуя запах приближающегося тления, хотя внешне, издавка и под стеклом все выглядело благополучно. Видел я и экспонаты — графику, дагерротипы, прижизненные, толстовских времен фотографии, — возвратившиеся недавно из реставрации и в отменном, как рассказывают, состоянии. Мне же пришлось увидеть на них блеклые, белесые пятна — предвестники и свидетели нового разрушения... Нужно сказать, что по количеству реалий Ясная Поляна — самый мемориальный из музеев страны; по этой причине есть в нем и так называемая «скрытая экспозиция», и вот эти вещи — предметы быта толстовской семьи, плотно сложенные в сундуках, саквояжах, корзинах, шкафах, — не выдерживают, давно уже не выдерживают такого хранения: они должны жить, дышать... Был я и в рабочей библиотеке музея, стеснившейся донельзя и, кажется, распирающей собой стены двух комнат в «доме Волконского»... И при всем этом видел я глаза хранителей, людей, музейному, яснополянскому делу, мало сказать, преданных — этим и только этим живущих. И нет среди них ни одного, кто не думает сейчас о необходимости — тут уж прямо надо говорить — первой же необходимости — строительства музейно-экскурсионного центра Ясной Поляны.

Главный враг — огнедышащий сосед — повержен; надеяться будем, навсегда. А вся эта директорская чехарда, все эти «асфальты», «бетоны», «алюминиевые фонари» представляются маленькими бедами в сравнении с болезнью, которая с каждым днем — с каждым! — надвигается на Ясную Поляну. Болезнь эта — невозможность приема все увеличивающегося потока посетителей, невозможность хранения фондов и просто нормального размещения экспозиции. Не говорю уже о моральной невозможности нахождения всякого рода канцелярий, бухгалтерий, директорского кабинета да и вообще столов сотрудников в мемориальных помещениях. Большому, сложному и тонкому конгломерату Ясной Поляны нужно то, что разрешит эти проблемы.

Идея музейно-экскурсионного центра за долгие годы существования прошла три стадии: сначала была мечтой, потом потребностью, сегодня же стала необходимостью. Центр возьмет в себя все побочные службы, «скрытую экспозицию», выставки, торжества, связанные с юбилеями и иными событиями; в нем (что прежде всего имеется в виду) посетители, не торопясь, не топчась в маленьких комнатах дома Толстого, смогут получить наиболее полную информацию о Толстом, Ясной Поляне, истории ее, услышать записанный на фонограф голос Толстого, увидеть даже уникальную кинохронику, снятую при Толстом там, куда предстоит им войти, — иными словами, морально подготовиться к вступлению в святая святых... Необходимость такого центра сомнений не вызывает. Противнику ему нет ни в одной инстанции. И денег уже отпущены. В чем же дело?

А дело... в спорах. В спорах о том, как и где строить. Смысл в них, возможно, и есть, и в том, что существующий проект не всех одинаково устраивает, тоже есть резон. Возможно и то, что для создания нового проекта желателен был бы представительный конкурс... Но беда в том, что здесь мы имеем дело со случаем, когда нет уже возможности ждать итогов конкурса. Специалисты утверждают, что сои-

скатели должны будут потратить не менее двух лет только для предварительного изучения материала и затем уже создавать проект. Но — добавим от себя — речь идет не о памятнике, воплощающем символическую идею, не о сооружении, где предстоит решать сложные пространственно-пластические задачи, а всего лишь о функциональном здании...

И все-таки это только вторая часть спора. Первая — где строить. Ставить центр в охранный зоне, в пределах визуальной видимости от Ясной Поляны нежелательно — это нарушит мемориальность. Но и удалять фонды музея от его сердцевины тоже нельзя. И как, наконец, быть с посетителями, которым придется из центра в усадьбу прошагать не семьсот метров, а расстояние, в четыре-пять раз большее?..

Словом, спор продолжается. И одно за другим появляются сообщения о новых «принятых решениях» по поводу Ясной Поляны. Все они продиктованы благими намерениями — в этом не может быть сомнений. Но вот что интересно, да какое там интересно — удивительно! Все обсуждения и дискуссии, предшествующие очередному решению, проходят — почти всегда — в Москве и на основе информации, идущей в столицу из Ясной Поляны по почте, телефону, и просто из рассказов людей, оттуда приезжающих. Но ведь для таких дискуссий и, уж конечно, решений нужно — просто необходимо! — своими глазами посмотреть и своими руками потрогать, благо к тому же из Москвы в Тулу — не велик крик. Пожалуйста, пожалуйте! И тогда уже... Словом, спор продолжается. Включилась в него и пресса: статьи, заметки, подборки читательских писем — все это ставит вопросы и требует ответа. Волей-неволей и мы в него включились и все же позволим себе быть в этом смысле исключением. И вот почему.

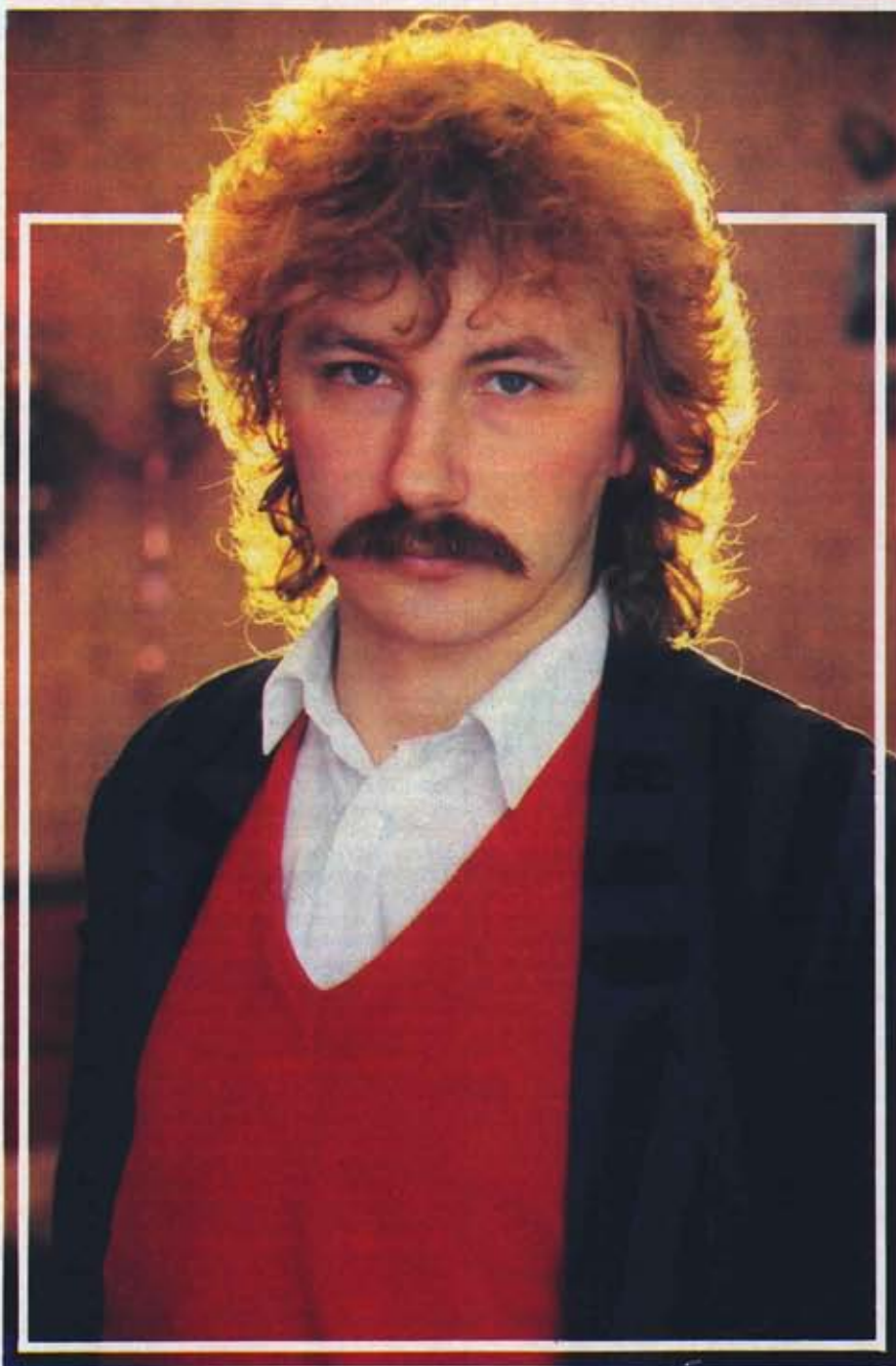
Пока трещат и ломаются копы в дебатах о том, как и где строить, время идет, а фонды музея находятся в таком состоянии, что может случиться непоправимое и эти самые споры потеряют смысл.

Необходимо — и нам это кажется вполне очевидным — срочное, безотлагательное решение. Оно не должно, конечно, исходить от некоего лица, человека, который, как в прежние времена бывало, пришел, увидел, указал. Здесь нужен «консилиум». А коли касается дело профессионального спора — арбитраж. Кроме самих яснополянцев и опытейших, совсем не обязательно именитых, но непременно имеющих вкус к музейному делу архитекторов, войти в него должны и названные нами люди безупречной репутации и блестяще зарекомендовавшие себя в музейно-мемориальном творчестве. Говорю о Гейченко, Авдееве, Поленове. Пусть в спорах рождается истина. Но только в спорах профессиональных. И только срочно, немедленно.

У читателя может сложиться впечатление, что на протяжении долгого нашего разговора мы нашли прямых виновников яснополянских бед; во всяком случае, счет правомерно предъявить чередой директоров, облесполкмо, Министерству культуры и побочно, но весьма увесистый — ведомствам, командующим химией. Но и по предъявлении горького этого счета в помянутые адреса легче нам не станет, если, конечно, думать о будущем. Продолжающаяся многолика ведомственность и переподчиненность Ясной Поляны не вселяют оптимизма и дальше. Но вот простая какая мысль приходит здесь в голову.

В республиках и областях есть города и даже отдельные предприятия союзного подчинения. Так почему же крупнейший государственный музей — неотъемлемая часть наших понятий Родины, отечественной гордости и национального самосознания Ясная Поляна не должна обрести подобный статус? Быть может, тогда весь предыдущий разговор — в критической его части — был бы не нужен.

ИГОРЬ НИКОЛАЕВ

М

атч только начался, и Игорь с явной неохотой выключил телевизор. Похоже, я пришел не вовремя...

Слово за слово, выясняется: именно таким я его и представлял — отзывчивым, улыбчивым, каким-то мягким, но при этом умеющим жестко отстаивать свою точку зрения. Он молод, обаятелен и талантлив. Спектр его творчества широк, многообразен, он уверенно и свободно переступает жанровые рамки. Во всех официальных и негласных хит-парадах его песни на почетных местах. Придя к выводу, что при таком наборе качеств Игорь Николаев просто-таки обязан проникнуться осознанием собственной значимости, я попытался «задеть струну величия».

— Когда десять лет назад ты отправился с Сахалина покорять Москву, предполагал ли, что станешь популярен?

— Я не считаю себя популярным, популярны мои песни. А в столицу ехал с другим «багажом» — музыкальную школу окончил как скрипач, а в музучилище занимался на теоретическом отделении, пробовал сочинять фортепианные пьесы, хоры, кантаты. Если представить себе некую музыкальную квартиру, то я довольно долго бродил по коридору, неуверенно стучась то в одну, то в другую дверь. Очень признателен Михаилу Таничу — он ввел меня в комнату эстрады, и мне стало понятно: «жизнь» надо здесь. Музыку нельзя делить на «серьезную» и «дешевую», существует единственный критерий — хорошая или плохая. Я абсолютно убежден: так называемая классическая музыка бывает столь же неудачной и слабой, как худшие эстрадные образцы. Не принимаю вообще слова «классическая» применительно к любой музыке, исполненной симфоническим оркестром или пианистом.

Композитора ценю по умению делать миниатюру, мои любимые произведения — мазурки Шопена, прелюдии Шостаковича. В музыке на первом месте — мелодия. Уже потом она обрастает гармонией, стилем, аранжировкой. «Аве Мария» может быть исполнена под рояль, оркестр, просто а капелла. Вступление к Пятой симфонии Чайковского или его Четвертая симфония — невозможно не слушать! Но при этом сколько звучит и занудной, неинтересной симфонической музыки. Эстрада тоже может быть бездарной или впечатляющей. Но у эстрады есть плюс — свобода эксперимента. Мне вот захотелось сделать «Балет» с большим симфоническим оркестром, и, думаю, песня от этого выиграла.

— Но вот «Комарово», например, вызвала целую волну упреков со стороны твоих коллег-профессионалов. Хотя и стала очень популярной, если брать за критерий «всехности» количество перепевков, пародий, перетекстовок и частоту исполнения на самых различных празднествах — от свадеб до проводов призывников...

Дорогие читатели! Наш клуб «Музыка с тобой» — это всегда встреча с теми молодыми мастерами искусства, имена которых мы находим в ваших письмах. С какими популярными ансамблями, певцами, композиторами — советскими и зарубежными — вы хотели бы познакомиться? Пишите нам, мы ждем ваших писем. Сегодня, выполняя многочисленные просьбы, мы рассказываем о популярном композиторе и исполнителе Игоре Николаеве.

— Эта песня и писалась для молодежного вечера в Останкине, посвященного армейскому призыву. Я служил тогда в армии и получил трехдневный «творческий» отпуск для работы на телевидении. Пригодился подаренный мне Таничем сборник его стихов. В студии попросили «что-нибудь веселенькое». Два часа было в моем распоряжении. Судорожно хватаю палочку-выручалочку — все тот же сборник — и вот «на недельку до второго». Получил в награду еще три дня увольнения и был жутко счастлив. То, что песня станет шлягером, без всякого кокетства уверяю, даже не предполагал. Вообще в армии сочинял мало — два магнитофонных альбома, которые мы потом записали с Александром Кальяновым, плюс несколько вещей для эстрады.

Композитор Николаев появился в назначенный срок, когда маститые авторы или исписались, или отдыхали, и на эстраде образовался дефицит песен-боевиков. Это, пожалуй, связано еще и с тем, что «легкий» жанр несколько отяжелел от смешения стилей, словно бы эстрада готова была разродиться новым направлением, как случилось десять лет назад с «диско». На вопрос, «легко ли быть молодым» певцом, композитором, поэтом, сегодня ответ прост (почти по Козьме Пруткову): если талантлив, будь им. Певцом, композитором — кем угодно...

— В последнее время мне интересно писать стихи. Дело не в том, что несколько песен, написанных на мои слова, стали известными. Я имею в виду другое. Песенный текст и поэзия для меня совершенно разные вещи...

— А как же твои романы на стихи Манделштама и Цветаевой?

— Романс — не песня, он живет в той же самой стихии, что и поэзия. Это своеобразное высказывание композитора по поводу стихов. Собственно, вопрос к любому автору «Что пишется сперва — стихи или музыка?» — обречен на ответ: «Когда как». Мне всегда интересно работать над песней от ее рождения до самых последних стадий — аранжировки и исполнения. Как-то у меня состоялся азартный спор с музыкантами: а станет ли песня, еще в «материале» назначенная быть шлягером, популярной, если ее исполнит человек с незнакомым лицом? Для того чтобы проверить наши выводы, решил петь сам.

— И стал еще более популярен...
— Есть у Маршака такие строки: «Ты старомоден — вот расплата за то, что в моде был когда-то». Но только разговор об этом уместнее вести в конце творческого пути. Болезненно именно похмелье «выхода из моды». А когда человек на вершине, он сам этого не замечает. Система координат меняется...

Фото Игоря Гранковского

Моя эстетика — сама реальность: люди, вещи, предметы, но в таком непривычном сочетании, которое рождает новый смысл и новый мир, и тогда театр становится «чемоданом с двойным дном», — объясняет свои художественные принципы Олег Киселев, руководитель студии пластической импровизации. Его спектакль «Каникулы Пизанской башни», ставший событием в театральном мире, — это действие без слов, не по-

хожее ни на традиционную пантомиму, ни на хореографию, это, по определению самого постановщика, сон с открытыми глазами.

Пальцы ноги здесь могут знакомиться, разговаривать, кокетничать. Стопа может стать рукой художника, наносящей краски на воображаемый холст. Живая собака — появиться из черного ящика и пропеть свою дикую воющую песню. Из-за цветастых занавесок вываливаются и падают какие-то предметы, и чучело, на

мгновение зависающее в воздухе, кажется летящим человеком... Необычный мир манит и будоражит воображение...

В спектакле есть сюжетный каркас, который обрастает чудесными, абсурдными ситуациями. Оживает Пизанская башня, превращаясь в дивно сложенную девушку (эту роль исполняет Раса Тарнау). В новом для нее мире она встречается с милым нелепым клоуном, возникает взаим-

ное чувство. А вокруг все время что-то происходит: дефилирует пара странных персонажей — на ее ногах ботсы, в его руках медная труба, из которой с визгом рассыпаются какие-то блестящие штучки (Азлита Юхаева, Михаил Дворцов). Мечется и отплясывает лезгинку пальто при галстукке и, конечно, без головы (Михаил Дворцов). То ссорятся, то мирятся жених с невестой (Елена Величко, Евгений Ситохин). Он успевает умереть и воскреснуть, а она столь от-

Каскад трюков и буффонады, действие, не похожее ни на традиционную пантомиму, ни на хореографию, — таков спектакль московской студии пластической импровизации, которой руководит Олег Киселев.

ПЛАСТИКА ТРЮКА

Елена
ТКАЧ

чаянно рыдает у гроба, что приходится выжимать юбку, мокрую от воображаемых слез, которыми она затопила весь мир, так что можно, пожалуй, поплавать с аквалангом, что и предпринимает с успехом особа, обутая в боты... Необычная, доселе невиданная пластика, каскад трюков и буффонады.

Дом группы Киселева — подвал одного из московских зданий, где артисты тренируются, обедают, репетируют, принимают гостей, словом, живут. Здесь как-то по-особенному тепло и уютно. Постоянно звучит музыка. «Большой зал» с ковровым покрытием и слюдяными зеркалами «топорщится» невероятными предметами бутафории и рекевизита, тут ощущаешь себя поплававшей в жилище волшебника. Группа Киселева — содружество, основанное на единстве цели и ощущения жизни. И коллектив, и спектакль, и каждый его участник — в постоянном процессе внутреннего движения, изменения, роста. Здесь исповедуют театр, где внутренняя свобода личности становится принципом существования на сцене.

Как это достигается? Первый принцип поведения в группе прост: «Если хочешь чему-то научиться, ты должен прежде всего укротить свои амбиции», доверие лидеру предполагается полное. Но потом: «Не сотвори себе кумира». Когда уже что-то можешь сам, должен опираться на самого себя.

В традиционной пантомиме жест — прежде всего знак, несущий в себе некий смысл. Главное, чтобы было выразительно, понятно и видно издали. Любое движение артист привык связывать со смыслом. Театральное же мышление Киселева — вне функциональности, оно от детского восторга перед миром, от попытки выйти в его познание на путь прямого, непосредственного контакта и живых реакций. Не понять предмет, раздумывая над его предназначением, а ощутить его, коснуться и погрузить в атмосферу чуда, где и этот предмет, и ты сам можете стать всем, чем угодно... «Я должен начать двигаться так, как новорожденный начинает кричать, вступая в неизведанное! — уверяет Киселев. — Идеал для меня — когда актер выходит на сцену, не зная, что он сейчас будет играть...»

Олег Киселев разработал свой метод, систему тренинга, позволяющего раскрепостить тело, освободить его, научиться «думать телом» без вмешательства логики. «Мы добиваемся такой свободы положения тела в пространстве, когда оно мыслит само», — говорит Олег. — Ты не задумываешься над тем, как сейчас будет вести себя твоя рука, — она знает это сама. Я не придумываю позы и положения, как в балете, а так развиваю свое тело, чтобы оно выдавало мне пластический результат, как ЭВМ. Изначально заданной драматургии для нас не существует. Она должна родиться в самом театре. Метод физических действий Станиславского также основан на переживании телесного чувства, ведущего к слову, когда слово — результат движения. Но, с моей точки зрения, Станиславский прежде всего выработал методологию постижения драматургии, поэтому он учил актеров понимать и воплощать драматургию в реальном спектакле. А мне ближе Крэг и Декру, ближе не драматургия, а сам актер, который чувствует в данный момент нечто такое, что не укладывается в наше представление о жизни и что сама жизнь может предложить нам только во сне... И вот это свое ощущение на краю реальности возможно передать только в театре!»

Многому должны научиться актеры, прежде чем они достигнут такой степени свободы. Например, научиться экономить энергию организма, не растрачивая ее на лишнее, ненужное, и восстанавливать ее затраты. Нужно освободиться от ложного, придуманного самоощущения, от собственного стереотипа. А для этого в первую очередь восстановить контакт с самим собой, физиологически быть адекватным самому себе. И вот, когда человек ощутил себя более полно, когда уже не задыхается, когда психика не зависит от физического состояния, он начинает восстанавливать контакт с себе подобными. Помните, какими непосредственными вы были в детстве, общаясь с близкими? Важно перенести то полузабытое отношение на окружающих людей по принципу: «Желаю другому того, чего ты желаешь себе самому!» А далее — контакт с миром, с окружающей средой, которая есть спектакль.

Метод пластической импровизации обладает очень важным свойством, — он выявляет истинные свойства души человеческой, ее нравственную природу. Это своего рода катализатор всего скрытого в человеке. «Приходит новенький, начинаешь с ним заниматься, — рассказывает Олег, — тренинг включает в себя как бы физический и психический массаж, и — вдруг он становится немножко другим: не тем, каким пришел, а тем, кто он есть на самом деле... Человек раскрепощается, отключаются его «зажимы», и вот тут-то прорывается его суть, его «архетип», и он виден как на ладони. Одного раскрепощение обогащает творчески и позволяет усовершенствовать свой телесный «инструмент», а другого делает, я бы сказал, более вредным. Иными словами, сразу становится ясно, какова природа данной личности: добрая она или злая. Я совершенно ясно осознал, что талант — это дар, которому невозможно научиться. И обладатели этого дара изначально светлы, добры, одухотворены... Иной, может быть, научился так же двигаться, только искусство при этом не родится, потому что в момент творческого акта в этом человеке «прорастает» эгоцентризм и он становится злым! Самоутверждается за счет другого, «подминает» партнера, подавляя его собственным пластическим монологом. Поэтому мой метод — только для талантливых, творческих по природе своей людей!»

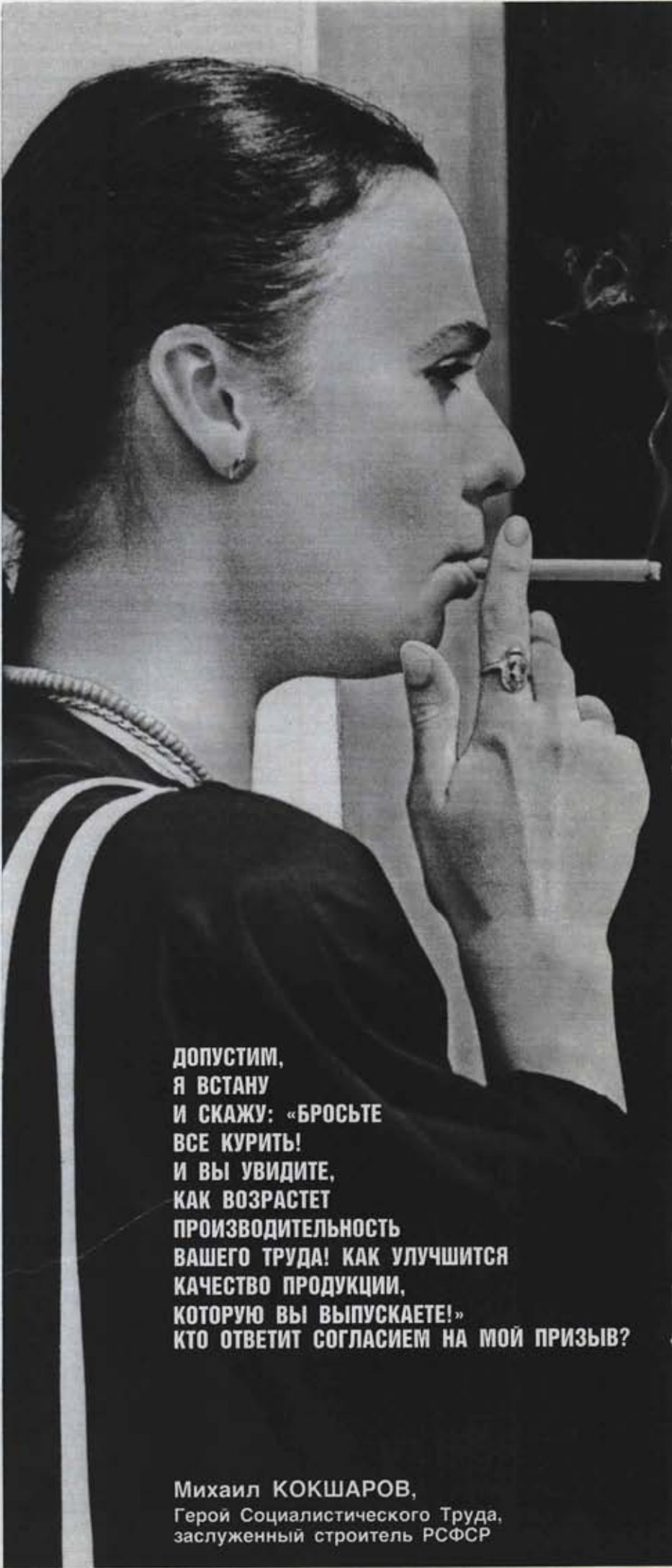
Эти люди понимают, что такое ТЕАТР. Они чувствуют его всем своим существом, раскрытым для творчества. Все и всё, что находится на сцене, живут самостоятельной жизнью, нам предлагают способ общения, в котором «весь мир лицедействует».

То Киселев пропорхнет по сцене лошадь-кентавром в огромных желтых очках. То человека без головы попытаются повесить — и вот уже ноги болтаются в воздухе за занавеской, — но через мгновение коварное пальто улепетывает с веревкой на том месте, где обычно бывает шея... То у Жениха вместо ушей вырастает пара чьих-то узких и нежных стоп. Впрочем, пересказывать это невозможно. Надо видеть.

Группа Киселева нашла приют в стенах Московского театра имени А. С. Пушкина. Руководство его не побоялось открыть двери новому театральному явлению. Приняло это новое, понимая, что, только разрушая устоявшиеся представления о театре дня сегодняшнего, его репертуаре и структуре, можно сдвинуться с мертвой точки. А это и есть эксперимент в действии.

СМЕНА

Фото Владимира Чейшвили

**ДОПУСТИМ,
Я ВСТАНУ
И СКАЖУ: «БРОСЬТЕ
ВСЕ КУРИТЬ!
И ВЫ УВИДИТЕ,
КАК ВОЗРАСТЕТ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ
ВАШЕГО ТРУДА! КАК УЛУЧШИТСЯ
КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ,
КОТОРУЮ ВЫ ВЫПУСКАЕТЕ!»
КТО ОТВЕТИТ СОГЛАСИЕМ НА МОЙ ПРИЗЫВ?**

Михаил КОКШАРОВ,
Герой Социалистического Труда,
заслуженный строитель РСФСР

Со всей очевидностью можно сказать, что сейчас наступило время людей убежденных, людей не только талантливых, но и способных отстаивать свои взгляды, свою позицию, свои убеждения, способных претворять мечты в реальные дела, в реальные достижения. Талант и способности сегодня требуют, чтобы человек не хранил их в тайне от других, но предъявлял людям. Обращаемся к нашим читателям: расскажите нам о молодых, чья инициатива, самоотдача обогащают не только их жизнь, но и жизнь тех, кто рядом с ними.

ДЫМОВАЯ

И ЗАВЕСА ЗАВЕСА

Н емало материалов и статей прочитано мною о вреде курения, но нигде так полно не была раскрыта эта проблема, как в вашем журнале. Поэтому я и пишу вам.

Табак и алкоголь признаны наркотиками, и в то же время курение и употребление спиртного почему-то называют вредными привычками. Курение и алкоголь — два родных брата и по своей разрушительной силе не уступают друг другу. Какая разница между алкоголиком и курильщиком по части здоровья и траты рабочего времени? Да никакой. Один гробит здоровье водкой, другой прогуливает по несколько часов в смену, другой прокуривает. И тому, и другому безразличны коллеги, соседи, семья, дети. Они не щадят никого и ничего. Лишь бы им было хорошо. А ведь все это от распущенности, которая в итоге очень дорого обходится всем нам.

Курят врачи. Кабинеты во всех учреждениях захвачены курильщиками. Курят тренеры; старший тренер футбольной команды «Днепр» на экранах телевизоров всегда в клубах дыма. Курят на стадионах и в спортсооружениях, в парках культуры и санаториях, в электричках и поездах: курят шоферы автобусов и такси. Милиция — курящая организация. Курят родители и дети, дедушки и внуки. Курят в подъездах и лифтах. Активно помогают приобрести к курению артисты театра и кино...

Вот такая ситуация. А ведь известно, что каждая выкуренная сигарета укорачивает жизнь на 5 минут. Во имя чего я должен дышать отравленным воздухом и расслаиваться своим здоровьем, если пассивное курение приносит вреда более, нежели активное?

Последние десять лет я занимаюсь оздоровительным бегом и знаю цену заработанному здоровью. Но курильщики своим дымом сводят на нет все мои старания.

В армию молодые парни уходят некурящими, домой же возвращаются задымленными курильщиками, и тогда их уже бесполезно убеждать во вреде курения; они обзаводятся семьей, и все члены семьи вольно или невольно становятся потребителями никотина. Я без уважения отношусь к курящим офицерам, подающим пример своим подчиненным. В свое время о курении очень поучительно высказался командующий фронтом генерал И. Черняховский: «При раз-

работке стратегических планов и операции накуривались до полного отупения мозгов». И он сделал вывод: только трезвая голова может решать большие задачи. И бросил курить.

— Граждане, у меня сегодня великий праздник — я бросил курить, — сказал когда-то Маяковский.

Чтобы не быть объектом для вредного подражания, бросил курить Фидель Кастро.

Исписаны тонны бумаги, проблемой заняты тысячи уважаемых и авторитетных ученых, наука приводит неопровержимые факты против курения, но кпд этой борьбы пока равен нулю. Все выстрелы холостые.

Положение с курением в стране критическое, как и с алкоголизмом. Создается видимость каких-то мер, а на самом деле все больше и больше укрепляют свои позиции именно курильщики. Сейчас в стране 90 процентов населения принимает никотин ежедневно — активно или пассивно.

Самое страшное то, что им, курильщикам, никто не оказывает сопротивления. Все считают это мелочью, личным делом курильщика. Ни одно постановление по курению не выполнено, и никто их не собирается выполнять. Для кого же они издаются?

Процесс приобщения к курению идет очень и очень быстро. Еще не появился человек на свет, а в нем уже живет никотин. Этого малыша начинают окуривать отец, а часто и мать.

Я строитель и знаю, сколько больниц мы строим, и все это при нашей сытой и беззаботной жизни. В больницах ни одна койка не пустует. Вот и я вволю случая угодил в областную больницу №3, где лечатся уважаемые и заслуженные люди Прикамья. Я считал их людьми с высокой сознательностью, самодисциплиной. Как бы не так! Лечат сердце, легкие — о курении и разговора быть не может, — а они курят! И весь персонал больницы знает об этом, но управы на этих «уважаемых» людей найти не может.

Творится что-то невероятное. Больной после ингаляции или другой процедуры идет курить. Вот вам и лечение!

Беседовал я с главврачом. Спросил: как можно совмещать два взаимоисключающих деяния — курение и лечение? Но чему удивляться, если врач-рентгенолог, он же секретарь партийной организации больницы, — курильщик... Спрашиваю: почему и по какому праву этим людям разрешается курить, да еще и оплачивается больничный лист? Умыш-

ленно разрушают свое и чужое здоровье да еще и деньги получают, заболел. Видите ли, у нас нет таких законов делать отметку курильщикам в больничном листе, заявляет врач-курильщик.

Если нет, то должны быть!

Я слушал выступление по телевидению академика Чазова. «Я бы запретил вообще курение», — говорил он. Но что же мешает ему, теперь министру здравоохранения СССР, издать запрет на курение врачам и больным?

Курильщики добровольно не откажутся от курения. Они продолжают укреплять свои позиции за счет молодежи.

Скажу о рабочих-курильщиках строительных профессии. Плохую службу или услугу нам сослужил перевод рабочих на повременную оплату их труда, то есть твердый тариф. Вот пример. Экскаваторщику-сдельщику нужно до тарифа разработать и погрузить в автотранспорт 400—500 кубометров материала. Повременщику же нужна только «восьмерка» в табеле. А зарплата у них будет одинаковая. Эта система отучила людей работать на совесть. Они привыкли меньше затрачивать труда, но получать больше.

Как изменить психологию тех водителей, для которых ничего не стоит поставить 8 часов работы только за то, что человек был на работе? Но 8 часов работать и 8 часов быть на работе — далеко не одно и то же. Рабочую смену начали превращать в сплошные перекуры, заполняя пустоты в работе курением, потом стали выискивать пустоту, а затем и создавать ее.

Очень трудно работать некурящему человеку в стане курильщиков. Вольно или невольно он приобщается к никотину. Кому охота работать за других? Принципиальности может хватить на месяц или два, а там, не найдя поддержки, этот человек и сам начинает отбывать время на работе. Я могу привести сотни примеров, когда курево снижает производительность и качество выполняемой работы. Сварщик-курильщик варит ковш или клин-бабу за 8 часов, хотя работы тут на 2—3 часа. Ведь он больше чем 20—30 минут без курева обходиться не может, а под маской не покуришь, нужна остановка. У меня все внутри кипит от злости, а ему хоть бы что, он на тарифе, смена идет.

И основная доля брака в работе приходится на курильщика. Если он полсмены прокурит, то о качестве его труда говорить уже нечего.

Был я в этом году в Москве, в Сочи и Орджоникидзе. В Москве первым делом идут на Красную площадь: там висят надписи «Не курить». Но кто должен претворять это правило в жизнь, если милиционеры курят? Почему курильщики опошляют святые места? Вот уж действительно они всеильны и законы писаны не для них.

Отдыхал я в Сочи в санатории «Волна». Давно ли здесь висел лозунг «Сочи — город некурящих»? Но

какое же тут теперь раздолье для курильщиков! Они как будто на конференции свою съехали. Нет ни одного уголка, свободного от табачного дыма. Выбор сигарет и папирос, как и в Москве, на любой вкус, в лучшей упаковке. Осталось только присвоить Знак качества этой продукции. Женщины и девушки с сигаретами — попробуй сделай им замечание!.. Сегодня Сочи — город для подражания, как надо принимать и обслуживать курильщиков. На пляжах курят, в игральные комнаты курят, все скверы и аллеи заняты курильщиками. Я спрашиваю: почему и по какому праву выдают курильщикам путевки на курорт?

А может, курильщикам платить зарплату процентов на 20—25 меньше? Чем-то ведь они должны расплачиваться за свою распущенность, за те расходы, какие несет наше здравоохранение. Ведь нас, некурящих, не премируют, не поощряют.

Я пишу в журнал рабочей молодежи — оглянитесь, что творится в ПТУ. Приходят к нам ребята. На каждом шагу одни курильщики — в коридорах и кабинетах, в мастерских и за рулем, у токарного станка и у бака с горючим... Первым делом они усваивают эту высшую ступень распущенности старших. Если юнец открыто курит — значит, он рабочий человек. Он уясняет это точно и навсегда, никотин помогает ему освоить беззаботную жизнь. Мастерство и профессиональная подготовка его уже мало интересуют. Вот он и начинает учиться выискивать, создавать и заполнять пустоты в работе под видом перекура.

Мне непонятно, куда я должен обратиться, чтобы был поставлен заслон курению в нашем управлении и тресте? Мне осталось до пенсии три года. Как их прожить без табачного смога? На работе в конторе — табачный дым, в бытовке — тоже. Табачным дымом меня выживают из помещения на мороз. Там я ожидаю отправки к основному месту работы.

Зная мой характер, непримиримость к недостаткам, меня стараются унижить, следят, не сделаю ли я промашки. Я обращался в райком партии (я член пленума райкома). Из райкома прислали представителя проверить мою жалобу. Но он со мной даже не встретился. Начальник участка Чудинов пообещал «поставить меня на место», назвал подлым.

Если подсчитать, сколько средств тратит государство на удовольствия курильщиков, производство спичек, табака, на строительство и содержание больницы, где лечат курильщиков, — цифра сложится колоссальная. Вот ведь где наши резервы экономики скрываются!

Если не бросишь курить, отправим лечиться в ЛТП или наркологический пункт, — вот как должен стоять вопрос. Нужно немедленно обложить курильщиков налогом, да повесомей. Чем-то ведь они должны возместить наносимый ущерб своему здоровью, окружающим и государству.

Давайте решать: что будем делать, товарищи?!

Александр БОЙКО,

РАЗУМНЫЕ РОДИТЕЛИ

Человек эмоциональный, кое-что я повидал в жизни, и удивить меня трудно, но, побывав в Калуге, удивился! Через весь город бежала группа мужчин и женщин из местного клуба любителей бега «Пульс». Вместе с ними, не отставая ни на шаг, бежал мальчишка с такой пылающей мордашкой, что щеки его светились, как стоп-сигналы у машины. А после бега мальчишка валялся в снегу, и снег таял на его раскаленных щеках. Я остановился и начал выяснять, кто он.

На следующий день его мама, Наташа Тихонова, принесла толстую тетрадь, какую так и можно назвать — «Мамин дневник». Из него-то я и узнал, что мальчишка этот — Тихонов Евгений Леонидович, родился 21 мая 1980 года. С обложки дневника и боковой «Истории развития ребенка» — целого фолианта, распухшего от множества справок и вклеенных анализов, списываю вехи его жизни. Основной диагноз: инфекционно-аллергическая бронхиальная астма. Сопутствующие диагнозы: хронический ларинготрахеит, гнойный бронхит, хронический тонзиллит, хронический вазомоторный ринит, аденомия (1983 г.) — удаление аденоидов, бесконечные ОРЗ, заканчивающиеся гнойным ларинготрахеобронхитом со стенозом гортани I и II степеней.

Впервые Женя заболел, когда ему был год. Грипп с осложнением «наматывал» на себя одно заболевание за другим. Впервые попал в больницу, только через полтора месяца Наташа с сыном вернулись домой. С тех пор мальчик таял на глазах... Любое переохлаждение — и новая вспышка, теперь уже с бронхитом и мокротой.

Мама дотошно изучила все методы лечения при бронхолегочных заболеваниях, съездила в институты педиатрии и питания. На Женю испытали все методы и все лекарства и установили новый диагноз: астма. Врачи рекомендовали ей съездить в Москву на консультацию к Борису Сергеевичу Толкачеву. Важная деталь: медик направляет больного к педагогу и не считает это зазорным, не усматривая в этом подрыв своего медицинского авторитета.

Кто такой Толкачев? Окончил институт физкультуры, работал тренером по бегу, теперь занимается здоровьем детей.

Итак, Наташа прочла книгу Б. С. Толкачева, а в сентябре 1985 года встретила с ним во время курса занятий в больнице имени Русакова и поликлинике № 7. Теперь она раз в месяц приезжала в Москву, слушала и училась.

Уже с осени Женя начал бегать. Что такое тренировка больного ребенка в беге? Это бег трусцой три минуты, затем ходьба, после снова бег. Дыхательные упражнения, массаж, обтирания. Маме показало, что сыну становится легче. После нескольких занятий он начал просить повторения.

Ничего не зная, не имея гарантий, мама с сыном продвигались в неведомое. Были спады, были взлеты, но общая тенденция подтверждала: они движутся вперед. Нет, еще рано ликовать, болезни еще напоминали о себе, особенно по ночам. Когда наступал такой период тревоги, мама переходила на

особый график — каждые полтора часа выполняла весь комплекс: массаж лица, массаж грудной клетки, дыхательные дренажные упражнения и водные процедуры. И все это ночью!

Не было дня, когда бы Женя не сделал утреннюю норму занятий на свежем воздухе. Иммуитет у Жени был снижен, у него тяжелый гнойный бронхит, а температуры нет. Только через год занятий, после одного из приступов, у него неожиданно поднялась температура. Наташа срочно позвонила Толкачеву, а он... ее поздравил: «Молодцы, ребенок начал сопротивляться болезни!»

А в феврале 1986 года он участвовал в первом соревновании. Будущий солдат Евгений Тихонов в свои пять с половиной лет впервые стартовал в зимнем пробеге, посвященном Дню Советской Армии. Он пробежал три километра. Но это официально. Допризывник Женя, когда мама насильно сняла его с пробега, заставил бежать ее обратно в раздевалку, и получилось — шесть километров. После пробега Женя принял ледяную ванну, и все пошло по знакомым, уже проверенным циклам. Если добавить, что в день старта он был чуть-чуть приболевший, — тем более! Приболевший бегает по морозу... Раньше мама закрыла бы его в квартире и выдала весь арсенал медикаментозных средств. А сейчас она думала по-иному: морозный воздух прочистит дыхательные пути и уберет инфекцию, заработают надпочечники, и сопротивляемость организма увеличится.

Есть еще одно важное обстоятельство, о котором нельзя не упомянуть. В Калуге работает замечательный человек — доктор Шамиль Шайхулович Арасланов. В прошлом главный анестезиолог области, он сам чудом избежал тяжелой операции на легких, вылечив себя при помощи оздоровительного бега. С тех пор он пожизненный популяризатор замечательного бега. Это он подарил Наташе книгу Толкачева и контролировал здоровье Жени Тихонова. И сегодня в мамин дневник аккуратно вклеены листочки с записями: дата, жизненная емкость легких, вес, рост, артериальное давление, а позже — и реакция на нагрузку. Все просто, все общедоступно, все достижимо. И здесь же отмечено: купался в реке, пока вода не замерзла (29 ноября), и зафиксирован результат в пробеге на 10 километров — 58 минут.

Наташа Тихонова — из тех мам, которая не будет окончательно счастлива, видя только своего ребенка здоровым. Она захотела помочь другим...

Справка дана Ратниковой Валентине Михайловне, воспитателю детского сада, в том, что ей предоставлены бюллетени за 1985—1986 годы в связи с болезнью ребенка. Июнь — обостренный бронхит — 5 дней; сентябрь — обостренный бронхит — 12 дней; ноябрь — острое респираторное заболевание — 6 дней; январь — обостренный бронхит — 4 дня; февраль — острый бронхит — стационар — 17 дней; март — ангина — 4 дня; апрель — острый бронхит — 6 дней; май — бронхит — 6 дней; июнь — бронхит — 5 дней. Итого — 65 дней.

Анечке Ратниковой 4,5 годика, перенесла примерно те же болезни, что и Женя, но ее мама добавила: «Все

началось с ОРЗ и кончилось астматическим бронхитом. Болела каждый месяц, очень часто вызывали «скорую помощь». Участковый врач посещал нас через день. Лежали в детской больнице. Несколько раз приступы снимали капельницами. С июня 1986 года начали ходить в группу здоровья. Занимаемся с Анечкой систематически по методике, которую дают в группе. Ежедневно делаем массаж носа, грудной клетки, диафрагмальные упражнения, контрастное закаливание тела. Сейчас ребенок почти не болеет. За время с июня по январь болела один раз гриппом во время эпидемии, но без астматического приступа».

Афоня Рома, 5 лет. Первый раз заболел в 6 месяцев катаральной ангиной, болел очень сильно, и это было толчком к последующим болезням.

«После того, как нам предложили записаться в группу здоровья, мы согласились, хотя и сомневались, — рассказывает его мама. — Но результат не замедлил сказаться. Мальчик повеселел, мог и бегать и играть, гулял и купался в любую погоду. В декабре первый раз сели в ледяную ванну. Сейчас во время занятий бегаем босиком по снегу».

Попков Саша, 3 года 7 месяцев. Заболел в два года после того, как стал посещать ясли. «В июле 1986 года поставлен диагноз: атоническая астма. Заниматься по системе Б. С. Толкачева начал с августа 1986 года. Первые шаги в физкультуре к выздоровлению пошли. Но день ото дня увеличивали нагрузки в беге, упражнениях. Начинать с комфортного душа, контрастного обливания ног. Сейчас делаем контрастное обливание рук, ног, грудной клетки. С января делаем холодные ванны. Конечно, болезнь еще не отступила. Но борьбу с ней ведем физическими приемами и водой. В период болезней ни разу не принимали антибиотики. Ребенок стал более крепким, сильным, появилась сила воли, умение преодолеть себя. Даже болезнь Саша переносит гораздо легче физически и морально».

Итак, подведем итог, общий для всех: терпение родителей, плюс оздоровительная физкультура, плюс желание победить недуг. Ничего нового, все просто и естественно.

А что же Наташа Тихонова — мать главного героя Жени? Она окончила курсы массажистов и набрала группу детей. Они приходят к ней на занятия вместе с родителями. С прошлого сентября Наташа работает с двумя группами при городском парке культуры и отдыха. И еще она ходит в детсад № 93, где ведет такую же группу из 50 человек. В водных процедурах половина детей дошла до ледяной ванны, но все до единого обливаются ледяной водой. И еще все ежедневно по полчаса бегают вместе с мамами. И это дети с тяжелыми легочными заболеваниями, причем десять из них — астматики! Естественно, болезни пошли на убыль. Но если кто-то все-таки заболевает, то болезнь переносится легко.

Главное условие для занятий в этой группе — ведение дневников. Вот они передо мной, мамин дневники — удивительные документы любви, терпения и веры. В каждом вижу суровый почерк Наташи Тихоновой: «Где ночные пробуждения? Теряете бдительность, хотя знаете — подниматься каждую ночь».

Наташа имеет право так писать — она беспокоится о других.

Еще Наташа Тихонова организует просветительные экскурсии в Москву. Мама берет с собой магнитофоны, а потом, все записав, объявляет прослушивать лекции своих подруг, у которых болеют дети. Лекции Б. С. Толкачева, прочитанные в обществе «Знание», имеют огромное значение. Мама-калужанки, возглавляемые Наташей Тихоновой, четыре часа едут в электричках, чтобы зарядиться его энергией.

Шестидесят процентов детей в Калуге больны бронхолегочными заболеваниями. Казалось бы, зная об этом, надо поддержать группу Наташи Тихоновой! С биологическим образованием, успешным опытом лечения сынов, умением устанавливать контакт с людьми, она так и видится в качестве методиста лечебной физкультуры. Но только не на тех правах, какие имеет она сейчас. В парке старая церковь, в ней — спортивный зал, в коридоре на скамейках, словно бедные родственники, раздаются малыши и их мамы. И клуб любителей бега «Пульс» десять лет скитается по подворотням, а «отцы города все никак не подберут ему помещения. А ведь это один из лучших клубов страны, в котором ожили бывшие пенсионеры и вернулись на рабочее место».

Листаю мамин дневник и думаю: неужто вся эта благородная деятельность и дальше будет продолжаться на уровне парка? Неужто у городских властей славного города Калуги (да и других тоже!) не появится обязанности перед больными детьми? И кто этим должен заниматься? Врачи или педагоги? И те, и другие! Потому что сегодня опыт, полученный педагогами, только добавляет медикам пищу для размышлений. Тем более, что не педагоги, а великий русский лекарь Николай Иванович Пирогов сказал нам, своим потомкам: «Будущее принадлежит медицине профилактической». А лечебная физическая культура как раз и лежит на стыке медицины и педагогики.

Все ли гладко сегодня в группе у Наташи Тихоновой? Нет. Есть мамы, кому все это надоело, и они срываются и уходили, обрекая своих детей на дальнейшие страдания. Странное дело, но многих мам неподдельно удивляло то, что все это они должны делать своими руками. А мамы привыкли по-другому, как это делается в больницах: «Вот вам больной ребенок, а я приду и заберу здорового». Что ж, вольному воля.

Да, для всех занятий и процедур, о которых мы рассказали, требуется немало времени. Но окончательная его цена — здоровый ребенок на всю жизнь. Разве же это не стоит всего того, что вынуждена претерпеть мама? Сегодня с Наташей Тихоновой остались мамы-бойцы, те, кто готов на все, лишь бы видеть ребенка радостным и здоровым.

Низкий нам поклон, мамы из города Калуги. Спасибо за то, что не заламываете руки, не проклиняете судьбу и врача, а сами, как и положено родителям, растите стране здоровых детей, которым создавать XXI век.

А за окном — лето! Самый раз приготовить своих детей к дождливой осени и холодной зиме.

СКАЗКА О ТРОЙКЕ

Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Ясно,— сказал Витька.— Я беру на себя заявки со всеми причиндалами. Ты, Роман, старый филателист, ты займись почтой. Эдик, ты самый эрудированный, садись и составляй список глупостей. Сашка... Черт, вот ведь бездарь, ничего не умеет... Ладно, бланки я тоже возьму на себя. А ты забирай палатки и катись в Тихую Заводь, потому что ночевать в этом номере сегодня будет невозможно. И чтобы к десяти часам была уха, были раки, костер и все прочее. Пшел!

Он выхватил волшебную палочку, и я торопливо пшел. Я закрыл за собой дверь как раз в тот момент, когда в стол ударила первая молния. Я шархнулся. Голос Витьки рявкнул какое-то слово, и дверь исчезла. Передо мной была глухая стена.

Я завистливо вздохнул и, бормоча: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»,— направился в Колонию к Спиридону. В Спиридоновом павильоне хранилось наше туристическое снаряжение. Я послал Говоруна и Федю за хлебом и приправами, а сам принялся осматривать рыболовные снасти. Через час все было готово, и мы тронулись в путь.

Я тащил палатку, котелок, удочки и все, что было необходимо для ухи. Федя толкал перед собой тачку со Спиридоном и нес одеяла. Клоп ничего не нес — он шагал поодаль, засунув руки в карманы, и оскорбительно разглагольствовал насчет так называемых разумных существ, которые, несмотря на весь свой хваленый разум, шагу не могут ступить без продуктов питания. «А я вот все мое ношу с собой»,— хвастливо заявлял он. Спиридон помалкивал под мокрой мешковиной и только вращал глазами.

Нам предстояло пройти около десяти километров до Тихой Заводы, прелестного местечка на берегу Китежи, где мы обычно ставили палатку, разводили костер, варили уху и играли в бадминтон. До захода солнца оставалось около двух часов, надо было потарапливаться, но мы задержались в Колонии поболтать с пришельцем Константином. Константину сильно не повезло. Его летающее блюдце совершило вынужденную посадку около года назад. При посадке корабль испортился окончательно, и защитное силовое поле, которое автоматически создалось в момент приземления, убрать Константину не удалось. Поле это было устроено так, что не пропускало ничего постороннего. Сам Константин со своей одеждой и с деталями двигателя мог ходить через сиреневую пленку в обе стороны совершенно беспрепятственно. Но семейство полевых мышей, случайно оказавшееся на месте посадки, так там и осталось, и Константин вынужден был скормить ему небогатые свои запасы, так как земную пищу пронести под защитный колпак не мог даже в своем желудке. Под колпаком оказались также забытые кем-то на парковой аллее тапочки, и это было единственное из земных благ, от которого Константину была хоть какая-то польза. Кроме тапочек и мышей, в защитном поле были заключены: два куста волчьей ягоды, часть чудовищной садовой скамейки, изрезанной всевозможными надписями, и четверть акра сыроватой, никогда не просыхающей почвы.

Константиновы дела были плохи. Звездолет не желал чиниться. На Китежградском заводе не было, естественно, ни подходящих частей, ни специального оборудования. Кое-что можно было бы достать в крупнейших научных центрах мира, но требовалось ходатайство Тройки, и Константин с нетерпением вот уже много месяцев ждал вызова. Он возлагал некоторые надежды на помощь землян, он рассчитывал, что ему хотя бы удастся снять проклятое защитное поле и провести наконец на корабль какого-нибудь крупного ученого, но в общем-то он был настроен пессимистически, он был готов к тому, что земная техника окажется в состоянии помочь ему только лет через двести.

Константиново летающее блюдце стояло недалеко от дороги. Из-под блюдца торчали ноги Константина, обутые в скороходовские тапочки сорок четвертого размера. Ноги отлягивались от семейства мышей, настойчиво требовавших ужина. Федя постучал в защитное поле, и Константин, увидев нас, выбрался из-под блюдца. Он прикрикнул на мышей и вышел к нам. Знаменитые тапочки, конечно, остались внутри, и мыши тотчас устроили в них временное обиталище.

Рисунки Игоря Гончарука

Мы спросили, как у Константина дела. Константин бодро сообщил, что, кажется, начало получаться, и перечислил два десятка незнакомых нам приборов, которые были ему совершенно необходимы. Мы сказали ему, что вредно так много работать, и пригласили с собой отдохнуть, развлечься, поесть ухи. Минут десять мы объясняли ему, что такое уха, после чего он признался, что это ему совсем неинтересно и что он лучше пойдет поработает. Кроме того, близилось время кормить мышей. Он пожал нам руки

и снова полез под блюдце. Мы двинулись дальше.

Дорога шла вдоль Китежи, приятная загородная дорога, покрытая нежной теплой пылью, неразбитая, гладкая. Справа тянулись огороды городского питомника, слева под небольшим обрывчиком стекла темная прохладная река, очень приятная на вид здесь, вдали от стоков Китежградского завода. Мы шли быстро. Меня прошибал пот, Федя тоже очень старался, и разговаривать нам было некогда: мы берегли дыхание. А Спиридон с Говоруном затеяли разговор на темы морали. Слушать их было очень поучительно, поскольку ни тот, ни другой представления не имели ни о гуманизме, ни о любви к ближнему.

Спиридон утверждал, что совесть — это пустое понятие, придуманное для обозначения внутренних переживаний человека, делающего не то, что ему делать надлежит. Да, соглашался Клоп, муки совести — это последствия сделанных ошибок. У этих теплокровных людюшек масса возможностей совершать ошибки, не то что у нас, клопов. У нас сохраняются только те, кто ошибок не делает и, следовательно, мучений совести не испытывает. Потому что у клопов нет совести. Это была истинная правда: будь у данного клопа хоть немного совести, он мог бы по крайней мере тащить пакет с луком.

Покончив с совестью, Спиридон перешел на проблемы добра и зла, и они быстро с ними расправились, согласившись, что находятся по ту сторону того и другого. Затем последовали: вопрос о так называемой подлости, вопрос о праве на убийство и вопрос о любви. Подлость они объявили понятием, производным от совести, и потому несущественным. Во взглядах на право убивать они разошлись решительно. Спиридон исходил из принципа: живу, потому что убиваю и не могу иначе. Клоп же проповедовал в этом вопросе христианство: соси, но знай меру. Они разгорячились и опять чуть не подрались, потому что Клоп обозвал Спиридона фашистом. Мы с Федей их разняли. Федя пригрозил Спиридону, что вывалит его на дорогу, а я пообещал Клопу столкнуть его в реку.

Тогда они заговорили о любви. Спиридон оказался певцом любви платонической. Говорун же — чувственной. Спиридон вздыхал, закатывал глаза и мерзким голосом пел баллады — в переводе на русский — о коралловом цветке его нежности, плывущем по бурному океану навстречу предмету любви, каковой предмет он, несчастный влюбленный, никогда не видел и никогда не увидит. Он стонал и цитировал Блока: «Я послал тебе черную розу в бокале золотого как небо И...?» Как тонко! — вздыхал он. — Как верно! Очень понашему, очень...» Говорун вначале только хихикал и расправлял усы тыльной стороной ладони, однако потом и его прорвало. Он принялся читать нам стихи собственного сочинения, предпослав им известные строки «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...», которые считал вершиной человеческой поэзии. Однако мы с Федей сочли его сочинения непристойными и велели ему замолчать. Особенно негодовал Федя. Он заявил, что такого не слышал даже от обезьян в зоопарке, где сидел по недоразумению несколько месяцев.

Так за разговорами мы еще засветло добрались до Завода. Федя подкатил тачку к самой воде и с удовольствием вывалил Спиридона в темный, поросший кувшинками омут. Каждый занялся своим делом. Спиридон исчез под волнами и через минуту, появившись, сообщил нам, что сегодня здесь полно раков, есть окуни и два больших леща. Я велел ему ловить раков, но ни в коем случае не отпугивать и, упаси бог, не трогать будущую уху. Федя принял за разбивать палатку, а я стал разжигать костер. Говорун, как всегда, отлынивал. Сославшись на внезапный приступ хандры и на слабые мышцы, он скрылся в кустах, где жило несколько его знакомых травяных клопов, и оттуда тотчас понеслись взрывы хохота и надсадно выкрикиваемые обрывки анекдотов сомнительного свойства.

Когда солнце село, лагерь был готов. Великолепно, без единой морщинки растянутая палатка ждала постояльцев в объятия расстеленных одеял. Весело трещал костер, и купающиеся в кипятке раки становились все более и более красными. Федя, закинув три удочки, азартно следил за поплавами, хотя уже стемнело и надеяться на клев больше не приходилось. Из омута страшновато поблескивали глаза удобно расположившегося там Спиридона. Судя по редким всплескам, он, несмотря на строжайший запрет, оцуп-

кой ловил и поедал на месте отборную рыбу, однако уличить его не было никакой возможности.

Я взял кол от палатки, сходил в кусты и разогнал веселящуюся там компанию, которая перешла уже все границы. Говорун полез было в амбицию, но я показал ему указательный палец и засадил чистить лук. Закат отбушевал, высypали звезды, раки сварились, первая порция ухи — тоже. Я намазался диметилфталатом и пригласил всех к столу. Мы с Федей с удовольствием ели уху, сосали раков. Говорун присел поодаль на пенек и, глядя на нас, во всеулышное сетовал на отсутствие поблизости приличной гостиницы или по крайней мере Дома колхозника. Спиридон плескался и чем-то хрустел в своем омуте.

Потом, когда уха была съедена, а раки высосаны до последней лапки, Федя пошел в темноту сполоснуть посуду и проверить, как себя чувствует живая рыба в садке. Для второй порции ухи все было готово, оставалось ждать ребят. Я прилеп к костра, ощущая во всем теле приятную негу, предвкушая одеяло в палатке и завтрашнее утреннее купание при активном участии Спиридона, и как мы ухватим Говоруна за руки и за ноги и всей компанией поволочем его топить, а он будет орать и распространять коньячные запахи... Вспомнив о Клопе, я стал размышлять, куда девать его на ночь, дабы не вводить в искушение: посадить ли его в спичечный коробок или привязать шпагатом к дереву, а в темноте у меня за ушами злобно и разочарованно завывали комары, оскорбленные диметилфталатом. Говорун сидел на пенке, поджав под себя все ноги, и поглядывал на меня со странным выражением. Федя рассказывал Спиридону, как прекрасны снежные горы и каким образом нужно до них отсюда добираться. Я совсем уже решил было проблему Клопа, сообразив, что его просто следует перевезти на ночь на другой берег, и раздумывал, как бы поделкатнее сообщить ему о своем решении. Вдруг послышался треск валежника, приглушенные голоса, и из лесу один за другим вышли и вступили в освещенное пространство хорошо знакомые, но совершенно неожиданные люди.

Лавр Федотович, поддерживаемый под локоть дремлющим на ходу полковником, приблизился к костру первым и опустился на землю так резко, словно у него подломилась нога. Полковник вознамерился было рухнуть в костер, но, видимо, спохватился и рухнул в кусты прямо на возмущенно загалдевших травяных клопов. Хлебовводов отпихнул локтем Федю и уселся на его место. Фарфуркис же сначала вдумчиво пристроил огромный портфель Лавра Федотовича и только тогда опустился рядом со мной, протягивая к костру пухлые ручки. Было это совершенно неожиданно и необъяснимо. Я обалдело посмотрел на часы. Было ровно десять. Тройка сидела неподвижно, и мне вдруг показалось, что эти люди, если не считать спящего полковника, удивлены не меньше и понимают не больше меня.

— Грррр,— произнес Лавр Федотович с какой-то новой интонацией.— Кажется, возникло затруднение. Товарищ Фарфуркис, устраните.

Было совершенно очевидно, что затруднение действительно возникло и что Фарфуркис пока еще не имеет ни малейшего представления о том, как его устранять.

— Э...— сказал он.— Э... Природа... Э... Лес, река... Э... Отдых...— Он вдруг оживился.— Я полагаю, Лавр Федотович, что Тройка была достаточно загружена все эти дни, чтобы позволить себе отдых...

— На природе,— подхватил сообразительный Хлебовводов.

— Да-да, на природе. Позвольте, да здесь прелесть! Палатка, костер...

— Костер — это огонь,— с некоторым сомнением произнес Лавр Федотович.

— Совершенно верно,— без колебаний согласился Фарфуркис.— Прекрасный свежий воздух, проточная вода... Здесь можно прекрасно отдохнуть. Мы здесь прекрасно отдохнем, Лавр Федотович!

— Грррр,— сказал Лавр Федотович.— Товарищ Хлебовводов, распорядитесь.

Хлебовводов тотчас вскочил и, зацепившись за натянутую веревку, прямо в сапогах полез в палатку.

— Все готово, Лавр Федотович! — бодро сообщил он оттуда.— Я уже распорядился! Пять одеял верблюжьих и три подушки походных, надувных. Сейчас я их надуваю, и можно отдыхать.

— Народ...— сказал Лавр Федотович, величественно поднимаясь.— Народ имеет право на отдых... Товарищ Фарфуркис, назначаю вас ответственным за отдых. Обеспечьте. Спокойной ночи, товарищи!

С этими словами, подняв в знак протестного приветствия белую мягкую руку, он шагнул в палатку и тотчас принялся там ворочаться, как бронтозавр, время от времени, если судить по тихим воплям, придавливая Хлебовводов.

— Товарищ ВРИО научного консультанта,— обратился ко мне Фарфуркис.— Оставляю вас дежурным по лагерю. Во-первых, костер. Костер не должен гаснуть всю ночь. Во-вторых, к завтраку Лавр Федотович предпочитает свежую рыбу, молоко и... э-э... лесные ягоды. Скажем, земляника, малина... Это на ваше усмотрение. В случае тревоги будите меня.

Он встал на четвереньки и ловко нырнул в палатку,

увлекая за собой председательский портфель. Через секунду тишина нарушилась на диво спешившимся хором носоглоток: Лавр Федотович вел басы, Хлебовводов подтягивал звучным тенором, а Фарфуркис, выбирая паузы, врывался в них прерывистым дискантом.

— Так землянику или малину? — спросил Федя.

— Кукиш с маслом,— сказал я.— Какого черта? Ничего не понимаю. Откуда они взялись? Где ребята?

Федя растерянно улыбнулся и пожал плечами.

— Не знаю,— пробормотал он.— Странно как-то...— Он помолчал.— Нет, пойду все-таки малинки соберу,— сказал он и ушел в темноту.

— Может быть, кто-нибудь объяснит мне все это? — громко спросил я.

Но Говоруна на пенке уже не было. Сквозь носоглоточный хор я слышал, как он осторожно бродит в палатке, ступая по спящим, и тихонько мурлычет: «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...» Никто не ответил на мой вопрос. Только из омута донесся до меня скрежещущий смех Спиридона.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утреннее солнце, вывернув из-за угла школы, теплым потоком ворвалось в раскрытые настезь окна комнаты заседаний, когда на пороге появился каменолопный Лавр Федотович и немедленно предложил задернуть шторы. Народу это не нужно, объяснил он. Сейчас же следом за ним появился Хлебовводов, подталкивая впереди себя полковника. Полковник разбитым голосом выкрикивал команды и комментировал их, а Хлебовводов приговаривал: «Ладно, ладно тебе, развоевался...» Когда мы с комендантом задержали шторы, на пороге возник Фарфуркис. Он что-то жевал и утирался. Невнятной скороговоркой извинившись за опоздание, он разом проглотил все недожеванное и завопил:

— Протестую! Вы с ума сошли, товарищ Зубо! Немедленно убрать эти шторы! Что за манера отгораживаться и бросать тень?

Возник крайне неприятный инцидент, и все время, пока инцидент распуывался, пока Фарфуркиса унижали, сгибали в бараний рог, вытирали об него ноги и выбивали ему бубну, Выбегалло, как бы говоря: «Вот злонаравия достойные плоды!» — укоризненно качал головой и многозначительно поглядывал в мою сторону. Потом Фарфуркиса, растоптанного, растерзанного, измолоченного и измочаленного, пустили униженно догнывать на его место, а сами, отдуваясь, опуская засученные рукава, вычищая ключья шкуры из-под ногтей, облизывая окровавленные клыки и необдуманно зрыкивая, расселись за столом и объявили себя готовыми к утреннему заседанию.

— Грррр,— произнес Лавр Федотович, бросив последний взгляд на распятые останки.— Следующий! Докладывайте, товарищ Зубо.

Комендант впился в раскрытую папку скрюченными пальцами, в последний раз глянул поверх бумаги на поверженного врага налитыми глазами, в последний раз с оттяжкой кинул задними лапами землю и, только втянув жадно раздутыми ноздрями сладостный аромат разложения, окончательно успокоился.

— Дело семьдесят второе,— забарабил он.— Константин Константинович Константинов двести тринадцатый до новой эры город Константинов планеты Константины звезды Антарес...

— Я бы поприсл! — прервал его Хлебовводов.— Ты что это нам читаете? Ты это нам роман читаете? Или водевил? Ты, браток, анкету нам зачитываете, а получается у тебя водевил.

Лавр Федотович взял бинокль и направил на коменданта. Комендант сник.

— Это, помню, в Сызрани,— продолжал Хлебовводов,— бросили меня заведующим курсов среднего персонала, так там тоже был один — улицу не хотел подметать... Только не в Сызрани, помнится, это было, а в Саратове... Ну да, точно, в Саратове! Сперва я там школу мастеров-крупчатников укреплял, а потом, значит, бросили меня на эти курсы... Да, в Саратове, в пятьдесят втором году, зимой. Морозы, помню, как в Сибири... Нет,— сказал он с сожалением,— не в Саратове это было. В Сибири это и было, а вот в каком городе — вылетело из башки. Вчера еще помнил, эх, думаю, хорошо было там, в этом городе... Он замолчал, мучительно приоткрыв рот. Лавр Федотович подождал немного, осведомился, есть ли вопросы к докладчику, убедился, что вопросов нет, и предложил Хлебовводову продолжать.

— Лавр Федотович,— почувствованно сказал Хлебовводов.— Забыл, понимаете, город. Ну забыл и все. Пускай он пока дальше зачитывает, а я пока вспомню... Только пускай он по форме, пускай пункты называет и не частит, а то ведь безобразия получается... — Продолжайте докладывать, товарищ Зубо,— сказал Лавр Федотович.

— Пункт пятый,— прочитал комендант с робостью.— Национальность...

Фарфуркис позволил себе слабо шевельнуться и сейчас же испуганно замер. Однако Хлебовводов уловил это движение и приказал коменданту:

— Сначала. Сначала! Сызно́ва читайте!

— Пункт первый,— сказал комендант.— Фамилия...

Пока он читал сызно́ва, я с беспокойством думал о ребятах, почему они не пришли вчера в лагерь, почему их нет сейчас на заседании, неужели работы оказалось так много...

— Херсон! — заорал вдруг Хлебовводов.— В Херсоне это было, вот где... Ты давай, продолжайте,— сказал он вздрогнувшему коменданту.— Это я так, вспомнил...— Он сунулся к уху Лавра Федотовича и, млея от смеха, принял его что-то нашептывать, так что черты товарища Вунокова обнаружили тенденцию к раздеревенению, и он был вынужден прикрыться от демократии обширной ладонью.

— Пункт шестой,— нерешительно зачитал комендант.— Образование: высшее син... кри... кре... крети-ческое.

Фарфуркис дернулся и пискнул, но опять не пошел. Хлебовводов ревниво вскинулся:

— Каков? Какое образование?

— Синкретическое,— повторил комендант единым духом.

— Ага,— сказал Хлебовводов и поглядел на Лавра Федотовича.

— Это хорошо,— веско произнес Лавр Федотович.— Народ любит самокритику. Продолжайте докладывать, товарищ Зубо.

— Пункт седьмой. Знание иностранных языков: все без словаря.

— Чего-чего? — сказал Хлебовводов.

— Все,— повторил комендант.— Без словаря.

— Вот так самокритическое,— сказал Хлебовводов.— Ну ладно, мы это проверим.

— Пункт восьмой. Профессия и место работы в настоящее время: читатель поэзии, амфибрахий, пребывает в краткосрочном отпуске. Пункт девятый...

— Подождите,— сказал Хлебовводов.— Работает он где?

— В настоящее время он в отпуске,— пояснил комендант.— В краткосрочном.

— Это я без тебя понял,— возразил Хлебовводов.— Я говорю: специальность у него какая?

Комендант поднял папку к глазам.

— Читатель...— сказал он.— Стихи, видно, читает.

Хлебовводов ударил по столу ладонью.

— Я тебе не говорю, что я глухой,— сказал он.— Что он читает, это я слышал. Читает и пусть читает в свободное от работы время. Специальность, говорю! Работает где, кем?

Выбегалло отмалчивался, и я не вытерпел.

— Его специальность — читать поэзию,— сказал я.— Он специализируется по амфибрахию.

Хлебовводов посмотрел на меня с подозрением.

— Нет,— сказал он.— Амфибрахий — это я понимаю. Амфибрахий там... то, се... Я что хочу уяснить? Я хочу уяснить, за что ему зарплату платят.

— У них зарплата как таковой нет,— пояснил я.

— А! — обрадовался Хлебовводов.— Безработный! — Но он тут же опять насторожился.— Нет, не получается!.. Концы с концами у вас не сходятся. Зарплаты нет, а отпуск есть. Что-то вы тут крутите, изворачиваетесь тут что-то...

— Грррм,— произнес Лавр Федотович.— Имеется вопрос к докладчику, а также к научному консультанту. Профессия дела номер семьдесят два.

— Читатель поэзии,— быстро сказал Выбегалло.— И вдобавок... эта... амфибрахий.

— Место работы в настоящее время,— сказал Лавр Федотович.

— Пребывает в краткосрочном отпуске. Отдыхает, значить, краткосрочно.

Лавр Федотович, не поворачивая головы, перекатил взгляд в сторону Хлебовводова.

— Имеются еще вопросы? — осведомился он.

Хлебовводов тоскливо заерзал. Простым глазом было видно, как высокая доблесть солидарности с мнением начальства бьется в нем с не менее высоким чувством гражданского долга. Наконец гражданский долг победил, хотя и с заметным для себя ущербом.

— Что я должен сказать, Лавр Федотович,— залезил Хлебовводов.— Ведь вот что я должен сказать! Амфибрахий — это вполне понятно. Амфибрахий там... то, се... И насчет поэзии все четко. Пушкин там, Михалков, Корнейчук... А вот читатель... Нет же в номенклатуре такой профессии! И понятно, что нет. А то как это получается? Я, значит, стишки почитываю, а мне за это — блага, мне за это — отпуск... Вот что я должен уяснить.

Лавр Федотович взял бинокль и воззрился на Выбегалло.

— Заслушаем мнение консультанта,— объявил он. Выбегалло поднялся.

— Эта,— сказал он и погладил бороду.— Товарищ Хлебовводов правильно здесь заостряет вопрос и верно расставляет акценты. Народ любит стихи — се ля мэн сюр ле кёр ке же ву ле ди ¹. Но всякие ли стихи нужны народу? Же ву деманд анпé ², всякие ли? Мы с вами, товарищи, знаем, что далеко не всякие. Поэтому мы должны очень строго следовать... эта... опделенному, значить, курсу, не теряя из виду маяков и... эта... ле вин этире иль фо ле боар ³. Мое личное мнение вот какое: эдэ — туа з дье тедера ⁴. Но я предложил бы еще заслушать присутствующего здесь представителя товарища Привалова, вызвать его, так сказать, в качестве свидетеля...

Лавр Федотович перевел бинокль на меня. Хлебовводов сказал:

— А что ж, пускай. Все равно он постоянно выскакивает, не терпится ему, вот пускай и прояснит, раз он такой шустрый...

— Вуаля,— с горечью сказал Выбегалло,— ледукасьён куон донно жёнжен дапрезан ⁵!

— Вот и я говорю, пускай,— повторил Хлебовводов.

— Слово предоставляется свидетелю Привалову,— произнес Лавр Федотович, опуская бинокль.

Я сказал:

— У них там очень много поэтов. Все пишут стихи, и каждый поэт, естественно, хочет иметь своего читателя. Читатель же — существо неорганизованное, он этой простой вещи не понимает. Он с удовольствием читает хорошие стихи и даже заучивает их наизусть, а плохие знает не желает. Создается ситуация несправедливости, неравенства, а поскольку жители там очень деликатны и стремятся, чтобы всем было хорошо, создана специальная профессия — читатель. Одни специализируются по ямбу, другие — по хорею, а Константин Константинович — крупный специалист по амфибрахию и осваивает сейчас александрийский стих, приобретает вторую специальность. Цех этот вредный, и читателям полагается не только усиленное питание, но и частые краткосрочные отпуска.

— Это я все понимаю! — проникновенно вскричал Хлебовводов.— Ямбы там, александрийты... Я одного не понимаю: за что же ему деньги платят? Ну сидит он, ну читает. Вредно, знаю! Но чтение — дело тихое, внутреннее, как ты его проверишь, читает он или кимарит, сачок? Я помню, заведовал я отделом в инспекции по карантину и защите растений, так у меня попался один... Сидит на заседании и вроде бы слушает, даже записывает что-то в блокноте, а на деле спит, процелыга! Сейчас по конторам многие навестились спать с открытыми глазами... Так вот я и не понимаю: наш-то как? Может, врет? Не должно же быть такой профессии, чтобы контроль был невозможен — работа человек или, наоборот, спит?

— Это все не так просто,— возразил я.— Ведь он не только читает, ему присылают все стихи, написанные амфибрахийем. Он должен все их прочесть, понять, найти в них источник высокого наслаждения, полюбить их и, естественно, обнаружить какие-нибудь недостатки. Об этих всех своих чувствах и размышлениях он обязан регулярно писать авторам и выступать на творческих вечерах этих авторов, на читательских конференциях, и выступать так, чтобы авторы были довольны, чтобы они чувствовали свою необходимость... Это очень, очень тяжелая профессия,— заключил я.— Константин Константинович — настоящий герой труда.

— Да,— сказал Хлебовводов.— Теперь я уяснил. Полезная профессия. И система мне нравится. Хорошая система, справедливая.

— Продолжайте докладывать, товарищ Зубо,— произнес Лавр Федотович.

Комендант вновь поднес папку к глазам.

— Пункт девятый. Был ли за границей: был. В связи с неисправностью двигателя четыре часа находился на острове Рапа-Нуи.

Фарфуркис что-то неразборчиво пропищал, и Хлебовводов тотчас подхватился.

— Это чья же нынче территория? — обратился он к Выбегалло.

Профессор Выбегалло, добродушно улыбнувшись, широким снисходительным жестом отослал его ко мне.

— Дадим слово молодежи,— сказал он.

— Территория Чили,— объяснил я.

— Чили, Чили...— забормотал Хлебовводов, тревожно поглядывая на Лавра Федотовича. Лавр Федотович хладнокровно курил.— Ну, раз Чили — ладно тогда,— решил Хлебовводов.— И четыре часа только... Ладно. Что там дальше?

— Протестую! — с безумной храбростью прошептал Фарфуркис, но комендант уже читал дальше:

— Пункт десятый. Краткая сущность необъясненности: разумное существо со звезды Антарес. Летчик космического корабля под названием летающее блюдце...

¹ Это как раз то, о чем я вам говорил.

² Спрашиваю я вас.

³ Вино подано, пора его выпить.

⁴ Помогай себе, и тебе бог поможет.

⁵ Образования, которое он получил в молодости, сегодня недостаточно.

Лавр Федотович не возражал. Хлебовводов, глядя на него, одобительно кивнул, и комендант продолжал:

— Пункт одиннадцатый. Данные о ближайших родственниках... Тут большой список.

— Читайте, читайте,— сказал Хлебовводов.

— Семьсот девяносто три лица,— предупредил комендант.

— Ты не теряйте время,— посоветовал Хлебовводов.— Твое дело читать, вот и читайте. И разборчиво.

Комендант вздохнул и начал:

— Родители — А, Бе, Ве, Ге, Де, Е, Ё, Же...

— Ты это чего? Ты постой... Ты погоди... — сказал Хлебовводов, от изумления утратив дар величюсти.— Ты что, в школе? Мы тебе что, дети?

— Как написано, так и читаю,— огрызнулся комендант и продолжал: — Зе, И, Й, Ке, Ле, Ме...

— Грррм,— произнес Лавр Федотович.— Имеется вопрос к докладчику. Отец дела номер семьдесят два. Фамилия, имя, отчество.

— Одну минутку,— вмешался я.— У Константина Константиновича девяносто четыре родителя пяти различных полов, девяносто шесть собратчиков четырех различных полов, двести семь детей пяти различных полов и триста девяносто шесть соутробцев пяти различных полов.

Эффект моего сообщения превзошел все ожидания. Лавр Федотович в замешательстве взял бинокль и поднес его ко рту. Хлебовводов беспрерывно облизывался. Фарфуркис яростно листал записную книжку.

На Выбегалло надеяться не приходилось, и я готовился к генеральному сражению — углублял траншею до полного профиля, минировал танкоопасные направления, оборудовал отсечные позиции. Погребца ломились от боеприпасов, артиллеристы застыли у орудий, пехоте было выдано по чарке водки. Эх, ребят со мной не было! Не было у меня резерва Главного Командования, был я один.

Тишина тянулась, набухала грозой, насыщалась электричеством, однако все это ожидание рева, грохота, ляга окончилось пшиком. Хлебовводов вдруг осклабился, наклонился к уху Лавра Федотовича и принялся что-то нашептывать ему, бега по углам замаслившимися глазами. Лавр Федотович опустил обслоненный бинокль и произнес дрогнувшим голосом:

— Продолжайте докладывать, товарищ Зубо.

Комендант с готовностью отложил список родственников и зачитал:

— Пункт двенадцатый. Адрес постоянного места жительства: Галактика, звезда Антарес, планета Константина, государство Константиния, город Константинов, вызов 457 дробь 14-9. Все.

— Протестую,— сказал Фарфуркис окрепшим голосом. Лавр Федотович благосклонно взглянул на него. Опала кончалась, и Фарфуркис со слезами счастья на глазах затарахтел: — Я протестую! В описании возраста допущена явная нелепость. В анкете указана дата рождения — двести тринадцатый год до нашей эры. Если бы это было так, то делу номер семьдесят два было бы сейчас больше двух тысяч лет, что на две тысячи лет превышает максимальный известный науке возраст. Я требую уточнить дату и наказать виновного.

— Ему действительно две тысячи лет,— сказал я.

— Это антинаучно,— возразил Фарфуркис.— Вы, товарищ свидетель, напрасно воображаете, что вам позволят здесь оперировать антинаучными заявлениями. Мы здесь тоже кое-что знаем, и я говорю сейчас даже не о гигантском опыте нашего руководства, но просто о нашем знании научной литературы. В последнем номере журнала «Здоровье»... — И он подробно рассказал содержание статьи о геронтологии в последнем номере журнала «Здоровье». Когда он кончил, Хлебовводов ревниво спросил:

— А может быть, он горец, откуда вы знаете?

— Но позвольте! — вскричал Фарфуркис.— Даже среди горцев максимальный возможный возраст...

— Не позволю я вам преуменьшать достижения наших славных горцев! Если хотите знать, то максимально возможный возраст наших горцев предела не имеет! — И он победоносно поглядел на Лавра Федотовича.

— Народ... — произнес Лавр Федотович.— Народ вечен. Пришельцы приходят и уходят, а народ наш, великий народ пребывает веками.

Фарфуркис и Хлебовводов задумались, прикидывая, в чью же пользу высказался председатель. Ни тому, ни другому рисковать не хотелось. Один был на гребне и не желал из-за какого-то паршивого пришельца с этого гребня ссыпаться. Другой, глубоко, глубоко внизу, висел над пропастью, но ему только что была сброшена спасательная бечевка. А между тем Лавр Федотович произнес:

— У вас все, товарищ Зубо?

Вопросы есть? Есть предложение вызвать дело, поименованное Константиновым Константином. Других предложений нету? Пусть дело войдет.

Комендант поблел, закурил губу и вытащил из кармана

перламутровую коробочку.
— Пусть дело войдет,— повторил Лавр Федотович, чуть повышая голос.
— Сейчас, сейчас,— пробормотал комендант. Ему было страшно.
— Ну чего ты стоите? — возмущенно спросил Хлебовводов.— Мне прикажете за ним идти?

Тогда комендант решился. Он зажмурил глаза и нажал на перламутровую крышку. Раздался звук откупориваемой бутылки, и рядом с демонстрационным столом появился Константин. По-видимому, вызов захватил его во время работы: он был в комбинезоне, залепанном флюоресцентной смазкой, передние руки его были в рабочих металлических перчатках, а задние он торопливо вытирал о спину. Все четыре глаза его еще хранили озабоченное, деловое выражение. По комнате распространился сильный запах Большой Химии.

— Здравствуй,— сказал Константин обрадованно, сообразив, наконец, куда попал.— Наконец-то вы меня вызвали. Правда, дело мое пустяковое, неловко даже вас беспокоить, но я в безвыходном положении, мне только и остается что просить о помощи. Чтобы не задерживать долго ваше внимание, что мне нужно? — Он принялся загибать пальцы на правой передней руке.— Лазерную сверлильную установку, но самой высокой мощности. Плазменную горелку, у вас такие уже есть, я знаю. Два инкубатора на тысячу яиц каждый. Для начала мне этого хватит, но хорошо бы еще квалифицированного инженера и чтобы разрешили работать в лабораториях ФИАНа...

— Так какой же это пришелец? — с изумлением и негодованием произнес Хлебовводов.— Какой он, я спрашиваю, пришелец, если я его каждый день вижу в ресторане? Вы, собственно, гражданин, кто такой и как сюда попали?

— Я — Константин из системы Антареса... — Константин смутился.— Я думал, что вы уже все знаете... Меня уже опрашивали, я анкету заполнял... — Он заметил Выбегаллу и приветливо ему улыбнулся.— Ведь это вы меня опрашивали, верно?

Хлебовводов тоже обратился к Выбегалле.
— Так это, по-вашему, пришелец? — язвительно спросил он.

— Эта... — сказал Выбегалло с достоинством.— Современная наука не отрицает, значить, возможности прибытия пришельцев, товарищ Хлебовводов, надо быть в курсе. Это официальное мнение, не мое, а гораздо более ответственных научных работников... Джордано Бруно, например, высказывался по этому вопросу вполне официально... Академик Волосьянис Левон Альфредович тоже... и... эта... писатели Уэльс, например, или, скажем, Тьмутараканов...

— Странные какие-то дела творятся,— сказал Хлебовводов с недоверием.— Пришельцы какие-то странные пошли...

— Я вот смотрю фотографию в деле,— подал голос Фарфуркис,— и вижу, что общее сходство имеется, но у товарища на фотографии две руки, а у этого неизвестного гражданина — четыре. Как это с точки зрения науки может быть объяснено?

Выбегалло разразился длинной французской цитатой, смысл которой сводился к тому, что некий Артур любил поутру выйти на берег моря, предварительно выпив чашку шоколада. Я перебил его и сказал:

— Костя, встаньте, пожалуйста, к товарищу Фарфуркису лицом.

Константин повиновался.
— Так-так-так,— сказал Фарфуркис.— С этим мы разобрались. Должен вам сказать, Лавр Федотович, что сходство фотографии с этим вот товарищем несомненное. Вот четыре глаза я вижу... да, четыре. Носа нет... Да... Рот крючком. Все правильно.

— Ну, не знаю,— сказал Хлебовводов.— О пришельцах ясно писали в прессе, и утверждалось там, что если бы пришельцы существовали, они давали бы нам о себе знать. А поскольку, значит, не дают о себе знать, то их и нет, а есть одна выдумка недобросовестных лиц... Вы пришелец? — гаркнул он вдруг на Константина.

— Да,— сказал Константин, попятившись.

— Знать вы о себе давали?

— Я не давал,— сказал Константин.— Я вообще не собирался у вас приземляться. И дело ведь не в этом, по-моему...

— Нет уж, гражданин хороший, ты мне это бросьте. Именно в этом дело и есть. Дал о себе знать — милости просим, хлеб-соль выносим, пей-гуляй. А не дал, не обессудь. Амфибрахий амфибрахийем, а мы тут тоже деньги не даром получаем. Мы тут работаем и отвлекаться на посторонних не можем. Таково мое общее мнение.

— Грррм,— произнес Лавр Федотович.— Кто еще желает высказаться?

— Я, с вашего позволения,— попросил Фарфур-

кис.— Товарищ Хлебовводов в целом верно изобразил положение вещей. Однако мне кажется, что, несмотря на загруженность работой, мы не должны отмахиваться от товарища. Мне кажется, мы должны подойти более индивидуально к этому конкретному случаю. Я — за более тщательное расследование. Никто не должен получить возможность обвинять нас в поспешности, бюрократизме и бездушии, с одной стороны, а также в халатности, прекраснородушии и отсутствии бдительности, с другой стороны. С позволения Лавра Федотовича я предложил бы провести дополнительный опрос гражданина Константинова с целью выяснения его личности.

— Чего это мы будем подменять собой милицию? — сказал Хлебовводов, чувствуя, что поверженный соперник вновь неудержимо лезет вверх по склону.

— Прошу прощения! — сказал Фарфуркис.— Не подменяй собой милицию, а содействовать исполнению духа и буквы инструкции, где в параграфе девятом главы первой части шестой сказано по этому поводу... — Голос его повысился до торжествующей звонкости.— «В случае, когда идентификация, произведенная научным консультантом совместно с представителями администрации, хорошо знающими местные условия, вызывает сомнения Тройки, надлежит произвести дополнительное изучение дела на предмет уточнения идентификации совместно с уполномоченным Тройки или на одном из заседаний Тройки». Что я и предлагаю.

— Инструкция, инструкция,— сказал Хлебовводов гнусаво.— Мы будем по инструкции, а он тут нам голову будет морочить, жулик четырехглазый... время будет у нас отнимать. Народное время! — воскликнул он страдальчески, косясь на Лавра Федотовича.

— Почему же это я жулик? — осведомился Константин с возмущением.— Вы меня оскорбляете, гражданин Хлебовводов. И вообще я вижу, что вам совершенно безразлично, пришелец я или не пришелец, вы только стараетесь подсадить гражданина Фарфуркиса и выиграть в глазах гражданина Вунюкова... Это бесчестно...

— Клевета! — наливаясь кровью, заорал Хлебовводов.— Оговаривают! Да что же это, товарищи? Двадцать пять лет, куда прикажут... Ни одного взыскания... Всегда с повышением...

— И опять врете,— хладнокровно сказал Константин.— Два раза вас выгоняли без всякого повышения.

— Да это навет! Это политический донос! Не те времена, товарищ Константинов! Мы еще посмотрим, чем ваша сотня родителей занималась, что это были за родители... Набрал, понимаете, родственников целое учреждение...

— Грррм,— проговорил Лавр Федотович.— Есть предложение прекратить прения и подвести черту. Другие предложения есть?

Наступила тишина. Фарфуркис, не слишком скрываясь, торжественно Хлебовводов вытирался платком, а Константин пристально вглядывался в Лавра Федотовича, явно тчась прочесть его мысли или хотя бы проникнуть в его душу, однако видно было, что все его старания пропадают втуне, и в четырехглазое, безносое лицо его виделась мне все более отчетливо проступающая разочарованность опытного кладоискателя, который отвалил заветный камень, засунул по плечу руку в древний тайник, но никак не может там нащупать ничего, кроме нежной пыли, липкой паутины и каких-то неопределенных крошек.

— Поскольку других предложений не поступает,— провозгласил Лавр Федотович,— приступим к доследованию дела. Слово предоставляется... — Он сделал томительную паузу, во время которой Хлебовводов чуть не умер,— товарищу Фарфуркису.

Хлебовводов, очутившись на дне зловонной пропасти, безумными глазами следил за полетом стервятника, свершающего круг за кругом в недоступной теперь ведомственной синеве. Фарфуркис же не торопился начинать. Он проделал еще пару кругов, обдавая Хлебовводова пометом, затем уселся на гребне, почистил перышки, охорашиваясь и кокетливо поглядывая на Лавра Федотовича, и наконец приступил:

— Вы утверждаете, товарищ Константинов, что вы есть пришелец с иной планеты. Какими документами вы могли бы подтвердить это ваше заявление?

— Я мог бы показать вам свой бортовой журнал,— сказал Константин,— но, во-первых, он нетранспортбелен, а во-вторых, я вообще не хотел бы затрудняться и затруднять вас какими-то доказательствами. Ведь я пришел сюда, чтобы просить у вас помощи. Всякая планета, входящая в космическую конвенцию, обязана оказывать помощь потерпевшим аварии. Я уже сказал, что мне нужно, и теперь только жду ответа. Может быть, вы неспособны оказать мне эту помощь, тогда лучше сказать мне об этом прямо... Тут нет ничего стыдного...

— Минуточку,— прервал его Фарфуркис.— Вопрос о компетентности настоящей комиссии в смысле оказания помощи представителям иных планет мы пока отложим. Наша задача сейчас — идентифицировать вас, товарищ Константинов, как такового представителя... Минуточку, я еще не кончил. Вы упомянули

бортовой журнал и заявили, что он, к сожалению, нетранспортбелен. Но, может быть, Тройка получит возможность осмотреть оный журнал непосредственно на борту вашего корабля?

— Нет, это невозможно,— вздохнул Константин. Он внимательно изучал Фарфуркиса.

— Ну что же, это ваше право,— сказал Фарфуркис.— Но в таком случае вы, быть может, представите нам какую-нибудь иную документацию, могущую служить удостоверением вашего происхождения?

— Я вижу,— сказал Константин с некоторым удивлением,— что вы действительно хотите убедиться в том, что я пришелец. Правда, мотивы ваши мне не совсем понятны... Но не будем об этом. Что касается доказательств, то неужели мой внешний вид не наводит вас на правильные умозаключения?

Фарфуркис с сожалением покачал головой.

— Увы,— сказал он,— все обстоит не так просто. Наука не дает нам вполне четкого представления о том, что есть человек. Это естественно. Если бы, например, наука определила людей как существо с двумя глазами и двумя руками, значительные слои населения, обладающие лишь одной рукой или вовсе безрукое, оказались бы в ложном положении. С другой стороны, медицина в наше время творит чудеса. Я сам видел по телевизору собак с двумя головами и с шестью лапами, и у меня нет никаких оснований...

— Тогда, может быть, вид моего корабля... Вид, достаточно необычный для вашей земной техники...

И вновь Фарфуркис покачал головой.
— Вы должны понимать,— мягко сказал он,— что в наш атомный век члена ответственного органа, имеющего специальный допуск, трудно удивить каким бы то ни было техническим сооружением.

— Я могу читать мысли,— сообщил Константин.— Телепатия антинаучна,— мягко сказал Фарфуркис.— Мы в нее не верим.

— Вот как? — удивился Константин.— Странно... Но послушайте, что я сейчас скажу. Вот вы, например, намерены рассказать мне о казусе с «Наутилусом», а вот гражданин Хлебовводов...

— Навет! — хрипло закричал Хлебовводов, и Константин замолк.

— Поймите нас правильно,— проникновенно сказал Фарфуркис, прижимая руки к полной груди.— Мы ведь не утверждаем, что телепатии не существует. Мы утверждаем лишь, что телепатия антинаучна и что мы в нее не верим. Вы упомянули про казус с подводной лодкой «Наутилус», но ведь хорошо известно, что это лишь буржуазная утка, сфабрикованная для того, чтобы отвлечь внимание народов от насущных проблем сегодняшнего дня. Так что ваши телепатические способности, истинные или вами воображенные, являются лишь фактом вашей личной биографии, каковая и есть в настоящий момент объект нашего расследования. Вы чувствуете замкнутый круг?

— Чувствую,— согласился Константин.— Но если бы я, скажем, сейчас при вас немного полетал?

— Это было бы, конечно, интересно. Но мы, к сожалению, сейчас на работе и не можем предаваться зрелищам, даже самым захватывающим.

Константин вопросительно посмотрел на меня. Мне казалось, что положение безнадежно, мне было вообще не до шуток: Константин этого не понимал, но Большая Круглая Печать уже висела над ним как дамочков меч. А ребят все не было, и я не знал, что делать. Можно было только тянуть время, и я сказал:

— Давайте, Костя.

Костя дал. Сначала он давал несколько вяло, осторожно, боялся что-нибудь поломать, но постепенно увлекся и продемонстрировал ряд чрезвычайно эффективных экзерсисов с пространственно-временным континуумом, с различными трансформациями живого коллоида и с критическими состояниями органов отражения. Когда он остановился, у меня кружилась голова, пульс неистовствовал, трещало в ушах, и я еле расслышал усталый голос Пришельца:

— Время уходит. Говорите, что вы решили.

И опять никто ему не ответил. Лавр Федотович задумчиво вертел длинными пальцами коробочку диктофона. Умное лицо его было спокойно и немного печально. Полковник ни на что не обращал внимания или делал вид, что не обращает. Он нацарапал записку, перебрал ее зубо, а тот внимательно прочитал ее и бесшумно пробежал пальцами по клавиатуре информационной машины. Фарфуркис листал справочник, уставясь в страницы невидящими глазами. А Хлебовводов мучился. Он кусал губы, морщился, даже тихонько покрхтывал. Из машины с сухим щелчком вылетела белая карточка, зубо подхватил ее и передал полковнику.

— Скачок в тысячу лет,— сказал Хлебовводов.

— Скачок назад,— проговорил Фарфуркис сквозь зубы. Он все листал справочник.

— Я не знаю, как мы теперь будем работать,— сказал Хлебовводов.— Мы заглянули в конец задачника, где все ответы.

— Но вы же еще не видели ответов,— возразил Фарфуркис.— Хотите увидеть?

— Какая разница,— сказал Хлебовводов,— раз мы знаем, что ответы есть. Скучно искать, когда совершенно точно знаешь, что кто-то уже нашел.

Пришелец ждал, переплетая руки. Ему было неудобно в кресле с низкой спинкой, и он сидел, напряженно выпрямившись. Полковник отшвырнул карточку, написал новую записку, и Зубо склонился над клавиатурой.

— Я знаю, что мы должны отказаться,— сказал Хлебовводов.— И я знаю, что мы двадцать раз проклянем себя за такое решение.

— Это еще не самое плохое, что с нами может случиться,— сказал Фарфуркис.— Хуже, если нас двадцать раз проклянут другие.

— Наши внуки, а может быть, даже дети восприняли бы все как данное.

— Нам не должно быть безразлично, что именно наши дети будут воспринимать как данное.

— Моральные критерии гуманизма,— сказал Хлебовводов, слабо усмехнувшись.

— У нас нет других критериев,— возразил Фарфуркис.

— К сожалению,— сказал Хлебовводов.

— К счастью, коллега, к счастью. Всякий раз, когда человечество пользовалось другими критериями, оно жестоко страдало.

— Я знаю это. Хотел бы я этого не знать.— Хлебовводов посмотрел на Лавра Федотовича.— Проблема, которую мы здесь решаем, поставлена некорректно. Она базируется на смутных понятиях, на неясных формулировках, на интуиции. Как ученый я не берусь решать эту задачу. Это было бы несерьезно. Остается одно: быть человеком. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я — против территориального контакта... Это ненадолго! — возбужденно выкрикнул он, всем телом подавшись в сторону неподвижного Пришельца.— Вы должны нас правильно понять... Я уверен, что это ненадолго. Дайте нам время, мы ведь так недавно вышли из хаоса...

Лавр Федотович посмотрел на Фарфуркиса.

— Я могу лишь повторить то, что говорил раньше,— негромко сказал Фарфуркис.— Меня никто ни в чем не переубедил. Я против всякого контакта на исторически длительные сроки... Я абсолютно уверен,— вежливо добавил он,— что высокая договаривающаяся сторона восприняла бы всякое иное наше решение как свидетельство самонадеянности и социальной незрелости.— Он коротко поклонился в сторону Пришельца.

— Полковник? — произнес Лавр Федотович.

— Категорически против всякого контакта,— отозвался полковник, продолжая писать.— Категорически и безусловно.— Он перебрал Зубо очередную записку.— Обоснований не привожу, но прошу оставить за мной право сказать еще несколько слов по этому поводу через десять минут.

Лавр Федотович осторожно положил диктофон и медленно поднялся. Пришелец тоже поднялся. Они стояли друг против друга, разделенные огромным столом, заваленным справочниками, футлярами микрокинг, катушками видеоманитной записи.

— Мне нелегко сейчас говорить,— начал Лавр Федотович.— Нелегко уже потому, что обстоятельства требуют, вероятно, высокой патетики и слов, не только точных, но и торжественных. Однако здесь, у нас на Земле, все патетическое в силу ряда обстоятельств претерпело за последний век решительную инфляцию. Поэтому я постараюсь быть просто точным. Вы предложили нам дружбу и сотрудничество во всех аспектах цивилизации. Это предложение беспрецедентно в человеческой истории, как беспрецедентен и сам факт появления инопланетного существа на нашей планете и как беспрецедентен наш ответ на ваше предложение. Мы отвечаем вам отказом по всем пунктам предложенного вами договора, мы отказываемся выдвинуть какой бы то ни было контракт, мы категорически настаиваем на полном прекращении каких бы то ни было контактов между нашими цивилизациями и между их отдельными представителями. С другой стороны, нам не хотелось бы, чтобы такой категорический, недружелюбный по форме отказ углубил бы пропасть между нашими культурами, пропасть, и без того едва преодолимую. Мы имеем заявить, что идея контакта между различными цивилизациями в космосе признается нами в принципе полезной и многообещающей. Мы имеем подчеркнуть, что идея контакта с древнейших времен входила в сокровищницу самых лелеемых, самых гордых замыслов нашего человечества. Мы имеем уверить вас, что наш отказ ни в коем случае не должен рассматриваться вами как движение враждебное, основанное

на скрытом недружелюбии или связанное с физиологическими и иными инстинктивными предрассудками. Нам хотелось бы, чтобы причины отказа были вам известны, вами поняты и если не одобрены, то по крайней мере приняты к сведению.

Хлебовводов и Фарфуркис в неподвижном напряжении, не мигая, глядели на Лавра Федотовича. Полковник отлучил ответ на последнюю записку, сложил все карточки в аккуратную пачку и тоже стал смотреть на Лавра Федотовича.

— Неравенство между нашими цивилизациями огромно,— продолжал Лавр Федотович.— Я не говорю о неравенстве биологическом — природа одарила вас более щедро, чем нас. Не стоит говорить и о неравенстве социальном — вы давно уже прошли ту стадию общественного развития, в которую мы едва лишь вступили. И уже, конечно, я не говорю о неравенстве научно-техническом — по самым скромным подсчетам, вы обогнали нас на несколько веков. Я буду говорить о прямом следствии этих трех аспектов неравенства, о гигантском психологическом неравенстве, которое и является главной причиной неудач наших переговоров. Нас разделяет гигантская революция в массовой психологии, к которой мы только начали готовиться и о которой вы, наверное, давно уже забыли. Психологический разрыв не позволяет нам составить правильное представление о целях вашего прибытия сюда, мы не понимаем, зачем ВАМ нужны дружба и сотрудничество с нами. Ведь мы только-только вышли из состояния беспрерывных войн, из мира кровопролития и насилия, из мира лжи, подлости, корыстолюбия, мы еще не отмылись от грязи этого мира, и когда мы сталкиваемся с явлениями, которые наш разум не способен вскрыть, когда в нашем распоряжении остается только наш огромный, но не освоенный еще опыт, наша психология побуждает нас строить модель явления по нашему образу и подобию. Грубо говоря, мы не доверяем вам, как не доверяем все еще самим себе. Наша массовая психология базируется на эгоизме, утилитаризме и мистике. Установление и расширение контактов с вами означает для нас прежде всего угрозу немислимого усложнения и без того сложного положения на нашей планете. Наш эгоизм, наш антропоцентризм, тысячелетиями воспитанный в нас религиями и наивными философиями уверенность в нашем изначально превосходстве, в нашей исключительности и избранности — все это грозит породить чудовищный психологический шок, вспышку иррациональной ненависти к вам, истерического страха перед вашими невообразимыми возможностями, ощущение огромного унижения и внезапного падения с трона царя природы в грязь. Наш утилитаризм породит у огромной части населения стремление бездумно воспользоваться материальными благами прогресса, доставшегося без усилий, даром, грозит необратимо повернуть души к тунеядству и потребительству, а, видит бог, мы уже сейчас отчаянно боремся с этим, как со следствием нашего собственного научно-технического прогресса. Что же касается нашего закоренелого мистицизма, нашей застарелой надежды на добрых богов, добрых царей и добрых героев, надежды на вмешательство авторитетной личности, которая грядет и снимет с нас все заботы и всю ответственность, что касается этой оборотной стороны нашего эгоизма, то вы, вероятно, даже представить себе уже не можете, каков будет в этом смысле результат вашего постоянного присутствия у нас на планете. Я надеюсь, вы теперь и сами видите, что расширение контакта грозит свести к нулю то небольшое, что нам с огромным трудом удалось пока сделать в области подготовки к революции в психологии. И вы должны понимать, что не в вас, не в ваших достоинствах и ваших недостатках лежит причина нашего отказа от контакта — она лежит только в нас, в нашей неподготовленности. Мы отчетливо понимаем это и, категорически отказываясь от расширения контакта с вами сегодня, мы отнюдь не собираемся увековечивать такое положение. Поэтому мы, со своей стороны, предлагаем...

Лавр Федотович повысил голос, и все встали.

— Мы предлагаем ровно через пятьдесят лет после вашего отлета повторить встречу полномочных представителей обеих цивилизаций на северном полюсе планеты Плутон. Мы надеемся, к этому времени мы окажемся более подготовленными к обдуманному и благоприятному сотрудничеству наших цивилизаций.

Лавр Федотович кончил и сел, и все мы сели. Остались стоять только полковник и Пришелец.

— Присоединяясь целиком и полностью к содержанию и форме изложенного здесь председателем,— резко и сухо заговорил полковник,— я считаю своим долгом, однако, не оставлять никаких сомнений у высокой договаривающейся стороны в нашей решимости всеми средствами не допускать контакта до условленного времени. Полностью признавая огромное техническое, а следовательно, и военное превосходство высокой договаривающейся стороны, я тем не менее считаю своим долгом совершенно недвусмысленно заявить, что любая попытка насильственного навязывания контакта, в какой бы форме она ни предпринималась, будет рассматриваться с момента вашего отлета как акт агрессии и будет встречена всей мощью земного оружия. Всякий корабль, появившийся

в сфере достижения наших боевых средств, будет уничтожаться без предупреждения...

— Ну товарищи! — прервал его Фарфуркис.— Ну невозможно же работать, ну куда мы опять заехали?

Полковник пожевал губами, мутно огляделся, сел и тотчас же захаркал с присвистом.

— Да, да! — сказал Хлебовводов.— Надо кончать. Я тут в меньшинстве, но я — что? Я — пожалуйста... Не хотите его в милицию, не надо. А только рационализировать нам этого фокусника как необъясненное явление, ей-богу, ни к чему. Подумаешь, отрастил себе еще две руки...

— Не берет,— горько произнес невидимый Эдик.— Ничто их не берет. Разве плохой был этюд?

— Отличный этюд,— торопливо шепнул я.— Отличный... Только ты не уходи, сейчас начнется...

— Гррр,— сказал Лавр Федотович и разразился небольшой речью, из которой следовало, что народу не нужны необъяснимые явления, которые могли бы представить, но по тем или иным причинам не представляют документацию, удостоверяющую их право на необъясненность. С другой стороны, народ давно уже требует беспощадного выкорчевывания бюрократизма и бумажной волокиты во всех инстанциях. На основании этого тезиса Лавр Федотович выражал общее мнение, что рассмотрение дела семьдесят два надлежит перенести на декабрь месяц текущего года с тем, чтобы дать возможность товарищу Константинову К. К. отбыть по месту постоянного жительства и успеть вернуться оттуда с надлежаще оформленными документами. Что же касается оказания товарищу Константинову К. К. материальной помощи, то Тройка имеет право оказывать такую или ходатайствовать об оказании таковой лишь в тех случаях, когда проситель представляет собой идентифицированное ею, Тройкой, необъясненное явление. А поскольку товарищ Константинов К. К. как таковое явление еще не идентифицирован, то и вопрос о предоставлении ему помощи откладывается до декабря, а точнее — до момента идентификации...

Большая Круглая Печать на сцене не появилась, и я облегченно вздохнул. Константин же, который в ситуации так до конца и не разобрался и которого уже давно распырало, демонстративно плюнул и исчез.

— Это выпад! — радостно закричал Хлебовводов.— Видали, как он харкнул? Весь пол заллевал!

— Возмутительно, — согласился Фарфуркис. — Я квалифицирую это как оскорбление.

— Я же говорил — жулик! — сказал Хлебовводов.— Надо связаться с милицией, пускай его посадят на пятнадцать суток, пускай он улицы пометет в четыре руки!..

— Не-ет, товарищ Хлебовводов,— возразил Фарфуркис.— Здесь уже не милицией пахнет, здесь вы недооцениваете, это плевок в лицо общественности и администрации, это дело подсудное!

Лавр Федотович безмолвствовал, но его короткие вснушчатые пальцы возбужденно бегали по столу — то ли он искал какую-то особенную кнопку, то ли телефон. Запахло политической уголовщиной. Выбегалло, которому на Константина было глубоко начать, не мычал и не телился. Я прокашлялся и попросил внимания. Внимание было мне даровано, хотя и не очень охотно, — глаза уже возбужденно сверкали, загарки щетинились, клыки готовы были рвать.

Стараясь говорить по возможности более веско, я напомнил Тройке, что в ее интересах занимать галактоцентрические, а отнюдь не антропоцентрические позиции. Я указал, что обычаи и способы выражения чувства у инопланетных существ могут и должны сильно отличаться от человеческих. Я обратился к изжеванной аналогии с обычаями различных племен и народов нашей планеты. Я выразил уверенность, что товарища Фарфуркиса не удовлетворило бы потирание носами в качестве приветствия, принятого некоторыми народами Севера, но что товарищ Фарфуркис все-таки вряд ли воспринял бы это потирание как унижение его положения члена Тройки. Что касается товарища Константинова, то обычай сплевывать на землю избыток жидкости определенного химического состава, образующейся в ротовой полости, обычай, означающий у некоторых народов Земли неудовольствие, раздражение или стремление оскорбить собеседника, может и должен у инопланетного существа выражать нечто совершенно иное, в том числе и благодарность за внимание. Так называемый плевок товарища Константинова мог представлять собой и чисто нейтральную акцию, связанную со спецификой физиологического функционирования его организма... («Чего там — функция!» — заорал Хлебовводов.— Заплевал весь пол, как бандит, и смысл!») Наконец, нельзя упускать из виду возможности интерпретировать упомянутое физиологическое отправление товарища Константинова как действие, связанное с его способом молниеносного передвижения в пространстве...

Я разливался соловьем и с облегчением наблюдал, как пальцы Лавра Федотовича двигались все медленнее и медленнее и наконец покойно улеглись на бюваре. Хлебовводов продолжал еще угрожающе рвать, но чуткий Фарфуркис быстро уловил изменение ситуации и перенес острие удара в совершенно неожиданную сторону. Он вдруг обрушился на коменданта, который до сих пор, считая себя в полной безопасности, с простодушным любопытством наблюдал развитие инцидента.

— Я давно уже обратил внимание на то, — загремел Фарфуркис, — что воспитательная работа в Колонии необъяснимых явлений поставлена безобразно. Политико-просветительные лекции почти не проводятся. Доска наглядной агитации отражает вчерашний день. Вечерний университет культуры практически не функционирует. Все культурные мероприятия в Колонии сведены к танцушкам, к демонстрации зарубежных фильмов, к пошлым эстрадным представлениям. Лозунговое хозяйство запущено. Колонисты предоставлены сами себе, многие из них морально опустошены, почти никто не разбирается в международном положении, а самые отсталые из колонистов — например, дух некоего Винера — даже не понимают, где они находятся. В результате аморальные поступки, хулиганства и поток жалоб от населения. Позавчера птеродактиль Кузьма, покинув территорию Колонии и, несомненно, находясь в нетрезвом виде, летал над клубом рабочей молодежи и скусывал электрические лампочки, окаймляющие транспарант с надписью «Добро пожаловать». Некий Николай Долгоносиков, именуемый себя телепатом и спиритом, обманым путем проник в женское общежитие педагогического техникума и производил там беседы и действия, которые были квалифицированы администрацией как религиозная пропаганда. И вот сегодня мы сталкиваемся с новым печальным следствием преступно-халатного отношения коменданта Колонии товарища Зубо к вопросам воспитания и пропаганды. Чем бы ни было на самом деле сплевывание товарищем Константиновым избытка жидкости из ротовой полости, оно свидетельствует о недостатке понимания товарищем Константиновым, где он находится и как обязан себя вести, а это, в свою очередь, есть просчет товарища Зубо, который не разъяснил колонистам смысл пословицы народной «В чужой монастырь со своим уставом не суйся». И я считаю, что мы обязаны поставить на вид товарищу Зубо и обязать его повысить уровень воспитательной работы во вверенной ему Колонии!

Фарфуркис закрутился, и за коменданта принял Хлебовводов. Речь его была несвязна, но полна смутных намеков и угроз такого жуткого смысла, что комендант совсем ослабел и открыто глотал пилюли, пока Хлебовводов орал: «Я тебя полюблю!.. Ты понимаешь что или совсем ошалели?..» «Грррр», — сказал наконец Лавр Федотович и пошел ставить камешные точки над разными буквами. Комендант получил на вид за недстойное поведение в присутствии Тройки, выразившееся в плевание на пол товарищем Константиновым, а также за утрату административного обоняния. Товарищ Константинов К. К. получил предупреждение в дело за хождение по потолку в обуви. Фарфуркис получил устное замечание за систематическое превышение регламента при выступлениях, а Хлебовводов — за нарушение административной этики, выразившееся в попытке облыжно оболгать товарища Константинова К. К. Выбегалле был объявлен устный выговор за появление в строю в небритом виде.

— Других предложений нет? — осведомился Лавр Федотович. Хлебовводов сейчас же ткнулся к нему в ухо и зашептал. Лавр Федотович выслушал и закончил: — Есть также предложение напомнить некоторым членам Тройки о необходимости более активно участвовать в ее работе.

Теперь получили все. Атмосфера сразу очистилась, все повеселело. А полковник явственно произнес:

— Так точно, товарищ генерал! Так точно, старый дурак!

Пока комендант отыскивал следующее дело, я смотрел на полковника. Руки его непрерывно подергивались во сне: то ли он включал третью скорость, то ли скребницей чистил он своего боевого коня. Я смотрел на него и все пытался представить боевой путь и послужной список человека, которому не менее восьмидесяти лет, который дослужился до полковника и ухитрился за все это астрономическое время выслужить всего три юбилейные медали. Вероятно, все дело было в его этакоткавалерийской военной специальности. В самой идее мотокавалерии чудилось мне нечто апокалиптическое. То мне представлялись приземистые бронетранспортеры, над клепаными бортами которых торчали оскаленные лошадиные пасти и осанисто возвышались чубатые всадники в бурках и с пиками перед собой. То эта картина заслонялась зрелищем совсем уже фантастическим: по полю брани лихо раз-

ворачивается в лаву табун лошадей, оседланных мотоциклистами на мотоциклах, и все мотоциклы как один — на третьей скорости... Но тут я вспомнил, что полковник был современным и, может быть, даже участником первых успехов авиации и дирижаблестроения, и тогда виделись мне гигантские баллоны, из гондол которых, брыкаясь и ржа, сыплются на головы ошеломленного противника кавалерийские эскадроны на парашютах...

— Следующий, — произнес Лавр Федотович. — Доложите, товарищ Зубо.

— Дело номер второе, — зачитал комендант. — Фамилия: прочерк. Имя: прочерк. Отчество: прочерк. Кличка: Кузьма.

Я вздрогнул. Вот и нашему Кузьке настал черед. «Эдик, — шепотом позвал я. — Ты здесь?» «Здесь», — отозвался Эдик. «Ты не уходи, Эдик, — попросил я. — Кузьку надо спасти»...

— Год и место рождения, — продолжал комендант. — Не установлено. Вероятно, Конго.

— Он что, немой, что ли? — благодушно осведомился Хлебовводов.

— Говорить не умеет, — ответил комендант. — Только квакает.

— От рождения такой?

— Надо полагать, да.

— Наследственность, стало быть, плохая, — проворчал Хлебовводов. — Оттого он и в бандиты подался. Судимостей много?

— У кого? — спросил комендант. — У меня?

— Да нет, почему — у тебя? У этого... У бандита. Как его там по кличке? Васька?

— Протестую, — нетерпеливо сказал Фарфуркис. — Товарищ Хлебовводов исходит из предвзятого мнения, что клички бывают только у бандитов. Между тем в инструкции в параграфе восьмом главы четвертой части второй предлагается наделять кличкой необъясненное явление, которое идентифицируется как живое существо, не обладающее разумом.

— А! — сказал Хлебовводов разочарованно. — Собака какая-нибудь. А я думал — бандит. Это когда я заведовал кассой взаимопомощи театральных деятелей при ВТО, был у меня кассир...

— Я протестую! — плачущим голосом закричал Фарфуркис. — Это нарушение регламента! Так мы до ночи не кончим!

Хлебовводов поглядел на часы.

— И верно, — сказал он. — Извиняюсь. Валяйте, браток, где ты там остановились?

— Пункт пятый, — прочитал комендант. — Национальность: птеродактиль.

Все содрогнулись, но время поджимало, и никто не сказал ни слова.

— Образование: прочерк, — продолжал читать комендант. — Знание иностранных языков: прочерк. Профессия и место работы в настоящее время: прочерк. Был ли за границей: вероятно, да...

— Ох, это плохо, — пробормотал Хлебовводов. — Плохо это! Ох, бдительность... Птеродактиль, говорите? Это что же — белый он? Черный?

— Он, как бы это сказать, сероватый такой, — объяснил комендант.

— Ага, — сказал Хлебовводов. — И говорить не может, только квакает... Ну ладно, дальше.

— Краткая сущность необъясненности: считается вымершим пятьдесят миллионов лет назад.

— Сколько? — переспросил Фарфуркис.

— Пятьдесят миллионов тут написано, — несмело сказал комендант.

— Несерьезно все это как-то, — пробормотал Фарфуркис и поглядел на часы. — Да читайте же, — простонал он. — Дальше читайте!

— Данные о ближайших родственниках: вероятно, все вымерли. Адрес постоянного местожительства: Китежград. Колония необъясненных явлений.

— Прописан? — строго спросил Хлебовводов.

— Да вроде как бы прописан, — ответил комендант. — Как заявил он, как занесли его в книгу почетных посетителей, так с тех пор и пребывает. Прижился Кузьма. — В голосе коменданта послышались нежные нотки: Кузьке он покровительствовал.

— У вас все? — осведомился Лавр Федотович. — Тогда есть предложение вызвать дело.

Других предложений не было, комендант отдернул штору на окне и ласково позвал:

— Кузь-кузь-кузь-кузь... Вон, сидит на трубе, паршивец, — произнес он нежно. — Стесняется... Стеснительный он очень. Ку-ууу! Кузь-Кузь-Кузь... Летит, жулик, — сообщил он, отступая от окна.

Послышался кожистый шорох и свист, огромная тень на секунду закрыла небо, и Кузька, трепеща распахнутой перепонкой, плавно опустился на демонстрационный стол. Сложив крылья, он задрал голову, разинул длинную зубастую пасть и тихонько квакнул.

— Это он здоровается, — пояснил комендант. — Ве-е-ежливый сукин кот, все как есть понимает.

Кузька оглядел Тройку, встретился с мертвенным взглядом Лавра Федотовича и вдруг застеснялся всжлодом, закутался в крылья, спрятал пасть на брюхе и стал застенчиво выглядывать из кожистых складок одним глазом — огромным, зеленым, анахроничным, похожим на полураскрытую ирисовую диафрагму. Пре-

лесть был Кузька. Впрочем, на свежего человека он производил устрашающее впечатление. Хлебовводов на всякий случай что-то уронил и полез под стол, откуда пробормотал: «Я думал, собака какая-нибудь квакающая...»

— Кусается? — спросил Фарфуркис опасливо.

— Как можно! — сказал комендант. — Смирное животное, все его гоняют, кому не лень... Конечно, если рассердится... Только он никогда не сердится.

Лавр Федотович принял рассматривать птеродактиля в бинокль и вогнал его этим в окончательное смущение. Кузьма слабо квакнул и совсем спрятал голову в крыльях.

— Грррр! — удовлетворенно произнес Лавр Федотович и отложил бинокль.

Обстановка складывалась благоприятно.

— Я думал, это лошадь какая-нибудь, — бормотал Хлебовводов, ползая под столом.

— Разрешите мне, Лавр Федотович, — попросился Фарфуркис. — Я вижу в этом деле определенные трудности. Если бы мы занимались рассматриванием необычных явлений, я без колебания первым бы поднял руку за немедленную рационализацию. Действительно, крокодил с крыльями — явление довольно необычное в наших климатических условиях. Однако наша задача — рассматривать необъяснимые явления, и тут я испытываю недоумение. Присутствует ли в деле номер два элемент необъясненности? Если не присутствует, то почему мы должны это дело рассматривать? Если, напротив, присутствует, то в чем он, собственно, состоит? Может быть, товарищ научный консультант имеет сказать нам что-нибудь по этому поводу?

Товарищ научный консультант имел что сказать. На смешанном франко-русском жаргоне он поведал Тройке, что прическа Мари Брижон неизменно приводила в восхищение всех собиравшихся на рауты у барона де Водрейля, какового факта он, научный консультант, не может не признать; что необъяснимость... эта... данного ля птеродактеля Кузьма лежит, значить, в одной плоскости с его необычностью, о чем он, научный консультант, считает своим горьким, но почетным долгом напомнить товарищу Фарфуркису; что Платон был и остается его, научного консультанта, другом, но науке в лице его, научного консультанта, истина дороже; что крылатость крокодила или, точнее, наличие у некоторых крокодилов двух и более крыльев до сих пор наукой не объяснено, а потому он, научный консультант, попросил бы вашего садовника показать ему те чудесные туберозы, о которых вы говорили в прошлую пятницу; что, наконец, он, научный консультант, не видит особых причин откладывать рационализацию данного дела, но, с другой стороны, хотел бы оставить за собой право решительно возражать против таковой.

Пока Выбегалло трепался, в поте лица отработывая свой многосотенный оклад денежного содержания, я торопливо составлял план предстоящей кампании. Пока мне было ясно одно: передадут ли Кузьку в распоряжение банно-прачечного треста или даже в какой-нибудь посторонний НИИ — Кузьке будет плохо. Совершенно невозможно было отдать чужим людям нашего Кузьку, которого в Китежграде знает каждая собака, которого добротные бабки кормят с ладони пшенной кашей, который всегда готов слетать тебе за папиросами, готов посидеть с ребенком, пока ты в кино, готов поднести тебе тяжелую авоську, который привык к свободе, к доброму отношению... Нет-нет, это было невозможно. Тем более что наши зоопсихологи уже давно познакомились с Кузькой, очаровались им и теперь прикидывали, как поделкатнее, здесь же на месте, ни в чем Кузьку не стесняя, провести его обследование — без равнодушного общипывания, отрезания от него кусочков, просвечивания рентгеном и прочих штук. Кузька прекрасно сошелся с Володей Почкиным, у них нашлось много общего, и, если бы мы сейчас упустили Кузьку, Володя был бы безутешен и, возможно, оторвал бы нам голы...

— Грррр, — произнес Лавр Федотович. — Какие будут вопросы к докладчику?

— У меня вопросов нет, — заявил Хлебовводов, который убедился, что Кузьма не кусается, и сразу обнаглел. — Но я так полагаю, что это обыкновенный крокодил с крыльями, и больше ничего. И напрасно товарищ научный консультант наводил тут нам тень на плетень... И потом я замечаю, что комендант развел у себя в колонии любимчиков и прикармливает их там за государственный счет. Я не хочу, конечно, сказать, что там у него семейственность или он, скажем, взытки от этого крокодила получает, но факт, по-моему, наличие: крокодил с крыльями — самая простая штука, а возятся с ним как с писаной торбой. Гнать его нужно из Колонии, пусть работает идет...

— Как же работать? — сказал комендант, очень болезненно за Кузьку.

— А так! У нас все работают! Вон он, здоровенный

лоб какой, сидит. Ему бы бревна на лесопилке подносить... или пусть камень грузит. Может, скажете, у него жилы слабые? Я этих крокодилов знаю, я их всяких повидал... и крылатых, и всяких.

— Как же так? — страдал комендант. — Он же все-таки не человек, он же все-таки животное, у него диета...

— Ничего, у нас животные тоже работают. Лошади, например. Пускай в лошади идет! Диста у него... У меня вот тоже диста, а я из-за него без обеда сижу... Однако Хлебовводов чувствовал, что заврался. Фарфуркис смотрел на него насмешливо, да и поза Лавра Федотовича наводила на размышления. Учтя все эти обстоятельства, Хлебовводов сделал вдруг резкий поворот. — Пойдите, пойдите! — заорал он. — Это какой же у нас Кузьма? Это не тот ли Кузьма, который клубные лампочки жрал?.. Ну да, тот самый и есть! Это что же — и меры, значит, к нему приняты не были? Ты, товарищ Зубо, не выкручивайтесь, ты мне прямо скажите: меры были приняты?

— Были, — сказал комендант с горячностью.

— Какие именно?

— Слабительного ему дали, — сказал комендант. Видно было, что за Кузьму он будет стоять насмерть.

Хлебовводов ударил кулаком по столу, и Кузьма со страху напустил лужу. Тут уж и я разозлился и выкрикнул, обращаясь прямо к Лавру Федотовичу, что это издевательство над ценным научным экспонатом. Фарфуркис тоже заявил, что он протестует, что товарищ Хлебовводов опять пытается навязать Тройке несвойственные ей функции. Полковник вдруг проснулся, неожиданным басом рявкнул: «Кр-рокодил с крыльями? Ценно, очень ценно. Огнемет!» — и вновь заснул. Лавр же Федотович облизал бледный указательный палец и резким движением перебрался в биваре несколько листов, что служило у него признаком сильнейшего раздражения. Надвигалась буря.

В эту минуту дверь распахнулась, и мрачный курьер, ни к кому специально не обращаясь, прохрипел:

— Кому здесь почту сдать?

На огромном, как скворода, лице Лавра Федотовича проступило ледяное изумление.

— Почему нашей работе мешают? — осведомился он ровным голосом. — Товарищ Фарфуркис, в чем дело?

— В чем дело, товарищ Зубо? — мгновенно остервенев, вскричал Фарфуркис. — Что за безобразие?

Комендант был уже на пути к курьеру. Он схватил этого мрачного мужчину за живот и вместе с ним вывалился в приемную, ногой захлопнув за собой дверь.

— Безобразие какое! — кипятился Фарфуркис. — Наглость какая!

— Уволить их обоих, — кровожадно потребовал Хлебовводов. — Лезет, понимаешь, на заседание, как в нужник...

Комендант снова вскочил в комнату, рысью подбежал к Лавру Федотовичу и принялся что-то докладывать ему на ухо. «Вот оно!» — шепнул мне Эдик. — Начинается!» Фарфуркис и Хлебовводов, изнемогая от ревности и любопытства, чуть задвигали ушами.

Черты Лавра Федотовича смягчились.

— Все? — с незнакомым выражением спросил он.

— Так точно, как есть все, — с горячностью подтвердил комендант.

Лавр Федотович горделиво поднял голову.

— Пусть корреспонденцию внесут, — приказал он.

— Заноси! — крикнул комендант.

Здоровенный курьер, пятясь задом, втащил в комнату обширный дерюжный тюк, потом второй такой же, потом третий.

— Счастливенько вам оставаться, — сказал он, ни на кого не глядя, и удалился.

— Грррр, — произнес Лавр Федотович. — Ввиду не предусмотренного повесткой поступления большого количества корреспонденции от научно-исследовательских учреждений предлагается утреннее заседание прервать. Товарищам Фарфуркису и Выбегалле предлагается немедленно приступить к производству разбора прибывшей корреспонденции и доложить предварительные результаты на вечернем заседании. Других предложений нет? Вопросы есть?

— Неужели же все это — из научных учреждений? — благоговейно спросил Хлебовводов.

— Да, — ответил Лавр Федотович. — И народу непонятно, что вас так удивляет, товарищ Хлебовводов.

— Нет, я это к чему? — сбивчиво забормотал Хлебовводов. — Я ведь это только к тому, что если все это из научных... тогда это же, надо полагать, все заявки, требования, поди... — Есть такое мнение, что все это заявки, — сказал Лавр Федотович и поднялся. — Заседание Тройки прерывается до восемнадцати ноль-ноль. — Он выбрался из-за стола и, проходя мимо коменданта, в высшей степени благодушно обратился к нему: — Ну вот,

товарищ Зубо, а крокодила вашего мы возьмем и отдадим в зоосад. Как вы на это посмотрите?

— Эх! — сказал героический комендант. — Лавр Федотович! Товарищ Вунюков! Христом богом... спасителем нашим... нет же у нас в городе зоологического сада!

— Будет! — пообещал Лавр Федотович и тут же демократично пошутил: — Простой сад у нас есть, детский тоже есть, а теперь и зоологический будет. Тройка тройку любит.

Взрыв предобеденного хохота побудил Кузьку еще раз сделать неприличность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вечернее заседание Тройки открылось в небывалой атмосфере всеобщего дружелюбия и взаимопонимания. Благостный и снисходительный Лавр Федотович щедро одарил всех папиросами «Герцеговина-Флор». Хлебовводов и Фарфуркис целую минуту уступали друг другу право первым проследовать за Лавром Федотовичем в комнату заседаний. Увлеченный нахлынувшим валом ренессанса, Выбегалло впервые за лето помылся и разил земляничным мылом. Полковник, то ли наконец отославшись, то ли наглотавшись сверх меры черного кофе, бодрствовал и все время весело смеялся. В угнетенном состоянии духа пребывал один лишь комендант. Во время перерыва он застудил себе на огороде зуб и теперь мучился так, что Лавр Федотович счел себя обязанным поддержать его благосклонной шуткой: «Вот, товарищ Зубо, имели вы против нас зуб, а теперь этот зуб у вас и разболелся».

Мои магистры присутствовали в полном составе и тоже переживали ренессанс, хотя Витька ходил весь покрытый ожогами и залепленный пластырем, а от Романа остался один лишь его дефицитный нос да жгуче-черные глаза, которые он то и дело от усталости заводил под лоб. Я, честно говоря, все еще сомневался в успехе нашего предприятия и прямо так и сказал им. В ответ Витька коротко ответил мне: «Хороший у нас председатель, молодец, молодец!» — а Эдик объяснил, что наше ближайшее будущее уже трижды проиграно на моделях и осуществится с вероятностью не меньше 0.99.

— Э-гм! — произнес наконец Лавр Федотович, нарушая все традиции и обнаруживая перед нами неведомую ранее грань своей натуры. — Вечернее заседание Тройки объявляется открытым. Слово для сообщения предоставляется товарищу Фарфуркису.

Фарфуркис встал, заглянул в записную книжку и начал. Он сообщил, что, согласно утвержденной повестке дня, на сегодняшнем вечернем заседании должны были быть рассмотрены: дело номер девяносто семь, так называемый Черный Ящик, и дело номер шестьдесят пять гражданина Долгоносилова Н. П., называющего себя телепатом и спиритом. Кроме того, на вечернем заседании предполагалось рассмотреть дело номер два о птеродактиле по кличке Кузьма. Далее, согласно повестке дня, предполагался еженедельный разбор жалоб, заявлений, а также информационных сообщений от населения и выдвижение наиболее выдающихся из рационализированных за истекший месяц необъясненных явлений на звание сенсации для широкого опубликования в прессе. Однако в связи с изменившимися обстоятельствами Тройка поставлена перед необходимостью коренным образом пересмотреть указанную повестку дня. Он, Фарфуркис, счастлив сообщить, что сегодня в адрес Тройки прибыло около десяти тысяч заявок и требований на необъясненные явления от отдельных научных сотрудников и целых рабочих групп ста восьмидесяти различных научно-исследовательских учреждений и заводских лабораторий. Это свидетельствует о том, что ТПРУНЯ действительно представляет собою неодолимейшее связующее звено между миром нашей науки и техники и миром необъясненных явлений. Но это же требует от нас, товарищи, решительного и принципиального пересмотра означенной повестки дня. Он, Фарфуркис, со своей стороны, предлагает следующее. Рассмотрение дела номер пятьдесят пять и девяносто семь, а также рассмотрение дела номер два отложить. (Аплодисменты.) По возможности быстро и без проволочек разобрать письма от населения и провести выдвижение сенсации. (Бурные аплодисменты.) После чего вплотную перейти к центральному вопросу сегодняшнего вечернего заседания — к обсуждению положения, создавшегося в связи с притоком большого количества заявок и требований от научных учреждений. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)

Лавр Федотович, дождавшись окончания оваций, выразил общее мнение, утвердив новую повестку дня, и предложил перейти к письмам от населения.

Писем оказалось семь.

Школьники села Вунюшино сообщали про местную бабку Зою. Все говорят, что она ведьма, что из-за нее урожаи плохие, и внука своего, бывшего отличника Василия Кормилицына, она превратила в хулигана и двоечника. Школьники просили Тройку разобраться в этой ведьме, в которую они как пионеры не верят, и чтобы Тройка объяснила научно, как она портит урожаи и как превращает отличников в двоечников.

Братья Андрей и Борис Долгорукие из села Аргунька Уссурийского края написали, что поймана девочка-людоед, бежавшая из-за рубежа от преследования и прославившаяся воровством кур. Местные власти отдали ее в детский дом. Братья полагали, что ее надлежит вскрыть и отыскать новые законы природы.

Группа туристов из разных городов наблюдала в предгорьях Верхоянского хребта зеленого скорпиона ростом с корову. Скорпион таинственным излучением усыпил двух дежурных и скрылся в тайге, похитив месячный запас продовольствия. Туристы предлагали свои услуги для поимки чудовища при условии, что им будет оплачена дорога хотя бы в одну сторону.

Житель города Китежграда Заядлый П. П. жаловался на соседа, второй год роющего подкоп под его дом. Письмо было послано из психиатрической больницы.

Другой житель Китежграда, гражданин Краснодворко С. Т., выражал негодование по поводу того, что городской сад загажен всякими чудовищами и погулять негде. Во всем обвинялся комендант Зубо, использующий отходы колонистской кухни для откармливания трех личных свиней и тунейдза-зятя.

Сельский врач из районного центра Бубново сообщил, что при операции на брюшной полости гражданина Панцерманова 115 лет обнаружил у него в отрубке слепой кишки древнюю согдийскую монету. Врач обращал внимание Тройки на тот факт, что гр. Панцерманов (ныне покойный) в Средней Азии никогда не был и найденной монеты никогда прежде не видал. На остальных сорока двух страницах письма молодой эскулап излагал свои соображения относительно телепатии, телекинеза и четвертого измерения. К письму прилагались фотографии аверса и реверса таинственной монеты в натуральную величину.

И, наконец, гродненский гражданин Фербенкс М. прислал очередную порцию газетных вырезок относительно появления НЛО и осведомлялся о гонораре.

Все письма были зачитаны вслух и стремительно обсуждены. По обыкновению они были переданы для ответа научному консультанту профессору Выбегалле. У Выбегаллы был огромный опыт такого рода работы. Он даже изобрел стандартную форму ответа: «Уважаемый (ая, ые) гр.....! Мы получили и прочли ваше интересное письмо. Сообщаемые вами факты хорошо известны науке и интереса не представляют. Тем не менее мы горячо благодарим вас за ваше наблюдение и желаем вам успехов в работе и личной жизни». Подпись. Все. По-моему, это было лучшее из всех изобретений Выбегаллы. Нельзя было не испытывать удовольствия, посылая письма в ответ на сообщение о том, что «Гр. Щин просверлил в моей стене отверстие и пускает сквозь него отравляющих газов».

Затем Тройка, не теряя темпа, занялась выдвижением кандидатур на звание сенсации месяца. Каждый член Тройки предложил своего кандидата. Хлебовводову, например, нравился заведующий Китежзаготскотом, который мог вынимать из карточной колоды заказанную карту, а также, держа карандаш в зубах, мог воспроизводить факсимиле великих деятелей Китежградского района. «Такие люди на земле не валяются», — заявил Хлебовводов. — Таких нам надо выдвигать». Воображение Фарфуркиса потрясла девушка, которая очень ловко видела ушами и слышала глазами. Фарфуркис признался даже, что как частное лицо он уже отправил корреспонденцию о ней в журнал «Знание — сила». Корреспонденция называлась: «Она слышит, видит, и видит, слышит». Полковнику тоже предоставили возможность высказаться, и он, заливаясь детским смехом, поведал нам о своем проекте создания сверхзвуковой реактивной кавалерии. В заключение Лавр Федотович сказал «грррр» и, выразив общее мнение Тройки, предложил на выдвижение сверлильщика Китежградского завода магтехники Толю Скворцова, регулярно перевыполняющего план на двести — двести десять процентов. Магистры и я встретили это предложение аплодисментами, потому что Толя Скворцов был прекрасный парень и хорошо нам известный. На том и порешили.

И тогда началось главное.

Слово о предварительном результате разбора прибывшей в адрес ТПРУНЯ корреспонденции было предоставлено профессору Выбегалле. Профессор доложил, что всего прибыло, значить, около десяти тысяч заявок и требований от ста восьмидесяти по крайней мере различных учреждений. Разобрано пока около тысячи заявок, все настоящие, на бланках и с печатями, все на тридцать семь необъясненных явлений, в том числе на дух Наполеона — сорок пять заявок, на вечный двигатель второго рода — тридцать девять заявок, на волшебный циркуль и волшебную линейку для трисекции угла — тридцать одна заявка, на эвристическую машину Машкина — двадцать две заявки и так далее. Среди приславших заявки действительных членов Академии Наук — семь, членов-корреспондентов — девятнадцать,

докторов разных наук — семьдесят пять, а все прочее — сплошь кандидаты, магистры и бакалавры. Это, значит, у нас их тысячи. Если же, как говорится, проэкстраполировать, то есть умножить на десять, тогда получится всего этого в десять раз больше, то есть академиков получится семьдесят, членкоров — сто девяносто два, а вот и все. Так нам говорит наука футурология. А о чем еще она нам говорит? Она вместе со всеми этими заявками говорит во весь голос о возросшем авторитете настоящей Тройки и в особенности о выдающейся роли в нашей жизни товарища Вунокова, нашего уважаемого и дорогого руководителя. Се нотр олинён! — закончил он и полез было к Лавру Федотовичу целоваться, но его задержал и остановил стол, заваленный энциклопедией.

Воспользовавшись паузой, Хлебобводов торопливо повторил доклад научного консультанта, безбожно перервав при этом все цифры, и заявил, что вот как эти академики ни старались, как ни выкручивались, а без нас все-таки не обошлись, потому что невозможно им обойтись без таких могучих государственных умов, как Лавр Федотович. Одно дело — всякие прутоны там гонять с электронами или, скажем, лекции почитать, а другое дело — науку двигать и вообще осуществлять руководство, как он. Хлебобводов, например, в бытность свою главным бухгалтером «ВНИТАГОРА». Без нас науку не подвигаете, я это всегда говорил и сейчас говорю. Старый конь борозды не испортит.

Полковник тоже внес свою лепту в обсуждение. Он предложил тост за новорожденного генерала.

Фарфуркис же сразу взял быка за рога. Он доверительно сообщил нам, что социология все более властно вторгается в жизнь, как в научную, так и в административную. Невозможно теперь работать по старинке, невозможно выносить произвольные решения о рационализации, не опираясь на социологические наблюдения. Времена волонтеризма кончились и не вернутся. Отныне и впредь каждое мудрое решение нашего глубоководного руководителя, нашего вождя, будет подтверждено необходимыми социологическими данными, как то: цифрами, графиками, анкетами и вычислениями.

Затем слово забрал себе Лавр Федотович. Он рассказал о новых задачах вверенной ему Тройки, вытекающих из возросшего ее авторитета и возросшей ее ответственности. Лавр Федотович предложил присутствующим развернуть еще более непримиримую борьбу за повышение трудовой дисциплины, против бюрократизма, за высокий моральный уровень всех и каждого, за здоровую критику и здоровую самокритику, против обезлички, за укрепление противопожарной безопасности, против зазнайства, за личную ответственность каждого, за образцовое содержание отчетности и против недооценки собственных сил. Народ нам скажет спасибо, если эти задачи мы станем выполнять еще более активно, чем раньше. Народ нам не простит, если эти задачи мы не станем выполнять еще более активно, чем раньше. Какие будут конкретные предложения по организации работы Тройки в связи с изменившимися условиями?

Я не без злорадства наблюдал, как было туго с конкретными предложениями. Сначала Хлебобводов по привычке размахнулся и предложил взять на себя повышенные обязательства, например, чтобы в связи с возросшим авторитетом Тройки командант товарищ Зубо обязался бы увеличить свой рабочий день до четырнадцати часов, а научный консультант товарищ Выбегалло отказался бы от обеденного перерыва. Однако это партизанское решение не встретило энтузиазма. Напротив, оно встретило яростный отпор названных лиц. Отстремела короткая перепалка, в ходе которой выяснилось, между прочим, что Тройке предстоит три старых дела и, по всей вероятности, столько же новых. Более того, положение чрезвычайно осложнялось тем обстоятельством, что на каждое новое дело была не одна, не две, а десятки заявок и все на бланках, и все с авторитетными подписями, так что к хлопотам по рационализации и утилизации добавлялись еще теперь заботы по арбитражу. Далее случайным обнаружилось, что Тройка выполнила план прошлого года всего на шестьдесят два процента, а план минувшего полугодия — лишь на тринадцать процентов.

Только теперь, по-видимому, Тройка осознала наконец, в какой глубокой луже она оказалась в связи со своим возросшим авторитетом. В распоряжении Тройки было два очевидных выхода. Первый — увеличить штат человек на десять. Однако этот выход был лишь кажущимся выходом. Даже Хлебобводов понимал, что увеличение и без того раздутого штата может привести только к увеличению сроков прохождения дел за счет непропорционального увеличения количества болтовни и пререканий. Что же касается второго выхода, то с ним вынул самый слаборезвый из всей компании: профессор Выбегалло. Он предложил передать часть дел некоей Двойке в составе пяти человек. Лучше бы Выбегалло сидел себе тихо да копался в борде, не высывался бы, не малодушничал, не бросал бы тень и не делал бы попыток разбазаривать возросший авторитет Тройки. Когда с ним было покончено, он уже больше не высывался. Он только икал и повторял одну и ту же французскую фразу: «Мон

шер си ву кондуизезиси ком у себя дома вуфинире тре маль»¹. Вот тут и наступила кульминация кризиса, которой, как видно, дожидались мои магистры.

Роман Ойра-Ойра поднялся и, скромно потупив глаза, сообщил, что присутствующие здесь представители, посоветовавшись между собой, решили предложить уважаемой Тройке посильную помощь, а именно — взять на себя арбитраж по делам, на которые поступило больше десяти заявок. Это идущее из глубины сердца альтруистическое предложение было встречено штыками и картечью. Больше и откровеннее всех орал Хлебобводов. Много вас тут таких, орал он. Арбитраж им подавай, видишь ты. Молод еще академиками распорядиться! Небось, пока у нас авторитет не возрос, сидел в уголку и хихикал, а теперь прилетел на готовенькое, да еще на самый лакомый кусок зуб точит. Арбитраж ему, понимаешь ты, чтобы академики перед ним на задних лапках ходили! Нет, браток, не будет по-твоему. Не перед тобой они будут ходить...

— Грррм, — произнес, выражая общее мнение, Лавр Федотович. — Какие будут еще предложения?

Выступил Фарфуркис и предложил установить твердую очередность дел в соответствии с количеством поданных заявок. Народ не может больше мириться с временной очередностью. Смешно разбирать дело, на которое подана лишь одна заявка, раньше дела, на которое подано сорок заявок...

По-видимому, все шло по плану, потому что магистры немедленно и одновременно взвыли. А как же мой Клоп, плакался Эдик. О, мой спрут Спиридон, стонал Роман. Несправедливо, старых клиентов зажимают, мрачно рычал Витька. Обидно же, подвывал я. Сколько ждали, сколько надеялись, за что боролись...

Фарфуркис немедленно дал нам разъяснение. Он снова напомнил, что времена волевых решений окончательны и бесповоротно миновали. Раньше работа административного органа еще могла в отдельных случаях строиться на эмоциональной основе, без учета реальных требований народа. Теперь же в связи с внедрением социологии мы всегда можем объективно сказать, что более и что менее необходимо. Вы же грамотные люди! Если на дело подано сорок заявок, значит, это важно, нужно и особо перспективно для науки. Я лично всегда удивлялся, зачем вам, товарищ Ойра-Ойра, какой-то дикий спрут. Я, конечно, не вмешивался, я не специалист, но априорное ощущение совершенной ненужности этого спрута для большой науки никогда меня не покидало. И теперь я вижу, что я был прав. Во всей нашей огромной науке вы — единственный человек, кому понадобился этот спрут. С другой стороны, скажем, дух Наполеона — это нечто важное, необходимое для науки, что и подтверждается количеством поданных заявок...

Роман сокрушенно разводил руки, ронял на грудь повинную голову и каялся во всем. Мы все каялись, кто как умел, но толку от этого покаяния для Тройки, если не считать морального удовлетворения, не было. Фарфуркис, конечно, выстроил дела в очередь, но как-никак, а полусотня однозаявочных дел по-прежнему продолжала висеть у Тройки на шее, угрожая сорвать план и вызвать нареkania народа. И вдруг осененный Выбегалло перестал твердить свое французское заклинание и сказал, что... эта... молодцы они, конечно, еще, до арбитража им еще расти и расти и до серьезных дел тоже, а вот нет ли средства, значить, приспособить их как-нибудь к этим малым делишкам, к этим крокодилам, клопам, пришельцам всяким... Пусть бы поработали, опыта бы поднабрались...

Наступила тишина. Мы замерли. Тройка раздумчиво переглядывалась. Фарфуркис листал записную книжку, в глазах у Хлебобводов, словно слабый огонек разума, загорелась надежда. Лавр Федотович терпеливо ждал предложений. Протекла минута, другая... И вот нечто прошепестело в воздухе. Где-то лягнула дверь сейфа, затрещала и смолкла пишущая машинка, пахнуло затхлой канцелярщиной, и странный, бесплотный голос прошептал: «Подкомиссию бы...»

— Грррм? — сказал Лавр Федотович.

— Да-да! — подскочил Фарфуркис.

— Вер-рна! — возликовал Хлебобводов.

Лавр Федотович поднялся.

— Выражая общее мнение, — провозгласил он, — предлагаю создать из присутствующих здесь представителей Подкомиссию по малым делам в количестве четырех человек с правом предварительной рационализации и утилизации малых дел. Подкомиссия подчиняется непосредственно председателю Тройки. Куратором Подкомиссии назначается товарищ Фарфуркис, председателем Подкомиссии — товарищ Привалов как наиболее проверенный и активный представитель. Предлагаю товарищу Привалову доложить мне план работы Подкомиссии в понедельник в девять ноль-ноль. Другие предложения есть? Вопросы есть?

У меня были вопросы, у меня было множество вопросов и десятки предложений. Но Эдик и Роман мощным заклинанием Пинского-младшего парализовали мои конечности, а грубый Корнеев с размаху залепил мне уста Печатью Молчания Эйсмана-Межова.

— Выражая общее мнение, — продолжал Лавр Федотович, — предлагаю товарищу Выбегалло в трехднев-

ный срок разобрать и составить опись вновь поступивших заявок. Ответственный товарищ Хлебобводов. Предлагаю команданту колонии товарищу Зубо завести новые дела в соответствии с поступившими заявками. Ответственный — товарищ... э-э... полковник. Товарищу Фарфуркису предлагается установить очередность дел и подготовить предварительные соображения по арбитражу. Другие предложения есть? Нет... На этом объединенное заседание Тройки и Подкомиссии по малым делам объявляю закрытым. Предлагаю Подкомиссии удалиться и приступить к исполнению своих обязанностей.

Поскольку я все порывался избавиться от Печати Молчания контрзаклинанием Дизраеля-Букова, магистры сочли за благо превратить меня в три букета сирени и трансгрессироваться прямо в наш номер. Там я получил обратно свой естественный облик, способность двигаться и способность говорить. И я говорил. Когда я выдохся, Корнеев сказал:

— Ну и грубиян ты, Сашка. А я-то думал, ты у нас тихий, воспитанный.

— Нехорошо, нехорошо, — подтвердил Роман. — Да еще при посторонних...

Только теперь я заметил, что в номере, кроме нас, находятся еще двое младших научных сотрудников.

— Ну как? — спросил один из них с жадностью. — Выгорело?

— О да! — сказал Роман. — Разрешите представить вам председателя Подкомиссии по малым делам товарища Привалова. Александр Иванович, это представители, мелочь всякая, крокодилы им там нужны, клопы и так далее... А вот не угодно ли вам, Александр Иванович, начать заседание? Что нам трать народное время?

И я понял, что трать народное время действительно не имеет никакого смысла. Я забрался с ногами на Витькину койку, упер руки в колени и оглядел всех мертвым взглядом.

— Грррм, — сказал я. — Выражая общее мнение, предлагаю рационализировать дело номер девяносто семь, именуемое Черный Ящик, и передать его присутствующему здесь Привалову А. И. Другие предложения есть? Нет предложений. Принято. Протокол!

Передо мной лег протокол.

— Следующий, — провозгласил я. — Товарищ Корнеев, доложите!

Неустанно борясь с бюрократизмом и недооценкой собственных сил, мы за пять минут рационализировали и распределили Клопа Говоруна, жидкого пришельца и спрута Спиридона. Затем, движимые стремлением внедрить здоровую критику и укрепить противопожарную безопасность, мы перераспределили снежного человека Федю лаборантом в отдел Эдика Амперяна. Ненависть к зазнайству и страстная любовь к трудовой дисциплине подвинули нас отдать птеродактиля Кузьму под покровительство Володи Почкина. Письмо в Президиум Академии Наук об оказании помощи пришельцу Константину мы составили просто так, вне борьбы, из чистого альтруизма.

— А теперь, — сказал я злорадно, — долой обезличку! Да здравствует образцовое ведение отчетности! Сейчас мы переиграем старикашку Эдельвейса.

— Поздно, — сказал Роман. — Мне очень грустно, Сашка, но Эдельвейса ты все равно что утратил. На него подана в общей совокупности двести одна заявка, и достанется он, несчастный, Кристофалу Хунте.

— То есть как? — сказал я. — Разве заявки настоящие?

— Ну естественно, — удивился Эдик. — За кого ты нас принимаешь?

— Мы не уголовники какие-нибудь, — сказал Корнеев. — Мы работаем. Мы, если хочешь знать, всю научную общественность за эту ночь перетряхнули. Ты знаешь про такого зверя — солидарность научной общности называется? Особенно когда дело касается товарища Вунокова...

— О! — с чувством сказал я. — Это гениально.

Незнакомцы нетерпеливо покашливали.

— Да, конечно, — сказал Роман. — Времени мало.

— Мало? — спросил я. — Ты ошибаешься. Времени у нас нет вообще! У меня своих дел хватает, я не намерен заниматься председательствованием всю жизнь. Поэтому, вновь выражая всеобщее мнение, я объявляю первое и последнее заседание Подкомиссии в нынешнем ее составе закрытым. Предлагаю кооптировать вот этих типов на подоконнике в состав Подкомиссии, а всему нынешнему составу удалиться в длительный творческий отпуск.

— Правильное решение! — сказал один из этих типов, алчно потирая руки.

— Но имейте в виду, — сказал я. — Пока не прибудет следующая партия просителей, которых можно будет кооптировать, вы будете сидеть здесь, общаться с товарищем Вуноковым и набираться опыта на совместных заседаниях Тройки и Подкомиссии.

— Идет, — согласился другой из этих типов.

— И не забывайте содержать в полном порядке отчетность, — напомнил я. — Отчетность — это главное. — Я собрал протоколы и встал. — Ну ладно. Кто хочет, пусть ждет до понедельника. А я, председатель, сейчас пойду к Вунокову и вышибу из него Большую Круглую Печать.

¹ Мой дорогой, если вы будете вести себя, как дома, вы кончите очень плохо.

Читайте в ближайших номерах:

Афганские сны. Очерк о сестре милосердия.

Право на лидерство. Тема для Института молодежных проблем.

Рассказ Валентина Пикуля.

От чего страдает архитектура?

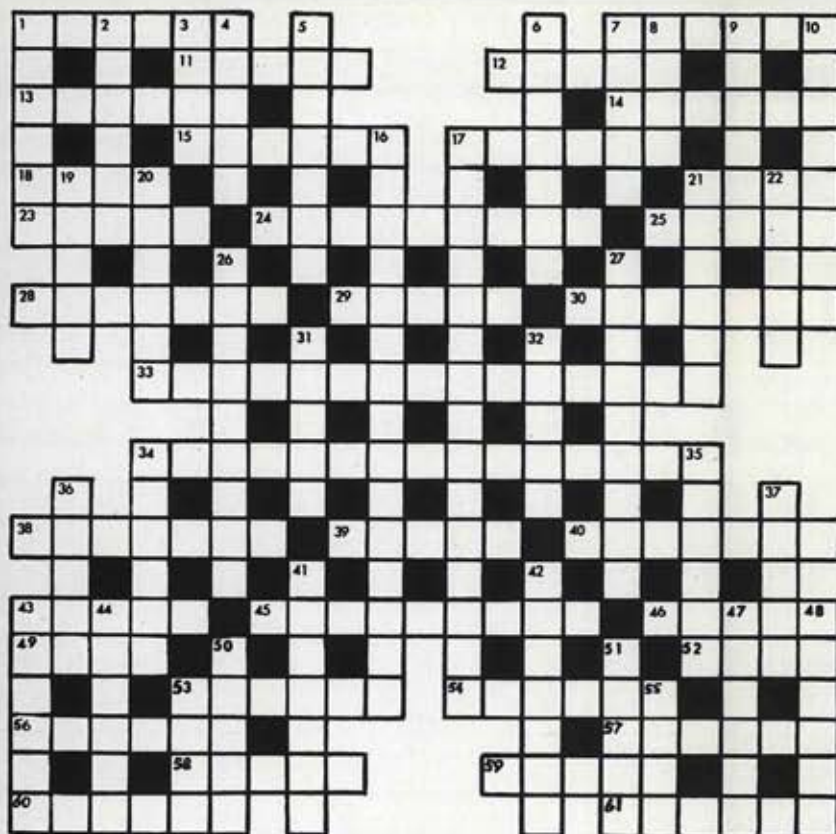
Новая остросюжетная повесть Сергея Устинова.

Устав кооперативного теннисного клуба.

Непубликовавшиеся стихи Марины Цветаевой.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

По горизонтали:

1. Нарезное ружье. 7. Тюлень с кожистым выростом выше глаз. 11. Вторая после кобры по ядовитости змея в нашей стране. 12. Участок земли, который получала от общины крестьянская семья. 13. Немецкий композитор, первым из дирижеров ставший лицом к оркестру. 14. Немецкий физик, независимо от М. Гепперт-Майера разработавший оболочечную модель атомного ядра. 15. Остров на юге Аргентины. 17. Массовое собрание на злободневную тему. 18. Река на юге ГДР. 21. Дерево с хвоей как у лиственницы, но не опадающей на зиму. 23. Город на острове Сулавеси в Индонезии. 24. Часть педагогики, разрабатывающая принципы обучения. 25. Один из героев романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». 28. Задвижка на двери. 29. Инструмент, «душой» которого называли Ф. Шопена. 30. Третий по ценности самоцвет. 33. Работник транспорта. 34. Порт на самой крупной реке Украины. 38. «Груз», которым, по выражению Ж. Верна, доверху был наполнен «Дукан» по возвращении в Шотландию (роман «Дети капитана Гранта»). 39. Подземная горная выработка. 40. Инструмент, изображенный на гравюре А. Дюрера «Меланхолия». 43. Одно из русских названий слоняющегося человека. 45. Декоративное растение с цветами в виде колокольчиков белого, розового или фиолетового цвета. 46. Мастерская в повести В. Катаева «Белеет парус одинокий», где «звенели молотки и слышался ветер мехов». 49. Овощной продукт. 52. Степень родства. 53. «Признание» Е. Баратынского (жанр). 54. Жидкость, которой можно снять жировое пятно. 56. Лучшая пора во всякое время года. 57. Ломаная линия. 58. Часть текста. 59. Человек, написавший заявление в суд. 60. Девушка в греческой мифологии, которую Афина превратила в паука за вызов на состязание в искусстве ткачества. 61. Роман Б. Пруса.

По вертикали:

1. Шерстяная ткань. 2. Село в Сванетии, самое высокогорное в Европе. 3. Герой в рассказе А. Грина «Эпизод при взятии форта «Циклоп». 4. Русский крейсер, в 1904 году героически погибший в сражении с японскими крейсерами. 5. Славянин, поклонявшийся идолам. 6. Приемы, способы достижения цели. 7. Творец нержавеющей стали. 8. Русский князь, погибший, по преданию, от укуса змеи. 9. Знаменитый шахматист, первым ставший учитывать психологию противника. 10. Восточное дерево с волосками на плодах. 16. Песня В. Соловьева-Седого. 17. Спеченные из порошка материалы. 19. Французский скульптор, чей лиризм берет начало в творчестве Донателло. 20. Трубка, по которой перегоняемая жидкость поступает из холодильника в приемник. 21. «Друг степей» в стихотворении А. Пушкина «Памятник». 22. Одно из русских названий зеваки, любопытствующего человека. 26. Услуга. 27. Человек, лишенный родины. 31. Место действия в романе Ф. Купера «Зверобой». 32. Тыльная часть военного укрепления. 34. Чувство недовольства, раздражения. 35. Растение, листья которому заменяет мясистый стебель. 36. Газетно-журнальный жанр. 37. Строительный материал. 41. Литературная кража. 42. Город в Белоруссии, который художник Марк Шагал изображал всю свою жизнь. 43. Самоцвет, не любящий воду. 44. Советская киноактриса. 47. «Апостол» Ивана Федорова напечатан на бумаге с водяными знаками, где изображены, в частности, перчатки (один из двух предметов, которые видны на перчатках). 48. Кривой турецкий кинжал. 50. Остров, откуда Наполеон сбежал. 51. Слуга Виолетты в опере Д. Верди «Травиата». 53. Газ, насыщенный углекислотой. 55. Река в Свердловской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

7. Экология. 9. Мотодром. 11. Чайот. 12. Холерик. 14. «Юманите». 15. Табакерка. 16. Кошка. 18. Дащей. 19. Ордос. 23. Падун. 25. Юрта. 26. Трава. 27. Убор. 28. Икар. 29. Кедр. 30. Каша. 32. Аксис. 33. Кабе. 36. Горох. 38. Елово. 41. Веник. 44. Атлас. 45. «Ренессанс». 47. Сенатор. 48. Цимофан. 49. «Льгов». 51. Ожидание. 52. Прокатка.

По вертикали:

1. Неофит. 2. Омич. 3. Енот. 4. Обойма. 5. Коленкор. 6. Брентано. 7. Эхолот. 8. Ябад. 9. Мотет. 10. Мэтьюз. 13. Камо. 14. Юкка. 17. Артишок. 18. Дубрава. 20. Дакар. 21. Страх. 22. Фауст. 23. Паксе. 24. Дудко. 31. Агитация. 34. Ботфорты. 35. Железо. 37. Обер. 39. Ленц. 40. Салака. 42. Зелье. 43. Иссоп. 45. Ротанг. 46. Сикким. 49. Лири. 50. Враг.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 14 (1444)
июль 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНУКОВ
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САУШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Вячеслав ПАВЛОВ
Технический редактор
Диана МАЗУР

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда»
«Смена», 1987 г.

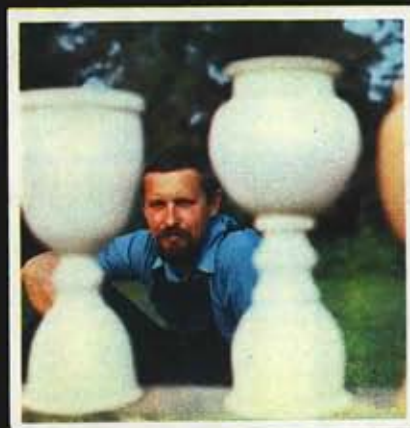
Сдано в набор 04.06.87.
Подписано к печати 17.06.87.
А 04728. Формат 70×108½.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 1809. Заказ № 797.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

АЛЕКСАНДР ЗИМЕНКО

Кажется, он взял за правило всех удивлять. Преподавателем в Белорусском театральном-художественном институте, коллег-художников. В своем творчестве неожиданно для многих вышел за пределы гончарного круга. Увлёкся мелкой пластикой, аллегорическими, гротескными скульптурами, рельефами... Наконец, Александр Зименко удивил родственников и друзей. Представьте себе: человек родился и вырос в самом центре Минска, прожил здесь 30 лет, добился признания — был избран секретарем правления Союза художников БССР — и вдруг... все оставил, переселился в «провинцию» — в местечко Фаниполь, что в Дзержинском районе Минской области.

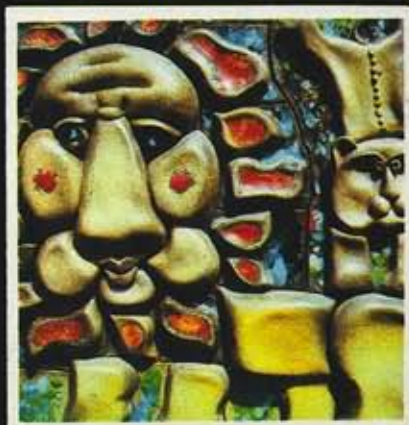
Этот «непредсказуемый» человек хорошо известен всем, кто интересуется декоративно-прикладным искусством, потому что он из тех художников, благодаря которым начала развиваться и получила признание школа современной белорусской керамики.

...Александр до сих пор помнит день, когда глина перестала быть для него обычной грязью под ногами. Строился дом. Из рук рабочего-каменщика упал кирпич и разбился, да так, что в обломке явственно угадывались очертания человеческой головы. Он унес обломок домой и перочинным ножом и напильником стал

дополнять черты этого неведомого и странного лица, которое вдруг открылось ему волей случая... Конечно, поначалу Александр и не думал называть себя художником. Дело было не в звании, а в ощущении радости, что поселилась в нем и накрепко связалась с глиной.

Он пробовал себя и в графике,

и в живописи, и в скульптуре. Но верх взяла керамика. Может быть, потому что сам материал был его первым настоящим «учителем». Глина учила аккуратности — посторонние примеси в ней разрушают работу; терпению — хорошего результата можно добиться только после множества проб и ошибок; стремлению к завершенности — иначе вещь высохнет, и уже ничего не переделаешь.

В последнее время его керамика стала более тонкой, профессиональной, но, пожалуй, утратила долю того молодого запала и натиска, с которым Зименко вошел в искусство. На смену пришли прозрачная ясность мысли, уверенное владение пластикой. Пришло мастерство.

...Живет среди нас мастер, его творчество наполнено страстным ощущением жизни. В его мастерской пылает огонь, в котором обжигаются работы, пробуждающие в нас мысли, чувства. Зажигающие огонь в нас.

Виктор ЖУК.
Фото автора